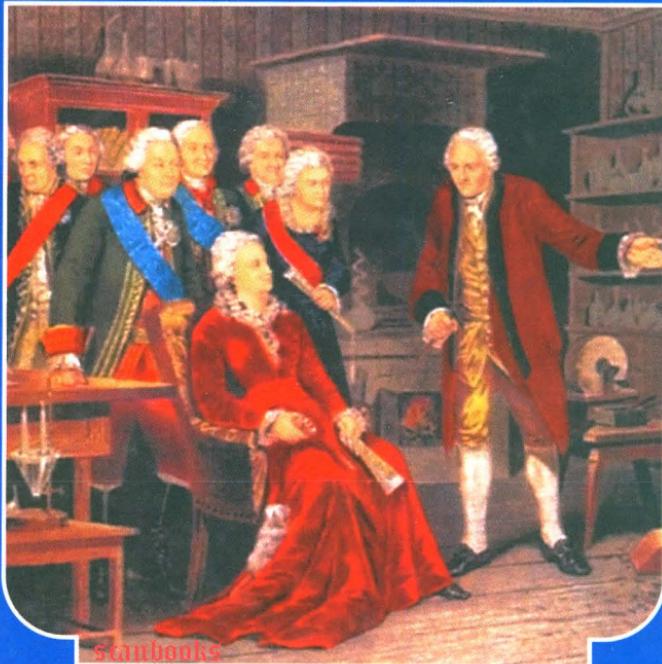

ИСТОРИЯ РОССИИ

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

stanBooks

ИСТОРИЯ РОССИИ

М.А. Еременко

**ДВОРЦОВЫЕ
ПЕРЕВОРОТЫ**

МИР КНИГИ

МОСКВА

2007

ББК 63.3
E70

Использование текста, а также его фрагментов,
без разрешения правообладателя запрещается
и преследуется по закону.

Научный редактор
кандидат исторических наук Д.А. Ванюков

Еременко, Мария Александровна
E70 Дворцовые перевороты. — М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 240 с.: ил.; цв. вкл. 16 с. — (История России).

XVIII столетие вошло в историю как галантный век, эпоха Просвещения. В Европе это был период народных волнений, войн и социальных потрясений, завершившийся Великой французской революцией. В России это столетие называют «эпохой дворцовых переворотов».

О событиях тех времен, об экономической, культурной и общественной жизни рассказывает эта книга.

ББК 63.3

ISBN 978-5-486-01349-2

© Еременко М.А., текст
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», 2007

Предисловие

В истории и культуре за восемнадцатым столетием закрепилось название «галантный век». В нем отразились приметы придворного быта того времени: напудренные парики дам и кавалеров, роскошные наряды, изысканные манеры. На этом фоне дворцовые интриги представляются захватывающим спектаклем, хотя в действительности они явились следствием серьезных социально-политических процессов, происходивших в российском обществе.

Период с момента кончины Петра I до 1762 г. (то есть до воцарения Екатерины II) историки называют «эпохой дворцовых переворотов» (термин В.О. Ключевского). В эти годы смена власти в Российском государстве осуществлялась прежде всего вследствие заговоров, интриг и происков небольшой группы людей. Воцарение очередного правителя сопровождалось ссылками, арестами, народными волнениями. События развивались так быстро, что те, кто еще вчера управлял огромной страной, сегодня оказывались забытыми, заканчивали свои дни в Сибири или монастыре. Это было время, когда «дворец и крепость стояли рядом, поддерживая друг друга и обмениваясь жильцами» [1].

Многие отечественные историки считают, что причиной частой смены царей и цариц на российском троне послужил Указ Петра I о престолонаследии от 5 февраля 1722 г. В нем утверждалось право императора назначать преемника по своему усмотрению. Второй причиной нестабильности политической власти в России в послепетровскую эпоху стала заданная первым российским императором ориентация на европейские политические традиции, которые на тот момент в значительной степени основывались на придворных интригах, заговорах, контрзаговорах и имитации заговоров.

Перестроив российскую действительность по европейскому образцу, Петр I расколол страну на два лагеря: традиционно русский (сюда входили низшие сословия, некоторые из бывших бояр и духовенство) и новый, европеизированный (он включал в себя представителей двора, высших чиновников, дворянство, гвардию, губернаторов). Народ испытывал неприязнь к «онемеченному» высшему сословию.

Петровские преобразования нарушили прежнюю традиционную связь между царем и его подданными, что служило почвой для возникновения смут.

Наконец Петр Великий создал императорскую гвардию — силу, которая влияла на политическую обстановку в стране на протяжении всего столетия. Ее роль в каждом из дворцовых переворотов была исключительной: за кем шла гвардия, тот становился правителем. Она служила инструментом личной власти правителя, что устанавливало особые отношения между офицерами и монархом. «Гвардия была единственной военной силой, к которой император мог спешно обратиться за помощью в чрезвычайных обстоятельствах, — пишет М.А. Бойцов, — никаких противовесов ей не существовало. А следовательно, никто не мог помешать и гвардейцам сместить правительство, если на то была их воля» [2].

В первый период эпохи дворцовых переворотов роль гвардейцев сводилась к демонстрации силы и устрашению соперников в борьбе за власть.

После смерти Анны Иоанновны гвардия была главным действующим лицом в развитии событий — именно она свергала неугодных правителей, утверждая на троне своих ставленников. Так были возведены на престол Елизавета I и Екатерина II. От переворота к перевороту число участников заговоров росло, со свергнутыми правителями обходились все более жестоко: если Бирона просто сослали, то Анну Леопольдовну и ее семью заточили в отдаленные крепости, а Петра III убили.

На протяжении XVIII в. перевороты совершались неравномерно: десять лет спокойного правления Анны Иоанновны и два десятка елизаветинских чередовались с бурными временами, применительно к которым сказано, что «караул (гвардия. — Ред.) уже устал от привычного дела» [1] (под «привычным делом» понимается смещение правителей).

В эпохе дворцовых переворотов можно выделить три важнейших направления. Первое из них продолжает линию Петра — полноправное вхождение России в систему европейских государств. Второе направление прямо противоположно: оно ориентировано на замкнутую в себе средневековую Россию и ограничение контактов с Западом, призванное предотвратить возможность заражения от этого «неизлечи-

мого больного» (выражение С.П. Шевырева). Третье направление — в сторону колонизации России европейскими авантюристами, получившими доступ к богатой российской кормушке.

При всех этих различиях дворцовые перевороты XVIII столетия имеют одну характерную особенность: каждый из них представляет собой скорее хорошо выполненную импровизацию, чем тщательно спланированное действие. В истории России этот период уникален также и потому, что страной правили женщины. Артистизм и изящество уживались с жестокостью и грубостью — такова была эпоха.

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В последние годы жизни Петр I не зря беспокоился о судьбе начатых им преобразований. Хотя после кончины первого российского императора на российском троне оказались представители царствующего семейства, фактически государством управляли ловкие царедворцы, возвысившиеся при Петре Великом и числившиеся среди его сподвижников. Пользуясь своим особым положением и отсутствием сильного преемника, они стремились породниться с династией Романовых и таким образом добиться абсолютного господства.

Царствование Екатерины I

Петр Великий скончался в 1725 г., не оставив официального наследника. По собственному указу от 1722 г. он должен был распорядиться о преемнике, но не успел этого сделать. Считается, что сначала Петр I собирался оставить престол старшей дочери Анне, но затем передумал в пользу своей жены Екатерины (Марты Скавронской). Однако незадолго до смерти царя отношения супругов резко ухудшились, особен-

Петр Великий (скульптура М.М. Антокольского)

но после «дела Монса» (любовника Екатерины и, по иронии судьбы, брата Анны Монс, которой Петр увлекся в молодости).

В день смерти Петра 28 января 1725 г. правами на императорский трон обладали девять человек: овдовевшая императрица Екатерина Алексеевна; две ее дочери от Петра — Анна и Елизавета; внуки Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной (дети царевича Алексея) — Петр и Наталья; дочери царя Ивана (соправителя Петра до 1696 г.) — Анна, Прасковья и Екатерина; внучатая племянница Петра Анна Леопольдовна (внучка царя Ивана).

У каждого из девяти претендентов были свои сторонники. «Птенцы гнезда Петрова»* во главе со светлейшим князем А.Д. Меншиковым поддерживали Екатерину. Старая боярская знать во главе с князем Д.М. Голицыным выступала за передачу престола единственному законному наследнику — Петру II (внуку Петра I). Однако Меншиков считал, что малолетний Петр Алексеевич не сможет управлять страной.

Меншиков склонил на сторону царицы Семеновский и Преображенский гвардейские полки, которые боготворили Петра I, а потому были готовы безоговорочно служить и его супруге. Тем не менее Меншиков постарался задобрить гвардию, выплатив всем полкам задержанное жалованье за 16 месяцев.

Еще в 1724 г., когда Екатерина получила титул императрицы, ей было позволено принять несколько самостоятельных решений. Одним из них стало возведение распорядителя церемонии коронации П.А. Толстого (предка писателя Л.Н. Толстого) в графское достоинство.

Сторонники Екатерины заручились также поддержкой сподвижника Петра I — известного публициста и проповедника Феофана Прокоповича. Когда решался вопрос о том, кому передать власть, Прокопович заявил, что, хотя царь и не оставил завещания, его воля была выражена актом коронации супруги в 1724 г. — именно ее, и никого другого, Петр считал своей преемницей. Канцлер Г.И. Головкин подтвердил

* Выражение А.С. Пушкина («Полтава», 1829).

слова Феофана Прокоповича. А.Д. Меншикову осталось подвести черту: воля царя священна, и ее надлежит исполнить. Манифест, распространенный среди населения, объявлял Екатерину «императрицей и самодержицей со всеми правами, которыми пользовался супруг ее» [1].

Известие о вступлении Екатерины I на престол в народе было воспринято сдержанно. Присяга императрице прошла без принуждения и каких-либо инцидентов: страна готовилась к похоронам своего первого императора. Смерть Петра позволила продемонстрировать отказ новой (императорской) России от прежних скромных ритуалов погребения московских царей. Сценарий похорон первого российского императора был разработан фельдмаршалом Яковом Брюсом по образцу похорон королей Франции и Швеции. По воле Екатерины тело Петра I оставалось непогребенным в течение 40 дней: оно было выставлено во дворце. Каждый день, утром и вечером, царица ходила к гробу и плакала. Забальзамированное тело императора было перевезено в Петропавловский собор только 8 марта 1725 г.

Когда гроб опускали в землю, императору-артиллеристу в последний раз салютовали все пушки Адмиралтейства и Петропавловской крепости. Со временем прощальный салют станет официальной частью прощания с российскими правителями не только в императорский, но и в советский период истории страны.

Екатерина I царствовала два с небольшим года. Она поддерживала Петровские реформы, но сама не имела силы и желания продолжать их. В исторических трудах ее царствованию уделяется небольшое внимание: в основном пишется, что характера она была незлобивого и во всем руководствовалась советами А.Д. Меншикова. Ни современники, ни последующие историки не могли сказать о ней ничего плохого. В укор ей можно было поставить разве что неблагородное происхождение и малограмотность. К чести Екатерины, она не стыдилась этих обстоятельств своей биографии, а также не кичилась своим положением и высоким титулом. Императрица обладала тактом, который позволил бывшей прачке с легкостью усвоить придворный этикет и не испытывать комплекса неполноценности в обществе иностранных дипломатов.

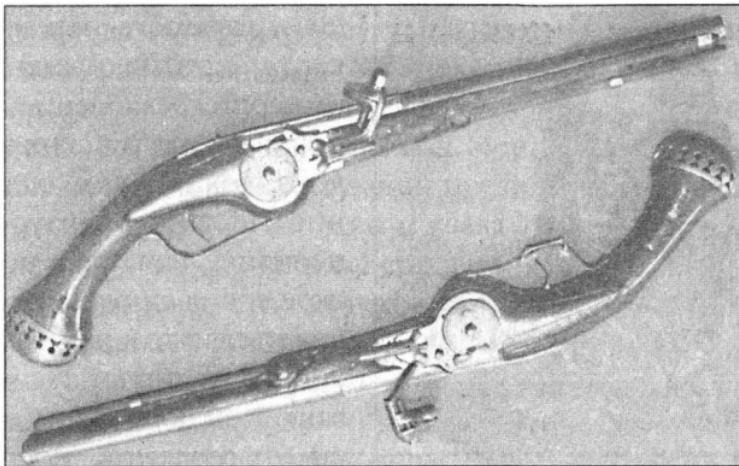
Россия при Екатерине I

Основные направления внешней политики в период правления Екатерины I продолжали курс, намеченный Петром I. При этой императрице была начата Вторая война с Персией (Ираном), которая фактически являлась продолжением Персидского (Каспийского) похода, предпринятого Петром I. Петербургский договор 1724 г., который, как ожидалось, должен был утвердить завоевания России в Закавказье, так и не был ратифицирован в Персии.

Сложившаяся ситуация была обусловлена не столько нежеланием иранцев вступать в мирные переговоры, сколько их неготовностью. Закавказье являлось объектом интересов Османской империи, которая стремилась вытеснить из этого региона и русских, и иранцев, а потому спровоцировала политические беспорядки («смуту») на персидских территориях. Политическая нестабильность главным образом и препятствовала установлению продуктивных дипломатических отношений между Россией и Персией.

Кавказ в годы Второй Персидской войны

Пистолеты с колесцовыми замками
(из коллекции оружия Петра I)

Действия русских войск во Второй персидской войне не имели успеха, что объяснялось как непривычными природными условиями, так и неожиданной поддержкой, полученной Персией со стороны некоторых народов Кавказа. По-настоящему в освобождении от персидского ига были заинтересованы преимущественно армяне. Многочисленные малые народности, в большинстве не обладавшие развитой государственностью, не имели постоянного политического курса. Вооруженные отряды, сформированные местными князьями, неоднократно выступали против русских войск, не давая им возможности закрепиться в стратегически важных местах для совершения походов против иранцев.

Уже в начале весны 1725 г. правительство приняло решение о сворачивании военной кампании в ряде районов Кавказа и Закавказья. Основные боевые действия проводились лишь у реки Куры и в провинции Гилянь. 30 марта члены Верховного тайного совета вынесли решение о прекращении войны с Персией и возвращении персидскому шаху Гиляни отвоеванных ранее у него земель в провинциях Мазандеран и Астрabad.

Отчасти это делалось для того, чтобы Персия в условиях мира обрела внутриполитическую стабильность и смогла бы сдержать проникновение турков в Закавказье. Иными словами, путем уступок иранцам Россия намеревалась в дальней-

А.Д. Меншиков (рисунок, XIX в.)

шем разыграть персидскую карту против Османской империи, ослабление которой было для русских гораздо выгоднее, чем ослабление Персии. Антитурецкая политика, начатая в петровское время, продолжала развиваться: в том же году российскими дипломатами был заключен договор с Австрией о создании военного союза против турок.

Во внутренней политике так же, как и во внешней, продолжались начинания Петра I.

В Россию приглашались иностранные ученые и специалисты, иностранным купцам предоставлялись льготы на ввоз товаров. Соратники Петра Великого действовали в заданном направлении. Однако очень скоро бывшие сподвижники превратились в соперников, рвущихся к власти. Главным среди них был «полудержавный властелин», светлейший князь А.Д. Меншиков — человек, сделавший головокружительную карьеру, пройдя путь от торговца пирожками (правда, об этом факте его биографии известно только со слов его политических противников) до всесильного вельможи.

Многие сенаторы были недовольны тем, что Меншиков единолично принимает решения. Уже в мае 1725 г. при дворе пошел слух о намерении создать вокруг трона кружок неродственных друзей императрицы во главе с Меншиковым. Предполагалось, что этот кружок «встанет выше Сената» [3]. Однако Петр Толстой смог убедить сенаторов в опасности разъединения — таким путем он рассчитывал ограничить влияние Меншикова на императрицу.

Указом от 8 февраля 1726 г. был учрежден Верховный тайный совет, в котором председательствовала императрица. Совет был поставлен выше Сената и стал, по словам В.О. Ключевского, «как бы расширением единоличной верховной

* Выражение А.С. Пушкина («Полтава», 1829).

власти в коллегиальную форму» [1]. Из шести вошедших в него действительных тайных советников лишь один — князь Д.М. Голицын — был представителем старой знати. Четверо — президент Военной коллегии А.Д. Меншиков, президент Морской коллегии Ф.М. Апраксин, президент Иностранный коллегии канцлер Г.И. Головкин и глава Тайной канцелярии П.А. Толстой — обеспечили в Верховном тайном совете подавляющий перевес сторонников петровского курса. Шестым был барон А.И. Остерман.

В своей деятельности Верховный тайный совет столкнулся с проблемами, возникшими как следствие Петровских реформ. Государственная казна испытывала острую нехватку денег, поэтому в 1727 г. было решено отчеканить 2 млн медных пятикопеечных монет. Назначенный координатором проекта генерал-майор А.Я. Волков, секретарь Меншикова, нашел московские монетные дворы в разорении и запустении.

Указ о беспошлинной торговле для иностранцев разорил многих русских купцов, экономическое хозяйство страны было на грани упадка. Верховный тайный совет попытался облегчить тяжесть подушной подати и ограничить чиновничий произвол, но ощутимого эффекта это не принесло. Новому правительству пришлось спешно принимать меры и поощрять российских производителей. В августе 1726 г. действительным статским советником А.Н. Демидовым на Алтае был основан Колыванский медно-плавильный завод, а на Украине открыты Почеповская и Шептаковская парусные полотняные мануфактуры.

Продолжая политику Петра I, правительство вместе с тем пыталось достичь компромисса между новыми веяниями и традиционным укладом жизни. При Екатерине I получило поддержку духовенство. Указом императрицы от 21 апреля 1726 г. Синод был

Квадратная копейка
(разменная монета XVIII в.)

освобожден «от бремени хозяйственных забот» [1]. В августе того же года по прошению стольника Андрея Шепелева была восстановлена Введенская Оптинская пустынь, закрытая Петром I. В пустыни жили почитаемые Церковью и народом старцы. В январе 1727 г. была учреждена автономная Иркутская епархия. Первым епископом этой епархии стал Иннокентий Кульчицкий, почитаемый Церковью как первый сибирский святой.

Правление первой русской императрицы было благоприятным и для отечественной науки. 8 февраля 1725 г. отправилась в путь первая северная экспедиция Витуса Беринга. При Екатерине I начались метеорологические наблюдения в Петербурге, обер-секретарь Сената картограф И.К. Кириллов стал издавать обзорный географический атлас Российской империи. И, наконец, 23 февраля 1726 г. была открыта Императорская Академия наук.

Триумф Меншикова

В последние годы жизни Екатерина утратила прежнее здоровье и физическую силу, превратившись в рыхлую, расположившую даму, страдающую от многочисленных болезней. Тем не менее это не удерживало императрицу ни от гастрономических излишеств, ни от употребления любимых рейнских вин. Здоровью не способствовал и необычный распорядок дня: императрица отправлялась ко сну в пять часов утра и таким обра-

зом день превращала в ночь. Не отказалась Екатерина и от удовольствия завести фаворита — им оказался гофмаршал Карл Левенвольд.

В конце царствования императрицы Екатерины развернулась жестокая борьба за власть между Меншиковым и остальными царедворцами. Императрица уже не уделяла внимания государственным делам: она веселилась и устраивала многочисленные празднества. В результате ее самочувствие резко ухудшилось — обострился рев-

Ювелирное
украшение(XVIII в.)

матизм. Весной 1727 г. болезнь перешла в неизлечимую стадию.

Фактический правитель Российской империи и самый богатый человек страны, светлейший князь и фельдмаршал Александр Данилович Меншиков понимал, что после смерти супруги Петра I единственным законным наследником российского трона останется внук императора Петр. Многие представители знати связывали с малолетним Петром Алексеевичем большие надежды, с чем светлейший князь не мог не считаться. Поэтому в апреле — мае 1727 г. он изменил свою тактику и стал всячески демонстрировать свое расположение родовитой боярской знати.

Это не могло понравиться бывшим соратникам Меншикова. У «птенцов гнезда Петрова» П.А. Толстого, А.Девиера, А.Бутурлина, Г.Скорнякова-Писарева не было иллюзий относительно их будущего при Петре II. К тому же они понимали, что Меншиков не заступится за них перед старой боярской знатью, поэтому решили объединить усилия в борьбе против вчерашнего союзника.

Однако Меншиков упредил их удар: 26 апреля П.А. Толстой, А.Девиер и А.Бутурлин были арестованы, подвергнуты пыткам и обвинены в интригах против Петра II, императрицы и самого Меншикова. Примечательно, что 25 апреля внук Петра I ночевал у Меншикова во дворце.

Екатерина I скончалась 6 мая 1727 г. Предполагают, что причиной ее смерти был запущенный ревматизм или туберкулез. Ходили слухи, что императрицу отравили засахаренной грушей. В день своей смерти она подписала завещание, согласно которому наследником российского трона объявлялся внук Петра I великий князь Петр Алексеевич. Кроме того, императрица благословляла брак Петра с дочерью Меншикова Марией. До совершеннолетия великого князя регентами назначались: дочери Екатерины — Анна и Елизавета, муж Анны — герцог Шлезвиг-Гольштейн Готторпский Карл Фридрих, родная сестра царя Наталья и члены Верховного тайного совета.

Содержание завещания огласил перед собравшимися царедворцами светлейший князь А.Д. Меншиков. «Все, бывшие в собрании, тотчас закричали “ура!” — писал в мемуарах герцог де Лирия. — Тетка царя, герцогиня Голштинская, первая

пала к его ногам, а за нею и все прочие и тут же присягнули в верности» [4]. Но очень скоро стало ясно, что создание опекунского совета имеет чисто формальное значение. Одиннадцатилетнего царя сразу же признали совершеннолетним.

Внук Петра Великого на российском троне

Петр II, сын царевича Алексея и кронпринцессы Софии Шарлотты Вольфенбюттельской, был последним наследником династии Романовых по прямой мужской линии. По свидетельствам современников, внешне он был похож на своего деда, Петра I. Петр II был красив, хорошо сложен физически, отличался необыкновенной силой и очень высоким ростом.

Детство будущего царя не было безоблачным. Кронпринцесса София Шарлотта умерла через десять дней после рождения сына. На следующий день Петр I вручил царевичу Алексею письмо, в котором сообщал, что лишает царевича и его новорожденного сына Петра наследства в пользу только что родившегося другого младенца, своего сына от Екатерины. Когда в застенках погиб его отец, Петру II было три года. Мальчик рос в одиночестве, из родных рядом с ним оставалась только старшая сестра Наталья. Дед не любил его и не изменил к нему отношения после смерти (в раннем детстве) своего сына Петра.

Воспитывали мальчика сначала нянька-немка, потом еще две женщины — вдова портного и вдова кабатчика. Позже к ним присоединился немец Норман, танцмейстер и бывший моряк. Он учил мальчика чтению и письму. С 1718 г. воспитанием великого князя стал ведать Семен Афанасьевич Маврин, ранее паж императрицы Екатерины, впоследствии камерюнкер и камергер. В 1723 г. Иван Алексеевич Зейкин, венгр по происхождению, стал обучать мальчика латыни. Математику царевичу преподавал арап Петра Великого Абрам Ганнибал, который в ходе занятий составил популярный в XVIII в. учебник геометрии и фортификации.

С утверждением Петра II на российском троне восстановливалось укоренившееся в народном сознании представление о божественности царской власти, поколебленное законом Петра Великого о престолонаследии. Не только простой

народ и духовенство, но и большинство аристократических семей с надеждой встретили восшествие на престол сына царевича Алексея, пострадавшего, как многие были убеждены, за приверженность русским традициям.

Но и сторонники преобразований Петра, оставаясь у руля государственной власти, полагали, что при малолетнем правителе дело его деда будет продолжаться. Все надеялись на доброе, хорошее царствование. На следующий день после возведения на престол юный император написал своей сестре Наталье (она была лишь на год старше него) письмо, которое спустя полтора месяца прочитал на заседании Верховного тайного совета. В письме были такие строки: «После того как Бог изволил Меня в малолетстве всяя России императором учинить, наивящее мое старание будет, чтобы исполнить должность доброго императора, то есть чтоб народ, мне поданный, с богобоязненностью и правосудием управлять, чтоб бедных защищать, обиженных вспомогать, убогих и неправедно отягощенных от себя не отогнать, но с веселым лицом жалобы их выслушать и по похваленному императора

Петр II (гравюра И. Вортмана)

Веспасиана примеру никого от себя печального не отпускать» [5].

Воцарение Петра II поначалу не внесло особых перемен в положение Меншикова. После смерти императрицы Екатерины I главный недруг Меншикова П.А. Толстой был заточен в Соловецкий монастырь, где его содержали в холодной келье. (В этих условиях он сумел прожить чуть больше полутора лет и 30 января 1729 г. скончался на 85-м году жизни.) Обер-прокурор Скорняков-Писарев и обер-полицмейстер А.Э. Девиер (несмотря на просьбы его супруги, родной сестры А.Д. Меншикова) были отправлены в Сибирь. Лишь Бутурлин отделался сравнительно легким наказанием — ссылкой в собственную отдаленную вотчину.

Фактически власть по-прежнему находилась в руках светлейшего князя. Меншиков перевез императора из дворца в свой дом на Васильевском острове и удалил из Петербурга соперников — герцога Голштинского с его супругой Анной Петровной, а также сподвижников Петра Великого — П.И. Ягужинского и П.П. Шафирова.

Петр II пожаловал Меншикову звание генералиссимуса. Светлейший князь Меншиков приобрел еще большее могущество, чем при императрице Екатерине: Сенат бездействовал, Верховный тайный совет издавал лишь постановления, которые были угодны светлейшему. Меншиков освободил из ссылки первую жену Петра I — Евдокию Лопухину — и разре-

Панорама Васильевского острова (современная фотография)

шил ей жить в столице, иметь собственный двор. Лопухина предпочла жить в Новодевичьем монастыре.

А.Д. Меншиков продолжал политику Петра I, но в более мягкой форме. Он ослабил контроль над духовенством со стороны государства в управлении церковным имуществом, дал Украине право снова избрать гетмана, уменьшил пошлины и власть государственной торговой монополии. Одной из самых популярных мер Меншикова был указ об уничтожении в Петербурге столбов с головами казненных (головы повелевалось снять и захоронить). Разумеется, этот указ был издан от имени Петра II.

Стремясь «приручить» императора, Меншиков занялся его образованием в желательном для себя направлении. Прежних учителей, Маврина и Зейкина, он удалил, а воспитателем юного царя назначил сподвижника Петра I А.И. Остермана — человека, как полагал Меншиков, послушного и неопасного. Опытный государственный деятель и искуснейший дипломат, Андрей Иванович Остерман был сыном пастора из Вестфалии.

Замеченный Петром Великим, поставленный им на высокую должность вице-канцлера, то есть фактического руководителя российской внешней политики, барон Остерман (этот титул он получил по случаю заключения Ништадтского мира) ощущал себя истинно русским человеком. В отличие от многих других иностранцев — искателей счастья, хлынувших в Россию при Петре I, барон знал Россию, ее народ и ее язык. Он говорил только по-русски и женился на боярышне из родственного Романовым дома Стрешневых.

А.Д. Меншиков считал Остермана весьма осторожным человеком: болезни, приключавшиеся с бароном в самые неподходящие моменты (в сложных ситуациях,

А.И. Остерман (гравюра, XVIII в.)

когда приходилось брать на себя ответственность и принимать чью-либо сторону), стали притчей во языцах. Сам Меншиков говорил о нем: «Остерман — единственно способный и верный министр, но слишком боязлив и осмотрителен» [6]. Дальнейшее развитие событий показало, что светлейший князь ошибался. На шахматной доске политических интриг того времени А.И. Остерман уверенно переигрывал (одного за другим) претендентов на статус «серого кардинала» (закулисного правителя).

При помощи академика Х. Гольдбаха А.И. Остерман составил программу обучения Петра II. В нее входило совершенствование в иностранных языках (прежде всего в латинском и французском), история современных государств, типы политического управления, гражданское законоведение, права и обязанности власти имущих, учение о посольском праве, о войне и мире, военное искусство и смежные с ним дисциплины. Прочие науки: древняя история, география, математика, естествознание — излагались юному императору вкратце.

Уроки проходили пять дней в неделю (по два-три часа) и строились в форме бесед. Были предусмотрены и развлечения: музыкальные концерты, стрельба, бильярд, охота. Барон Остерман предполагал, что по средам и пятницам его воспитанник будет посещать заседания Верховного тайного совета. Духовным образованием царя ведал Феофан Прокопович, пребывавший в то время в чине новгородского архиепископа и фактически являвшийся первым иерархом.

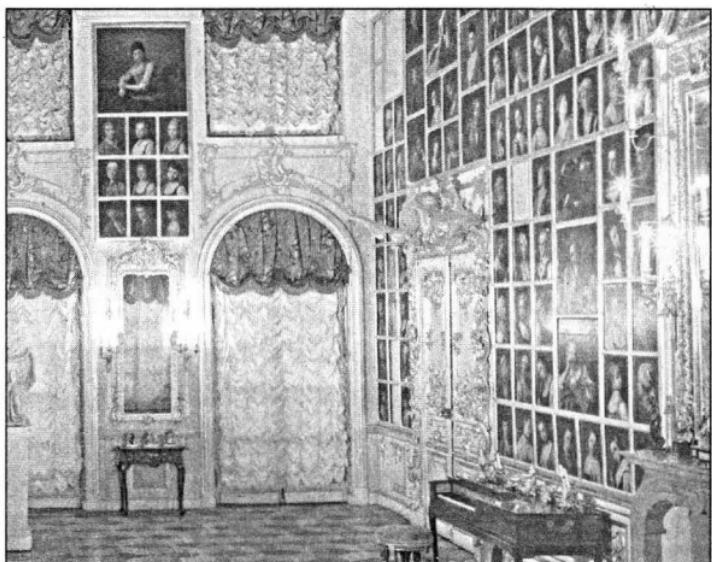
Приступая к занятиям с императором, Феофан Прокопович составил записку «Каким образом и порядком надлежит багрянородного отрока наставлять в христианском законе?». Несколько месяцев в стране все было спокойно: Меншиков правил, император учился.

Феофан Прокопович
(гравюра, XVIII в.)

25 мая 1727 г. состоялось торжественное обручение Петра II с Марией Меншиковой. Впервые идея женитьбы юного Петра на дочери Меншикова была подсказана светлейшему, имевшему почетный титул князя Австрийской империи, именно австрийским посланником. Как это ни парадоксально, но подобные дипломатические интриги, инициируемые европейскими державами у российского трона, свидетельствовали о признании Европой Российской империи как полноправного субъекта международной политики той эпохи.

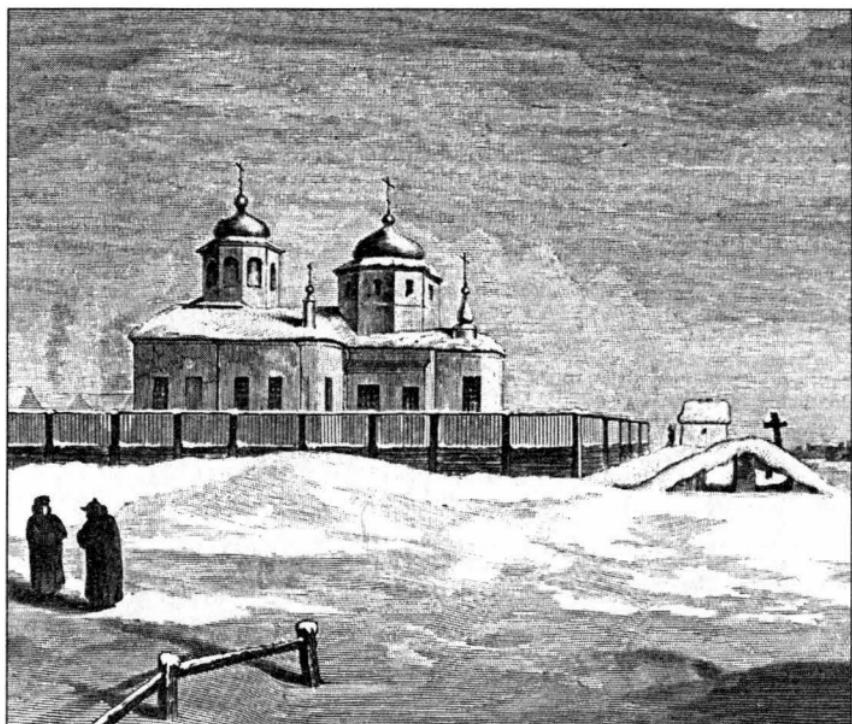
Вероятно, и дальше Меншиков имел бы огромное влияние на императора, если бы в середине июля того же года его не поразила болезнь, длившаяся около шести недель. Этого времени хватило, чтобы послушный и тихий мальчик почувствовал вкус свободы и сошелся с людьми, которые сумели довольно быстро настроить его против генералиссимуса. Особую роль в этом сыграл «боязливый» и «преданный» Остерман. С присущим ему дипломатическим искусством барон сумел усилить недовольство юного императора его зависимым положением и развить это чувство в нужном направлении. О том, что такое недовольство имело место, свидетельствуют депеши иностранных дипломатов, которые наблюдали, как Петр II пренебрегает обществом своей невесты и тяготится опекой светлейшего князя.

Интерьер Большого Петергофского дворца

Когда в конце июля Меншиков, оправившись от тяжелой болезни, вновь появился при дворе, Петр II неожиданно проявил упрямство и свою нравственность. 26 августа в Петергофе, в день именин великой княжны Натальи, император отвернулся от Меншикова и не пожелал с ним разговаривать. Не обращал он внимания и на свою невесту Марию. 3 сентября в Ораниенбауме, где находилось имение Меншикова, собрался весь двор: хозяин освящал свою домовую церковь. Ни царь, ни его сестра на празднование не явились. Это был плохой знак, и встревоженный Меншиков на следующий день поехал в Петергоф. Император отказался его видеть.

Меншиков не падал духом: произошедшее он объяснял лишь капризом царственного подростка. Князь был уверен в своей силе и власти, поэтому по-прежнему держал себя как правитель государства. Тем временем вещи императора и мебель перевозились из меншиковского дома в Летний дворец, куда Петр II приехал 7 сентября. Он велел не принимать ни Меншикова, ни членов его семьи, в том числе и свою невесту.

Собор и могила князя Меншикова в Березове
(литография, XIX в.)

На следующий день майор гвардии С. Салтыков объявил генералиссимусу, что тот находится под домашним арестом. 9 сентября 1727 г. в присутствии царя Верховный тайный совет обсудил специальную записку о судьбе Меншикова, составленную А.И. Остерманом. 11 сентября опальный князь выехал из Петербурга — сначала в Раненбург, а затем — в Березов. По пути (в Твери) он был пересажен из кареты на простую телегу.

Меншикова лишили дворянства и всех орденов — как иностранных, так и российских, затем у него было полностью конфисковано имущество. В пользу государства было оприходовано 90 тыс. душ крестьян, 30 млн рублей (доход империи составлял в то время 8—10 млн в год) и 200 пудов золотой и серебряной посуды. А.Д. Меншиков умер 12 ноября 1729 г. По свидетельству его детей, в последний год жизни он раскаялся в своем «суетном» властолюбии и обратился к вере и выстроил в Березове церковь, в которой выполнял обязанности дьячка. Опальный князь беседовал с местными жителями о святых великомучениках и о бренности земной жизни. Березовцы из уст в уста передавали рассказы о праведности князя: когда в 1821 г. вскрывали могилу Меншикова, его останки будто бы нашли нетленными. Однако ученые полагают, что к 1821 г. могилы Меншикова уже не существовало: ее смыло во время наводнения на реке Сосьве.

Опала Меншикова была с одобрением встречена его многочисленными недругами, но радовались они недолго. Лишь немногие дальновидные дипломаты и чиновники понимали, что ушел хозяин, привычки и чудачества которого были хорошо известны, и теперь будет только хуже.

Как показали дальнейшие события, люди, одолевшие Меншикова, в большинстве своем оказались мельче светлейшего князя: с опальным сановником их роднило лишь одно общее качество — страсть к казнокрадству. Известный юродивый того времени Тихон Архипович охарактеризовал взаимоотношения борющихся за власть группировок следующим образом: «Нам, русским, не надобен хлеб — мы друг друга едим и сыты бываем»[5]. Историк первой половины девятнадцатого века К.И. Арсеньев писал по этому поводу так: «Двор императорский со временем князя Меншикова был как бы ристалищем, на коем бойцы испытывали свои силы, и сделался потом

местом сокровенных нападений и открытого боя соперников, препиравшихся о власти» [5].

Вокруг престола образовались по меньшей мере три партии. Одну из них составляли Апраксины, Головкины и Остерман, вошедший в доверие к великой княжне Наталье. Другую партию образовали Голицыны, стремившиеся сблизиться с цесаревной Елизаветой. Но проворнее всех оказались Долгорукие: Иван Алексеевич Долgorukiy, сосланный в Тобольск, был возвращен ко двору и произведен в гоф-юнкера Петра II. Молодой князь Иван (он был на семь лет старше царя) стал другом юного императора.

Иван Долгорукий довольно рано втянул мальчика в «рассиянную» жизнь и приобщил его к «истинно мужским» развлечениям. Петр II нашел в нем старшего товарища, который без злого умысла (исключительно по природному легкомыслию) отвращал его от занятий, настраивая на легкую жизнь. Петра Алексеевича забавляли выдумки князя: охота за городом, бал с иллюминацией, фейерверком и бенгальскими огнями.

Друзья развлекались в обществе молоденьких придворных дам и фрейлин, а также тетки императора Елизаветы Петровны, отличавшейся веселым нравом. Старшие Долгорукие зазывали императора в Москву, соблазняя его возможностью хорошей охоты: по сравнению с окрестностями Петербурга в подмосковных лесах было больше дичи.

Юный царь стал вести себя сдержаннее и холоднее в общении с А.И. Остерманом, пытавшимся, хотя и мягко, образумить воспитанника. Состоялось объяснение. Оба растрогались, и Петр пообещал не пренебрегать учебой и государственными обязанностями. Однако шло время, объяснения повторялись: Остерман увещевал, царь раскаивался. А потом все начиналось снова. Император праздно проводил время, не высыпался, из-за чего целыми днями оставался в дурном расположении духа. Он стал проявлять склонность к пьянству, не мог сосредоточиться на серьезных делах, перестал бывать на заседаниях Верховного тайного совета.

Помощником А.И. Остермана в воспитании юного императора стал Алексей Григорьевич Долгорукий (отец молодого князя), отличавшийся грубостью и завистливостью. В декабре 1727 г. при очередном объяснении с Остерманом царь

не стал его слушать и ушел прочь. А.И. Остерман был удален от императора. Теперь тон при дворе задавали Долгорукие.

Однако Петр II не был просто игрушкой в чужих руках. По свидетельствам современников, характером он походил на деда — был так же упрям и своеволен. «Царь, — писал саксонский посланник Н.С. Лефорт, — похож на своего деда в том отношении, что он стоит на своем, не терпит возражений и делает, что хочет» [6]. В другой депеше он уточнял: «Петр себя так поставил, что никто не смеет ему возражать» [6].

Почти теми же словами характеризовал русского царя и посланник австрийского цесаря граф Вратислав: «Государь хорошо знает, что располагает полной властью и свободою и не пропускает случая воспользоваться этим по своему усмотрению» [6]. Английский посол писал о свойственном Петру II непостоянстве, а французский посланник отмечал в характере царя заметные признаки «темперамента желчного и жестокого» [6].

**Софийский собор в Новгороде
(современная фотография)**

Неожиданно полученная неограниченная власть вскружила юному императору голову. Ему казалось, что именно он своей волей низверг могущественного Меншикова. Придворные льстецы не преминули заметить, что он тем самым «освободил империю свою от ига варварского» [6].

9 января 1728 г. Петр II в сопровождении двора отправился в Москву для коронации. Почти месяц двигался царский поезд по заснеженным дорогам России. 12 января Петр II въехал в Новгород. Население древнего русского города устроило юному царю торжественную и пышную встречу. На въезде были выстроены триумфальные ворота, перед которыми четыреста мальчиков в белых одеждах с красными поясами приветствовали императора.

В Софийском соборе торжественное богослужение совершил архиепископ Феофан. После поклонения местным иконам император со свитой отобедал в архиерейских палатах, а вечером был устроен фейерверк — пятьдесят огненных пирамид с надписью «Бог сотвори сие». Петр II произнес небольшую речь: «Русский престол берегут церковь и народ русский. Под охраною их надеемся жить и царствовать спокойно и счастливо. Два сильных покровителя у меня: Бог на небесах и меч на бедре моем!» [5]

В Твери Петр заболел корью, но быстро выздоровел. 4 февраля царский поезд торжественно въехал в столицу. В Москве его встречали всем миром: толпы народа бежали за повозками. Для москвичей, приверженцев старины, наступил праздник: в их представлении истинный царь, с младенческих лет гонимый дедом, его иностранцами и злыми боярами, возвратился в белокаменную, первопрестольную Москву.

Петр II и его сестра Наталья выразили желание увидеться с Евдокией Лопухиной. Царю родная бабка не понравилась: в общении с ней он проявил холодную вежливость и больше встречаться не захотел.

24 февраля 1728 г. состоялась церемония коронации, после чего император отдался развлечениям (в первую очередь, охоте), оставив дела в руках министров, которые без направляющей руки Меншикова стали больше заботиться о своих частных интересах. Долгорукие стремительно возвышались; сразу после коронации, на страстной неделе, семейство со-

Евдокия Лопухина (гравюра XVIII в.)

сланного Меншикова тоже было отправлено в Сибирь «с особыми приемами жестокости и дикого зверства» [6].

В честь коронации Петра II были устроены массовые увеселения. 10 марта на большой дворцовой площади для потешки публики установили два огромных фонтана: «один с красным, а другой с белым вином» [6]. Петр проводил целые недели на охоте, окруженный Долгорукими и их приспешниками. Иностранные дипломаты ждали дня, когда наконец можно будет увидеть царя и переговорить с ним о государственных делах. Вот характерные сообщения о времяпрепровождении Петра в 1728 г., взятые из донесения мадридского посла де Лириа, внука английского короля Джеймса II: «24 мая. Этот монарх еще не возвратился с охоты...; 31 мая. Царь вернулся с охоты дня на два и послезавтра уезжает опять...; 7 июня. Получено донесение о смерти герцогини Гольштинской (речь идет о старшей дочери Петра I Анне, тетке Петра II. — Ред.), принцессы, красивейшей в Европе. Но это отнюдь не заставило царя отложить поездку на охоту в окрестности, хотя и без принцессы Елизаветы...; 14 июня. Царь еще не возвратился с охоты, но надеются, что вернется на этой неделе...; 21 июня. Этот монарх еще не возвратился в город, но надеются, что возвратится на этих днях» [5].

Император Петр II отправляется на охоту (из книги «Живописный Карамзин», 1838 г.)

По подсчетам князя П.В. Долгорукого, с февраля 1728 г. по ноябрь 1729 г. Петр II провел на охоте 243 дня, то есть восемь месяцев, не считая кратковременных выездов (с той же целью) в Измайлово. Царский охотничий обоз насчитывал до пятисот экипажей: с каждым из придворных, сопровождавших императора, ехали собственная кухня и прислуга.

Времяпрепровождение царя и его свиты занимали разъезды по охотничим угодьям: «Переезжали из одной волости в другую, где были лесные дачи. Разбивали палатки, готовилось пирование; слуги развязывали поклажи, доставали посуду, устанавливали на столах кушанья и бутылки... После охоты сходились в палатки, шел веселый пир, а по окончании снова все укладывалось, увязывалось, ехали далее и снова становились там, где нравилось и обыкновенно заранее было указано. Это была не столько увеселительная поездка, а скорее кочевание в азиатском вкусе и сообразно старой московской жизни» [5].

Юный император оставил охоту на короткое время лишь однажды, чтобы присутствовать у смертного одра горячо любимой сестры Натальи. Великая княжна Наталья Алексеевна умерла в конце ноября 1728 г. Перед смертью она умоляла

брата вернуться в Петербург и отдалить от себя Долгоруких. Но сразу после ее кончины Петр уехал в Горенки (подмосковное имение Долгоруких), а тело великой княжны оставалось непогребенным до января 1729 г.

Сохранилось немного автографов Петра II. Самыми длинными являются резолюции типа: «Быть по тому, Петр», «Отпустить, Петр», определяющие норму ежедневного питания собак (он щедро назначил по два пуда говядины каждой!), лошадей и 12 верблюдов, которые также использовались на охоте. Придворные историографы тщательно записывали количество дичи, затравленной императором. Например, за осенний сезон 1729 г. Петр и его свита с помощью своры в 600 собак загнали 4 тыс. зайцев, 50 лисиц, 5 рысей, 3 медведей.

Царь взросел, и это вызывало определенные опасения у вельмож и министров: императора было необходимо женить, а его все чаще замечали в компании цесаревны Елизаветы Петровны, достигшей 18-летнего возраста. Известие о неожиданно вспыхнувшей нежной семейной дружбе тетушки и племянника вызвало переполох в высшем свете. Елизавета тоже любила охоту, поэтому часто выезжала в угодья вместе с племянником. В свое время австрийский посланник граф С.В. Кинский предлагал Петру Великому решить сложную династическую проблему Романовых путем женитьбы великого князя Петра и цесаревны Елизаветы. (Правда, этот проект противоречил православным традициям, запрещавшим браки с подобной степенью родства.) Теперь этот вариант казался вполне осуществимым, с чем Долгорукие смирились не могли.

Воспитатель Петра II, князь Алексей Григорьевич Долгорукий, продолжал возить императора в подмосковные Горенки, где настойчиво сводил его со своей дочерью, восемнадцатилетней Екатериной. Леди Рондо, жена английского посланника в России, в одном из писем так отзывалась о Екатерине Долгорукой: «Кротость, доброта, благоразумие и учтивость этой восемнадцатилетней особы заключены в хорошенъкую оболочку» [7].

Долгорукие потакали царю во всем, они удерживали его на охоте или в Горенках, нарушая все приличия. В феврале 1729 г. дело дошло до скандала. Узнав о том, что Петр II собирается отправиться на охоту не менее чем на три-четыре ме-

сяца, австрийский и испанский посланники сделали заявление канцлеру А. Головкину, заметив, что «при настоящих обстоятельствах не только вредно, но и неприлично оставаться нам такое долгое время без всякого дела, без возможности с кем сноситься о дела, так как с Е. В. (Его Величеством. — Ред.) отправляется и большая часть его министров» [6]. Канцлер попытался урезонить императора, но тот не изменил своих намерений.

19 ноября 1729 г. Петр II, вернувшись с очередной охоты, собрал Верховный тайный совет и уведомил министров, что женится на Екатерине Долгорукой. Преисполненный чувства

Петр II (гравюра, XVIII в.)

собственной значимости, Алексей Долгорукий на правах будущего тестя стал ходить к царю на доклады.

По меткому выражению де Лириа, был написан «второй том глупости Меншикова». Петр не любил ни Марию Меншикову, ни Екатерину Долгорукую, и обе невесты платили ему тем же. Более того, Екатерина Долгорукая была влюблена в графа Миллезино, брата германского посла. Однако расчет и властолюбие отца сломали ей жизнь: Екатерину Долгорукую ожидала та же участь, что и Марию Меншикову ([ссылка в Березов](#)).

30 ноября 1729 г. состоялась помолвка императора Петра II и Е.А.Долгорукой. Присутствовавшие на ней отмечали, что жених и невеста были нерадостны и держались отчужденно. После обручения по этикету полагался ритуал целования руки невесты. Когда к Екатерине Долгорукой подошел ее бывший нареченный, граф Миллезино, она едва не лишилась чувств, а император покраснел и отвернулся. Бал был недолгим, поскольку невеста очень устала. Свадьбу назначили на 19 января 1730 г. Этот день должен был стать днем триумфа Долгоруких, поскольку князь Иван тоже должен был жениться на одной из самых богатых невест России — Наталье Шереметевой.

6 января 1730 г. Петр II должен был вместе с невестой присутствовать на традиционном обряде водосвятия, который проходил на Москве-реке. В лютый мороз император и его невеста ехали в открытых санях. Петр II сильно простудился и заболел. Через три дня у него обнаружились признаки оспы. 17 января состояние больного резко ухудшилось. В ночь с 18 на 19 января 14-летний российский император умер. Перед смертью он выкрикнул последнюю фразу: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре!» [5]. Мужская линия династии Романовых прервалась.

Россия при Петре II

Протоколы заседаний Верховного тайного совета, Сената или коллегий времен царствования Петра II создают впечатление резкого замедления оборотов государственной машины, запущенной Петром Великим. Совещания в высших государственных учреждениях проводились все реже, причем

часто на них не насчитывалось нужного количества голосов, обсуждались главным образом второстепенные вопросы. Члены Совета даже ленились ездить на службу и подписывали подготовленные секретарем протоколы дома. Долгих и частых заседаний, как при Петре I, или горячих споров, как при Меншикове, не было. Об этом свидетельствовали иностранные дипломаты.

Например, саксонский посланник Лефорт писал: «Когда смотрю, как управляет теперь это государство, по сравнению с царствованием деда, мне все кажется сном. Человеческий ум не может постичь, как такая огромная машина дер-

Неприятное впечатление от российской политики сложилось у герцога де Лириа: «Все в России в страшном расстройстве, царь не занимается делами и не думает заниматься, денег никому не платят, и Бог знает, до чего доедут финансы; каждый ворует, сколько может. Все члены Верховного тайного совета нездоровы и не собираются, другие учреждения также остановили свои дела; жалоб бездна, каждый делает, что ему придет на ум» [5].

жится <...> Всякий стремится уклониться, никто не хочет ничего брать на себя и молчит. Ставяясь понять состояние этого государства, найдем, что его положение с каждым днем делается непонятнее. Можно было бы сравнить его с плывущим кораблем: буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянили или заснули. <...> Огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не думает о будущем» [6].

Прусский посланник Мардефельд придерживался иной точки зрения на состояние дел в России. По его мнению, народ в годы царствования Петра II в целом был доволен. В этот период уменьшились подати и поборы, введенные Петром I, благодаря ослаблению государственного вмешательства в дела торговли и промышленности эти отрасли хозяйства начали выходить из кризиса. Относительно злоупотреблений положением и казнокрадства Мардефельд замечал, что в России так бывало во все времена и не следует «из-за нескольких, хотя и поразительных, примеров провозглашать страшное расстройство» [5].

21 октября 1727 г. в местечке Кяхта был подписан договор с Китаем об установлении границ и о торговле. Переговоры

велись в течение семи месяцев. Русским дипломатам пришлось уступить требованиям китайцев по некоторым пунктам. В частности, договор предусматривал, что торговля будет вестись на границе, а не на территории Российской империи. Теперь граница между Россией и Китаем проходила по реке Амур с притоками от Забайкалья до Западных Саян (еще в начале XVIII в. Забайкалье и Приамурье являлись спорными территориями). Китайцам было разрешено «свободное рудокопание» в Сибири: с 1727 г. там начали действовать старательские промыслы.

В правление Петра II значительные вольности получила Украина. В 1727 г. было восстановлено гетманство: гетманом Украины стал Даниил Апостол. В 1728 г. был издан Указ о правах и вольностях гетманщины. Послабления были приняты и в отношении русских подданных Петра II. 28 марта и 16 июля 1729 г. были изданы Указы, прекратившие кабальное холопство. Как отмечают многие историки, дела в правление Петра II шли установленным порядком, и катастрофы не случилось. Россия, хотя и медленно, продолжала двигаться по пути, проложенному Петром Великим.

«ТЕМНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»

Женщины, возведенные на российский трон после смерти Петра II, были продолжательницами рода Ивана V, сводного брата Петра Великого.

Императрица Анна Иоанновна фактически передала управление страной своему фавориту — властному и расчетливому временщику-иноземцу Бирону. После ее кончины он на короткое время утвердился на троне в качестве регента при новорожденном наследнике Иване VI, однако был свергнут императорской гвардией. Но и Анна Леопольдовна, мать законного императора, удерживала регентство недолго, поскольку стала жертвой очередного дворцового переворота.

Попытка введения конституционной монархии — «Кондиции»

После смерти Петра II Россия жила без монарха 35 дней. Однако судьба российской императорской короны начала решаться уже 18 января, в последний день жизни императора. Когда архиереи совершили елеосвящение над умирающим, по инициативе князя В.В. Долгорукого на 19 января было запланировано заседание Верховного тайного совета. Оно состоялось в намеченный день около 9 часов утра, спустя 7 часов после кончины юного императора. На заседании обсуждались права претендентов на освободившийся трон.

После того как были отклонены кандидатуры Елизаветы Петровны, Екатерины Алексеевны Долгорукой (в ее пользу кланом Долгоруких было сфабриковано подложное завещание Петра II), герцогини Мекленбургской Екатерины Иоанновны, к членам совета обратился с речью князь Д.М. Голицын, предложивший возвести на трон дочь царя Ивана V (соправителя Петра I) Анну Иоанновну. «Это умная женщина, — заявил он, — правда, у нее тяжелый характер, но в Курляндии на нее нет неудовольствий» [8].

Дворцовая площадь (современная фотография)

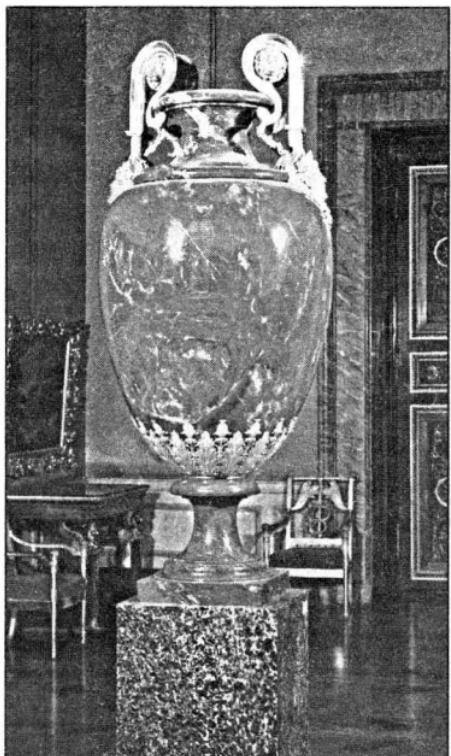
Кандидатура курляндской герцогини устраивала всех: Анну Ивановну (так пренебрежительно называли ее в Петербурге) как политическую фигуру никто всерьез не воспринимал. Она была незаметна при русском дворе и не играла значительной роли в российской политике.

Договорившись между собой, члены Верховного тайного совета предприняли попытку ограничить самодержавную власть в России, т.е. утвердить в стране ограниченную монархию. Их проект предусматривал передачу властных полномочий Верховному тайному совету. Участники сговора были уверены, что новая императрица будет послушно исполнять их волю. Мнение общественности в расчет не принималось.

Члены Совета вышли в общий зал (здесь их решения ждали сенаторы и генералитет), чтобы объявить о намерении пригласить на царствование курляндскую герцогиню Анну Иоанновну. При этом им удалось скрыть свои истинные цели: по их замыслу,

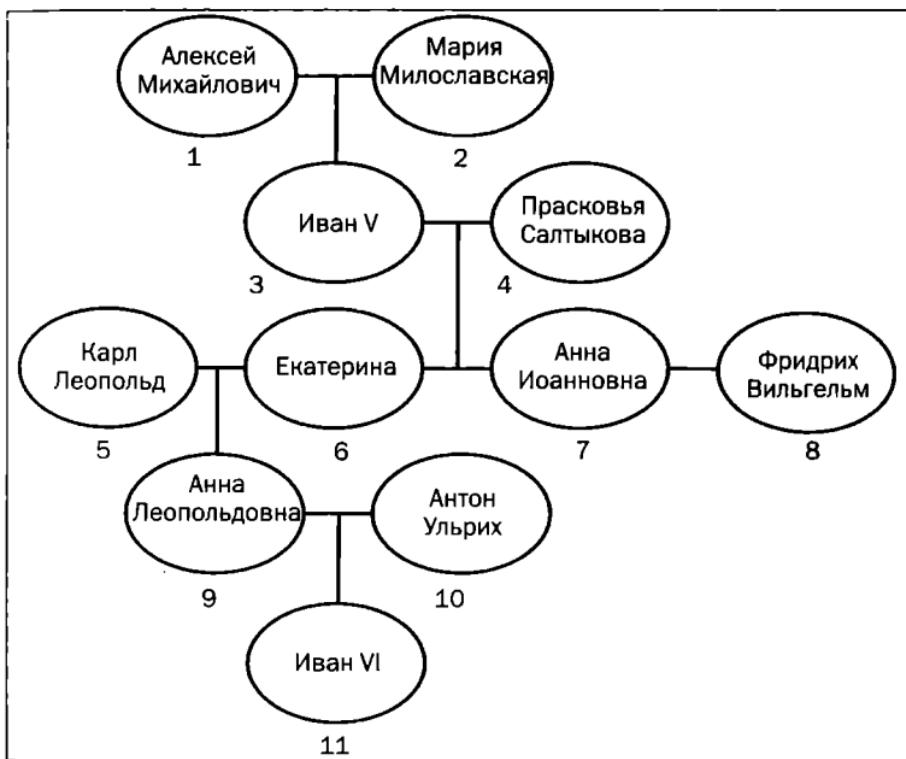
сенаторы, духовенство и генералитет должны считать, что предлагаемый проект исходит от будущей императрицы, а сама она должна была пребывать в уверенности, что проект возник по требованию всего российского населения.

Когда сенаторы и генералитет уехали, члены Совета продолжили совещание по поводу будущего устройства России, решив составить «пункты» для вручения их курляндской герцогине. Поскольку пункты сочинялись экспромтом, все стали высказываться одновременно, перебивая друг друга. Поэтому секретарю Верховного тайного совета В.П. Степанову было трудно записывать

Ваза из орской яшмы
(Эрмитаж, XVIII в.)

поступающие предложения. Канцлер Г.И. Головкин и фельдмаршал М.М. Голицын обратились к А.И. Остерману, чтобы он, «яко знающий лучие штиль, диктовал» [8]. Осторожный Остерман хотел остаться в стороне и долго отказывался, ссылаясь на то, что он, иностранец, «в такое важное дело вступать не может» [8]. Однако ему все же пришлось взяться за редактирование «пунктов», которые произносили В.Л. Долгорукий и Д.М. Голицын.

Генеалогия Анны Иоанновны: 1 — Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645 по 1676 г.; 2 — Мария Ильинична Милославская (1626—1669); 3 — Иван V Алексеевич (1666—1696), царь с 1682 по 1696 г.; 4 — Прасковья Федоровна Салтыкова (1664—1723); 5 — Карл Леопольд (?), князь Мекленбург-Шверинский; 6 — Екатерина Иоанновна (1691—1733); 7 — Анна Иоанновна (1693—1740), императрица с 1730 по 1740 г.; 8 — Фридрих Вильгельм (ум. 1711); 9 — Анна (Елизавета) Леопольдовна (1718—1746), регентша с 1740 по 1741 г.; 10 — Антон Ульрих (1714—1776), герцог Брауншвейг-Люнебургский; 11 — Иван VI Антонович (1740—1764), император с 1740 по 1741 г.

Работа над составлением пунктов шла долго, поэтому члены Верховного тайного совета решили сделать перерыв и сбраться вновь утром. К десяти утра съехались все, за исключением двух воспитателей покойного Петра II: А.И. Остерман и А.Г. Долгорукий отправились к гробу умершего царя в Лефортовский дворец. В залах Кремлевского дворца собрались члены Синода, высшее духовенство, сенаторы, генералитет, представители знати и дворянства. От имени Верховного тайного совета канцлер Головкин официально объявил о кончине Петра II и об избрании Анны Иоанновны на императорский трон. У собравшихся спросили, согласны ли они с кандидатурой курляндской герцогини. Получив утвердительный ответ, члены Совета закончили собрание и продолжили составление «пунктов».

Согласно «Кондициям» (так назвали документ, ограничивающий самодержавную власть императрицы) Анна Иоанновна обязывалась никогда не вступать в брак и не определять своего преемника на троне, а также не предпринимать без согласования с Верховным тайным советом решений государственной важности:

- «1) Ни с кем войны не исчинять.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать.
- 4) В знатные чины, как в статские, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета.
- 5) У шляхетства живота и имения, и чести без суда не отымать.
- 6) Вотчины и деревни не жаловать.
- 7) В придворные чины как русских, так и иноземцев без совету Верховного тайного совета не производить.
- 8) Государственные доходы в расход не употреблять. И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской» [9].

Таким образом, «Кондиции» были первым в истории России конституционным документом, ограничивавшим власть самодержца: без ведома Верховного тайного совета монарх не

мог предпринять ни одного серьезного шага как во внутренней, так и во внешней политике. Историки высказывают мнение, что на появление такого документа в России повлияли события в Швеции. Незадолго до того шведским аристократам удалось ввести в стране конституционную монархию: взошедшая на престол Ульрика Элеонора, сестра Карла XII, подписала акт об ограничении самодержавной власти. Русским аристократам казалось, что этот проект осуществим и в России.

Феофан Прокопович назвал попытку ограничить самодержавие в России «затейкой», а всех членов Верховного совета — «затейщиками». После составления документа следовало быстро (а главное — тайно) доставить его в Митаву, к Анне Иоанновне. Члены Совета поручили решение этой задачи специальной комиссии из трех человек: В.Л. Долгорукий, глава депутации, представлял Верховный тайный совет, М.М. Голицын-младший — Сенат, генерал-майор М.И. Леонтьев — генералитет. Фельдмаршал В.В. Долгорукий предложил назначить четвертого депутата — от духовенства, но встретил решительное возражение Д.М. Голицына, который считал, что духовенство уронило свой авторитет, дав согласие на воцарение Екатерины I, хотя полагалось сделать правителем сразу Петра II.

Задача троих депутатов заключалась в том, чтобы опередить соперников (приверженцев самодержавия) и оградить Анну Иоанновну от общения с посторонними не только в Митаве, но и на пути в Москву, куда ей надлежало немедленно выехать. Члены Верховного тайного совета позаботились о том, чтобы никто из противников их предприятия не прибыл в Митаву раньше них и не известил герцогиню о том, что «Кондиции» выражали не волю народа, а интересы восьми членов Верховного тайного совета. С этой целью заведующему почтой бригадиру Полибину приказали оцепить Москву заставами по всем трактам и разрешать выезд из столицы только по паспортам, выданным Верховным тайным советом.

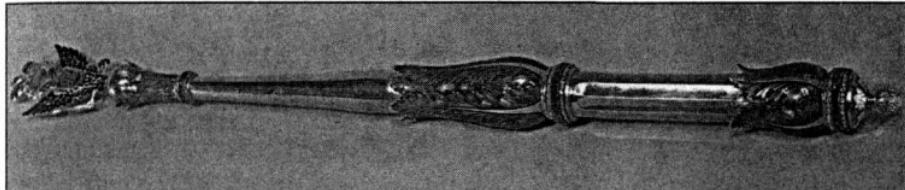
Однако противники не бездействовали. Внезапно «заболевший» А.И. Остерман примкнул к сторонникам самодержавия и стал изыскивать возможности контригры. Существует версия, что ему удалось довести до сведения курляндской герцогини, что она может подписать этот документ для полу-

Генеалогия Петра II: 1 — Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645 по 1676 г.; 2 — Наталья Кирилловна Нарышкина (1651—1694); 3 — Петр I Алексеевич (1672—1725), царь с 1682 по 1725 г., император с 1725 г.; 4 — Евдокия Федоровна Лопухина (1670—1731); 5 — Софья Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694—1715); 6 — Алексей Петрович (1690—1718); 7 — Петр II Алексеевич (1715—1730), император с 1727 по 1730 г.

чения короны, а потом спокойно разорвать его. Анна Иоанновна была готова на все — лишь бы стать русской императрицей, поэтому она подписала привезенные ей «Кондиции». Но на этом борьба группировок не закончилась.

Члены Верховного тайного совета стремились как можно скорее получить подписанные Анной Иоанновной «Кондиции». 1 февраля генерал Леонтьев вручил их князю Д.М. Голицыну. Теперь, казалось, можно было праздновать победу: оставалась пустая формальность — торжественно зачитать перед собранием «Кондиции» и письменное согласие императрицы соблюдать их пункты.

Скипетр — один из символов самодержавия

В девять часов утра 2 февраля 1730 г. Верховный тайный совет собрался на заседание, на котором не присутствовали все еще продолжавший «болеть» барон А.И. Остерман и сопровождавший (на всякий случай) Анну Иоанновну В.Л. Долгорукий. На заседание были приглашены три члена Синода, Сенат в полном составе, генералитет, президенты коллегий и прочие лица, получившие повестки. Собравшимся зачитали подписаные герцогиней «Кондиции», а также ее письмо Верховному тайному совету, заранее подготовленное самими членами Совета. В этом письме, датированном 28 января, объяснялись причины, побудившие императрицу ограничить собственную власть. Все было представлено так, будто инициатива ограничения самодержавия исходила от самой Анны Иоанновны.

Современники утверждают, что князь Д.М. Голицын сказал после уничтожения Анной Иоанновной листков «Кондиций»: «Пир был готов, но званные оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дела; так и быть, пострадаю за отечество...» [10]. Главный «затейник» конституции осознал преждевременность своего проекта: русское общество было не готово к подобному повороту событий, тем более что власть самодержца предполагалось поменять на власть нескольких влиятельных семей.

Представители российской общественности были потрясены содержанием «Кондиций» и письма императрицы. Свидетельство об их реакции на эти документы оставил Феофан Прокопович: «Никого, почитай, кроме верховных, не было, кто бы, таковое слушав, не содрогнулся, и сами те, которые всегда великой от сего собрания пользы надеялися, опустили уши, как бедные ослики, шептания некая во множестве оном прошумливали и с негодованием откликнуться никто не посмел. И нельзя было не бояться, понеже в палате оной по переходам, в сенях и избах многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всех молчание!» [8].

Корона Анны Иоанновны

Молчание все же было нарушено выступлением князя А.М. Черкасского, который никак не мог взять в толк: отчего в голову государыни пришла мысль ограничивать собственную власть? Однако все вопросы остались без ответа. Собрание завершилось тем, что Черкасский выпросил себе и другим желающим разрешение подать в письменном виде мнение о государственном устройстве. Во избежание скандала требование пришлось уступить.

Анна Иоанновна приехала в подмосковное село Всехсвятское 10 февраля 1730 г. Здесь она была вынуждена задержаться, так как еще не состоялись похороны Петра II. С 3 по 12 февраля в Москве развернулась борьба противостоящих группировок: дворяне из провинции, прибывшие в Москву на свадебные торжества по случаю венчания Петра II с Екатериной Долgorукой, оказались свидетелями похорон императора и участниками важных политических событий. Разбившись на множество группировок, они тоже составляли проекты будущего государственного устройства.

При всем отличии от «Кондиций» предложения дворян совпадали с ними в основном: ни один из проектов не защищал самодержавия. Расхождения касались в основном численности Верховного тайного совета и способов его избрания. На тот момент из восьми членов существовавшего Верховного тайного совета пятеро были назначены Екатериной I и Петром II, трое введены самими членами Совета. Дворянские шляхетские проекты предлагали расширить состав Верховного тайного совета до 12—16 человек, причем все они должны не назначаться, а избираться «обществом», состоящим из 80—100 членов.

Д.М. Голицын, глава «затейников» (так прозвал авторов дворянской конституции Прокопович), решил перехватить

инициативу у оппозиции и подготовил новый проект с учетом пожеланий провинциального дворянства. Во-первых, в новом проекте отсутствовали пункты, ограничивавшие власть императрицы, во-вторых, он предусматривал введение принципа, характерного для правового государства: «не персоны управляет законом, но закон управляет персонами» [8]. По мысли автора, этот принцип должен был обуздить произвол фаворитов и временщиков.

Рядовых дворян предполагалось «содержать так, как в прочих европейских государствах, в надлежащем почтении, в ее императорского величества милости» [8]. Сами дворяне предлагали сократить службу до 20 лет, проект Голицына отменял ее совсем. Предполагалось также отменить установленный Петром Великим порядок, при котором каждый дворянин обязан был начинать военную службу рядовым. Для детей дворян предусматривались кадетские роты, после которых выпускники-дворяне определялись офицерами в армию и на флот. Представленный законопроект гарантировал родственникам осужденных или казненных дворян сохранение имущества. Наконец, в проект были включены пункты, по которым Верховный тайный совет должен был преследовать хулигов Православной Церкви.

В проекте Голицына предусматривалось, что численность Верховного тайного совета будет неизменной, а на место выбывших членов будут выбираться претенденты только «из первых фамилий, из генералитета и из шляхетства (дворянства. — Ред.), людей верных и обществу народному доброжелательных» [9]. На ключевые посты в государстве предполагалось назначать только представителей высших сословий. Право решения важных государственных дел согласно проекту Голицына по-прежнему принадлежало членам Верховного тайного совета — остальные высшие придворные и военные чины имели лишь право совещательного голоса.

Однако при обсуждении нового проекта «убегнуть от трудностей и нареканий» [8] не удалось. Частичные уступки шляхетству не спасали положения: провинциальные дворяне тоже хотели пробиться к власти. Оппоненты активно критиковали полулиберальный проект Голицына. Среди дворянства распространялись неблаговидные слухи о членах Верховного тайного совета. Наибольшую неприязнь шляхетство

В.Н. Татищев (гравюра, XVIII в.)

испытывало к князю А.Г. Долгорукому, который держал себя в обществе высокомерно и пренебрегал мнением окружающих.

Успешное выступление оппозиции обуславливалось тем, что на ее стороне выступили талантливые публицисты, сторонники петровских преобразований, Феофан Прокопович и Василий Никитич Татищев. Не остался в стороне и барон А.И. Остерман: он понимал, что в сложившихся

обстоятельствах его могут исключить из Верховного тайного совета. Сославшись на очередную хворь, обложив себя подушками, Остерман не выходил из комнат, но придумывал способы успешного противодействия противникам.

Анна Иоанновна в течение пяти дней оставалась во Всехсвятском. До нее доходили сведения о шляхетском движении, поэтому 12 февраля она решилась на рискованный шаг — объявила себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Это был открытый вызов: в «Кондициях», подписанных императрицей, право распоряжения гвардейскими полками находилось в юрисдикции Верховного тайного совета. Однако члены совета предпочли оставить без внимания этот поступок Анны Иоанновны.

14 февраля члены Верховного тайного совета прибыли во Всехсвятское, чтобы вручить императрице орден Андрея Первозванного и орден Александра Невского. Датский посол Вестфalen писал в Данию, что князь Голицын горячо благодарил Анну Иоанновну за то, что она «изволила подписать «Кондиции»... на славу тебе и на благо народа». Принимая награды, Анна Иоанновна сказала: «Вы можете быть убеждены, что я их свято буду хранить до конца моей жизни...» [8] Это можно было расценить как обещание выполнять условия «Кондиций». Пока обе стороны демонстрировали миролюбие.

Период после приезда Анны Иоанновны в Москву был насыщен политическими событиями. С 15 по 23 февраля сто-

ронники самодержавия проводили собрания и переговоры. История сохранила сведения лишь о некоторых из таких встреч. 23 февраля в доме князя И.Ф. Барятинского на улице Моховой представители дворянства написали прошение царице, в котором убеждали ее объявить себя самодержицей. Кроме того, собрание убедительно просило Анну Иоанновну отказаться от подписи под «Кондициями», распустить Верховный тайный совет и вернуть Сенату полномочия, отобранные при Екатерине I.

В тот же день еще один шляхетский кружок заседал в доме князя А.М. Черкасского на Никольской. Собрание составило обращение к императрице с просьбой принять всю полноту власти. Под этим документом подписались 168 человек, а ночью агитаторы от этой группы дворян поехали в казармы гвардейских полков и собрали еще 84 подписи.

25 февраля на заседание Верховного тайного совета прибыло 150 офицеров во главе с А.М. Черкасским, генерал-лейтенантом, майором гвардии князем Г.Д. Юсуповым и генерал-лейтенантом Г.П. Чернышевым. Гвардейцы выдвинули своего рода ультиматум: «требовалось, чтоб по большинству голосов установлена была правильная и хорошая форма правления» [11]. Члены Верховного тайного совета согласились не только выслушать претензии, но и удовлетворить их. Не ожидав такой уступчивости, офицеры отправились к Анне Иоанновне, которая выслушала их достаточно благосклонно. После этого оппозиция возвратилась на заседание. Верховный тайный совет согласился признать за царицей неограниченную власть.

Теперь оставалось лишь объявить Анне Иоанновне о том, что народ желает видеть ее на троне самодержавной императрицей. Однако, когда делегация пришла к царице, произошел казус: В.Н. Татищев зачитал прошение от имени дворян, которых представлял А.М. Черкасский. В прошении ни

Звезда ордена
Андрея Первозванного

Хозяйство Российской империи в годы царствования Анны Иоанновны

слова не говорилось о возврате к самодержавию. За верноподданническими комплиментами шел пункт о том, что необходимо «собраться всему генералитету, офицерам и пехотству по одному или по два от фамилии и рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласным мнением по большим голосам форму правления государственного сочинить и вашему величеству ко утверждению представить» [8].

Такой поворот событий оказался неожиданным и для членов Верховного тайного совета, и для Анны Иоанновны. Быстрее всех сориентировался князь Василий Лукич Долгорукий. Он спросил у князя А.М. Черкасского, на каком основании тот присвоил себе право законодателя. Черкасский ответил, что императрицу вовлекли в обман: она была уверена в том, что «Кондиции», подписанные ею в Митаве, составлены с согласия всех чинов государства, хотя на самом деле это было не так.

Князь Долгорукий не стал спорить в присутствии многочисленных свидетелей: он предложил Анне Иоанновне уединиться, чтобы совместно с Верховным тайным советом обсудить создавшееся положение. Однако старшая сестра Анны Иоанновны Екатерина, отличавшаяся решительным характером, предложила императрице сразу подписать проект, предложенный Верховным тайным советом (с подачи Черкасского). Анна Иоанновна написала на документе резолюцию:

«Учинить по сему». Однако в дело снова вмешалась гвардия, недовольная тем, что императрице указывают, как поступить.

Когда фельдмаршал В.В. Долгорукий предложил гвардейцам присягнуть не только императрице, но и Верховному тайному совету, они стали угрожать ему физической расправой. Офицеры заявили, что Анна Иоанновна должна быть такой же единовластной правительницей, как и ее предки. Гвардейцы также требовали уничтожить участников сговора, что вполне устраивало императрицу: чуть раньше она получила еще одно прошение от представителей дворянства во главе с князем Н.И. Трубецким, которое подписали 166 человек. В нем говорилось следующее: «Всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного тайного совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить» [8].

Обращаясь к дворянству, Анна Иоанновна спросила, действительно ли все присутствующие, в том числе и члены Верховного тайного совета, согласны, чтобы она приняла предложения народа. Члены Совета были вынуждены покориться. Так Анна Иоанновна освободила себя от клятвы выполнять подписанные ею «Кондиции». В четыре часа дня 25 февраля 1730 г. она собственноручно разорвала этот документ. (Не до конца разорванный лист с «Кондициями» хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.)

Все это напоминало политический спектакль по сценарию балетных представлений в Версале: запланированная смена фигур и мизансцены, в центре которых непременно должна быть задействована фигура монарха. Политическую моду той эпохи во многом диктовал французский двор Людовика XV.

Получив полную власть, императрица составила обраще-

О.А. Кипренский.
Портрет князя
Никиты Петровича Трубецкого

ние к дворянству с обещанием быть для своих подданных заботливой матерью и оказывать им «всяческую милость». В первую очередь милости (включение в указ пунктов о «сбавке подушных денег» [11]) были пожалованы гвардейцам и предводителям шляхетства, оказавшим ей поддержку.

Современники и последующие историки пытались ответить на вопрос, почему попытка ограничить самодержавную власть в России не удалась. Главная причина заключалась, по-видимому, в том, что российское общество было к тому времени не готово к конституционной форме правления. Дворяне не смогли договориться между собой: согласия не было не только между высшим и средним дворянством, но и между знатнейшими фамилиями. Каждый хотел добиться выгод для себя, никто не радел за общее дело. В результате благоприятный момент для ограничения власти монарха был упущен. Само понятие «общее дело» с этих пор стало обозначать главным образом интересы дворянства.

Правление Анны Иоанновны

Анна Иоанновна была средней из трех дочерей сводного брата и формального соправителя Петра I — немощного и недееспособного Ивана Алексеевича. После смерти Ивана в 1696 г. Петр I стал заботиться о вдове и дочерях, поскольку с братом у него были хорошие отношения. Однако судьбу племянниц он устроил сообразно своим политическим целям. Когда пришла пора выдавать их замуж, Петр I решил, что их мужьями должны стать иностранные принцы и монархи. Это позволило бы кровными узами связать династию Романовых с главными королевскими и княжескими родами Европы.

В то время Петр I был озабочен усилением влияния России в Прибалтике, поэтому в мужья Анне был выбран курляндский герцог Фридрих Вильгельм. Мнение самой царевны никого не интересовало. Царь Петр рассчитывал в будущем распространить на Курляндию (территория нынешней Латвии) стратегические интересы России.

В архивах Тайной канцелярии сохранилось следственное дело за 1739 г., в котором зафиксирована история замужества

Анны Иоанновны. Наряду с про-
чим там сохранились «непри-
стойные слова» песни, которую
крестьянка А. Максимова помни-
ла с 1710 г. и которую пели по
случаю свадьбы царевны: «Не да-
вай меня, дядюшка царь-госу-
дарь, Петр Алексеевич, в чужую
землю, нехристианскую, нехри-
стианскую, басурманскую. Выдай
меня, царь-государь, за своего ге-
нерала, князя, боярина» [12].

В ноябре 1710 г. в Петербурге,
во дворце Меншикова, состоялась
роскошная свадьба, но уже в нача-
ле 1711 г. Анна стала вдовой. Выехав из Петербурга с молодой
женой, Фридрих-Вильгельм неожиданно заболел и умер на
первой же станции по дороге в Митаву. Молодая вдова верну-
лась домой, но ненадолго. По настоянию Петра I она вновь от-
правилась в Митаву: государственные интересы России требо-
вали, чтобы герцогиня Курляндская жила в своей резиденции.

Жизнь молодой Анны проходила в скуке и нужде. Петр I
выделил ей на содержание из курляндских доходов ровно
столько, «без чего прожить нельзя» [12]. Местные дворяне, по-
томки немецких рыцарей, опасались усиления влияния Рос-
сии, поэтому относились к Анне недружелюбно, даже враж-
дебно. Они открыто выживали герцогиню Анну из Митавы,
ограничивая ее права и доходы.

Неясность положения и недопустимая для герцогини бед-
ность заставляли Анну унижаться. Она писала письма
А.Д. Меншикову, А.И. Остерману, супруге Петра I Екатерине и
всегда просила денег. Часть доходов, которая была положена
Анне по брачному контракту, не обеспечивала того уровня
жизни, который считался пристойным для герцогини. В од-
ном из писем к Екатерине она сообщала, что не имеет даже
лишнего платья, чтобы появиться в свете.

Иногда Петр I разрешал племяннице приезжать в Петер-
бург, и тогда герцогине приходилось испытывать еще одно
унижение — заискивать перед вельможами в расчете на то,
что добрые отношения с ними пригодятся в будущем. Про-

Табакерка Анны Иоанновны
(XVIII в.)

М.К. де Ля Тур.
Портрет графа Морица
Саксонского,
маршала Франции

сить денег у матери она не могла: царица Прасковья Федоровна не любила среднюю дочь. Это была еще одна грустная сторона жизни Анны, отразившаяся на ее характере.

В письме к Екатерине, всегда проявлявшей к Анне сочувствие, герцогиня Курляндская просила, чтобы императрица поспособствовала решению ее «супружественного дела». Предполагавшийся новый брак не должен был изменить соотношение сил в Курляндии в невыгодном для России направлении — именно поэтому в 1723 г. Анне не удалось выйти замуж за прусского принца. По этой же причине в 1726 г. (Анне Иоанновне исполнилось к тому времени 33 года) не состоялся ее брак с Морицем Саксонским — внебрачным сыном курфюрста саксонского Августа II.

Пока Петр I выбирал племяннице супруга, ее безрадостную жизнь скрашивал своим присутствием П.М. Бестужев-Рюмин, ставший высокообразованным человеком и тонким дипломатом. При немногочисленном дворе Анны он выполнял три обязанности: как герцогский гофмейстер управляем скучными вотчинами, как резидент русского двора в Митаве присматривал за поведением герцогини и, наконец, был ее фаворитом.

Когда Бестужев-Рюмин был отзван в Петербург, фаворитом курляндской герцогини стал камергер граф Эрнст Бирон — человек, обладавшийовым характером и умевший использовать обстоятельства с выгодой для себя. Жизнь Анны Иоанновны так и закончилась бы в Митаве, если бы в ночь смерти Петра II о ней не вспомнил князь Д.М. Голицын.

Анна Иоанновна ни внешне, ни по характеру не вписывалась в свою эпоху, ценившую изящество и утонченность. Испанский посол де Лириа писал, что «лицо у нее более мужское, нежели женское» [4]. Наиболее точный (правда, по стилю напоминающий солдатскую атtestацию) словесный

портрет императрицы составил граф Э. Миних: «Станом она была велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильный и проницательный. Сложением тела была она крепка и могла сносить многие удручения» [13].

Анна Иоанновна была для своей эпохи уникальной женщиной: не всякая женщина может выдержать ружейную отдачу в плечо, а новая русская императрица стреляла каждый день — это было ее любимое упражнение.

В 1732 г. императорский двор переехал в Петербург. Поскольку большую часть своей жизни Анна Иоанновна провела за границей, в Европе, это не могло не сказаться на ее привычках и вкусах. Анна Иоанновна пыталась совместить замашки русской барыни с манерами европейской герцогини, что повлияло на стиль жизни императорского двора и нравы высшего общества.

Последовавший отъезд императрица проводила в окружении бабок и девок: первые рассказывали ей слухи и небылицы, вторые расчесывали косы. Она любила выступать в роли свахи, сводя пары так, как она считала нужным, и не интересуясь их мнением. Ослушание грозило суровым наказанием, вплоть до ссылки в отдаленную губернию. Анне Иоанновне нравилось показывать свою, хотя и номинальную, власть — писать письма, записки, резолюции.

В отношениях с подданными Анна Иоанновна следовала завету Ивана Грозного: «Жаловать есь мы своих холопов вольны, а и казнить вольны же» [13]. Императрица гневалась на холопов, осмелившихся не выполнить ее приказов или пытавшихся ее обмануть. Для нее не имело значения, знатного рода провинившийся или нет — со всеми она была строга, если не сказать сурова. «Розыщите о последнем,— писала Анна Иоанновна генералу С.А. Салтыкову по делу провинившегося перед ней священника,— без всякой поноровки кто будет виноват, мне ино надобно, кроме правды, а кого хочу пожаловать, в том я вольна» [13].

Государственными делами Анна Иоанновна заниматься не любила. Она даже не пыталась вникнуть в систему управления страной, благодаря чему вся власть сосредоточилась вскоре в руках Э. Бирона.

Россия при Анне Иоанновне

Придя к власти, Анна Иоанновна оказалась в довольно сложном положении: она стала самодержицей вопреки чьему-либо желанию. Даже ее сторонники защищали не ее, а сам принцип абсолютной власти. Никто не мог поручиться, что с таким же упорством и коварством они не будут плести интриги против императрицы Анны. Поэтому она заранее позаботилась о том, чтобы окружить себя надежными людьми.

Главным критерием для вхождения в круг избранных была верность и преданность императрице. В число приближенных Анны Иоанновны попали как родственники Салтыковы, так и непримиримый борец с Верховным тайным советом, «верховниками», П.И. Ягужинский, а также А.М. Черкасский, братья Левенвольде, Б. Миних. Как человек опытный, осторожный и давно известный Анне Иоанновне, к управлению был привлечен А.И. Остерман.

В первую очередь новая императрица ликвидировала Верховный тайный совет. 4 марта 1730 г. Сенат был восстановлен во всех своих полномочиях. Правда, в его состав вошли бывшие члены Верховного тайного совета, поэтому императрица не могла полностью доверять органу власти, где заседали ее «утеснители». К тому же Сенат не был готов взять на себя все бремя административного управления, а сама императрица была некомпетентна в этой области. Поэтому осенью 1731 г. был образован Кабинет министров.

В его состав вошли опытные управленцы и неплохие дипломаты — канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер А.И. Остерман, князь А.М. Черкасский, а потом П.И. Ягужинский и сменивший его А.П. Волынский. Сначала Анна Иоанновна принимала участие в работе Кабинета, но вскоре ей это надоело, и она передала министрам право решать дела от ее имени. 9 июня 1735 г. вышел указ, по которому подпись трех

министров приравнивалась к подписи императрицы. На деле бывало достаточно и двух, а затем и одной министерской подписи под указом. Однако это не являлось ограничением власти императрицы: в любой момент она могла передумать и передать полномочия другому лицу или органу — тем более что никакого разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную тогда не существовало.

Эрнест Бирон

Реальным правителем России в годы царствования Анны Иоанновны был ее фаворит, мелкопоместный дворянин Эрнст Иоганн Бирен, которого в России называли Бироном. В исторической литературе и мемуарах этот период получил название «бироновщины».

Эрнст Иоганн Бирон родился в 1690 г. в семье курляндского дворянина. Однажды ночью Бирон, возвращаясь домой в компании приятелей, ввязался в драку с ночных караулом и убил солдата, за что попал в тюрьму. Любопытно, что его вытащил оттуда Вильям Монс — брат фаворитки Петра Великого Анны Монс и любовник Екатерины I. Около 1718 г. Бирон поступил на службу к герцогине Курляндской (Анне Иоанновне) благодаря протекции курляндского канцлера Кайзерлинга, родственника мужа Анны Монс.

В Курляндии Бирону покровительствовал фаворит Анны Иоанновны Бестужев, которого хитрый и умный Бирон вскоре отеснил в сторону. Для упрочения своего положения Бирон женился на фрейлине Анны Иоанновны Бенигне Готлиб фон Троттга-Трейден, что не смущало Анну Иоанновну. Жена фаворита была больна и некрасива, поэтому она молча подчинялась

Э. Бирон (гравюра, XVIII в.)

обстоятельствам. У Бирона были от нее сын Петр и дочь Гедвига-Елизавета, которых Анна Иоанновна, не имевшая своих детей, опекала. (Злые языки утверждали, что младший сын Бирона Карл-Эрнст — плод их связи с Анной.)

В 1737 г. Бирон получил титул герцога Курляндского и теперь де-юре (по закону) стал одним из главнейших лиц в государстве. Анна Иоанновна во всем полагалась на его мнение. По свидетельствам современников, влияние Бирона на императрицу было безгранично. Вот как пишет об этом Э. Миних: «Если герцог явился с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение принимала встревоженный вид. Буде тот весел, то на лице монархии явное напечатлевалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархии тотчас мог приметить чувствительную перемену... Всех милостей надлежало испрашивать у герцога и чрез него одного императрица на оные решалась» [13].

Б. Миних писал, что Анна «вовсе не имела своего стола, а обедала и ужинала только с семьей Бирона и даже в апартаментах своего фаворита». Различные увеселения и светские мероприятия они всегда посещали вместе: Анна Иоанновна, Бирон, его жена и дети.

Бирон дорожил положением фаворита императрицы. Он никогда не оставлял Анну Иоанновну без присмотра: когда он сам уходил, возле нее оставалась жена или соглядатай, которым он доверял. Однажды Бирон сказал своему благодетелю Г. Кайзерлингу: «Крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтоб не воспоследовало злополучной перемены» [12].

В управлении государством фаворит Анны Иоанновны играл, по сути, главную роль. Это касалось как внешней, так и внутренней политики. Бирон был доверенным лицом императрицы, без него не принималось ни одного важного решения. При этом он вел себя как человек очень осторожный, стремился не подчеркивать свое положение, оставаться в тени. Личность и головокружительная карьера мелкого курляндского дворянина были предметом зависти его современников: как в России, так и в Курляндии его пытались сместить.

Существует устойчивое представление о «бироновщине» как о времени, которое было отмечено засильем иностранцев, притеснением русских и попиранием самобытности

русского народа, а сам Э. Бирон в связи с этим предстает как жестокий и неумный временщик. В действительности правление Бирона имело как отрицательные, так и положительные последствия для государства.

Приток иноземцев в страну в годы царствования Анны Иоанновны не был исключительной заслугой Бирона, о чем известно из предшествующей истории России. Историки утверждают, что при Анне Иоанновне не существовало какой-либо «немецкой партии», то есть «достаточно сплоченной и однородной национально-политической группировки, которая бы контролировала верховную власть» [12]. Немцами в то время называли всех подданных многочисленных германских княжеств, различавшихся между собой в историческом, религиозном и культурном отношении. У российского трона подвизались лифляндцы, курляндцы, вестфальцы, ольденбургцы. Главным образом они заботились о личной выгоде, что, впрочем, было характерно и для русских придворных.

Основным поприщем для иностранных специалистов попрежнему оставалась армия. Иноземцы состояли и на государственной службе, поскольку в Европе история государственного управления исчислялась веками. Однако при Анне Иоанновне иностранцы уже не пользовались особыми привилегиями. Более того, именно при Анне Иоанновне немец Б. Миних предложил устраниТЬ обидное для русских офицеров различие в жалованье: при Петре I они получали в 2 раза меньше, чем иностранцы. Это предложение было одобрено императрицей.

В этот период Российская империя активно проявляла себя на международной арене. Большая часть казны уходила

Неизвестный художник.
Б. Миних

на нужды армии и подготовку военных кадров. 22 сентября 1730 г. по инициативе Бирона был сформирован Измайловский гвардейский полк, ставший впоследствии гордостью русской армии. В этом же году в Петербурге открылась артиллерийская школа, а через год, 29 июля 1731 г., фельдмаршал Б. Миних основал Кадетский корпус, что избавило дворянских детей от необходимости служить в солдатах. Для солдатских детей открывались школы, где их обучали арифметике, грамоте, военным наукам и ремеслам.

Внешняя политика «временщика» Э. Бирона предусматривала целью укрепление позиций России и расширение ее границ как в Европе, так и в Азии, то есть осуществлялась в направлении, намеченном Петром I. В годы царствования Анны Иоанновны усилилось влияние России в Прибалтийском регионе. Став курляндским герцогом, Бирон не жалел казенных денег на представительские расходы. Он строил роскошные дворцы по проектам Б. Растрелли, содержал пышный двор и т.п. Но эти траты впоследствии окупились политическими дивидендами: Европа признала Курляндию государством, находящимся в зоне влияния России.

Одним из главных противников России оставалась Османская империя. Союз с Австрией был заключен с целью ослабить влияние Турции на Балканах. Война с Турцией началась в 1735 г. и длилась четыре года. Решающее значение

Боевые действия русских войск в Крыму

имели сражения при Хотине и Очакове. При обороне Очакова в 1737 г. погибли 17 тыс. турецких воинов. В этом же году войска фельдмаршала Ласси перешли вброд залив Сиваш и заняли Крымское ханство.

Однако война окончилась не в пользу России. Подвели союзники: 18 сентября 1739 г. Австрия подписала мирный договор с Турцией, который свел на нет победы российского оружия. По этому соглашению Россия не могла иметь на Черном море военные и торговые суда. Крепость Азов отходила к России без укреплений и гарнизона. И все же Россия подтвердила серьезность своих намерений в отношении Крыма.

Во внутренней политике важнейшим достижением стала отмена Указа Петра I о единонаследии от 1714 г. По этому указу помещик имел право завещать свое владение только одному из сыновей. Петровский закон был упразднен в 1731 г. как «не к пользе происходящий», а вотчины были приравнены к поместьям, то есть могли распределяться между всеми наследниками.

Спустя пять лет Анна Иоанновна подписала указ, благодаря которому русское дворянство стало привилегированным сословием. Указ позволял оставлять одного из сыновей в поместье «для содержания экономии»; возрастной ценз для начала государственной или военной службы поднимался до 20 лет; а срок службы был сокращен до 25 лет.

Ситуация в экономике страны складывалась неоднозначно. С одной стороны, правительство увеличивало подати и строго взыскивало недоимки.

В государственном аппарате процветало казнокрадство, чиновники использовали служебное положение в личных целях. С другой стороны, данные историков свидетельствуют о том, что в это время в России развивались торговля и промышленность.

Российское правительство уделяло особое внимание развитию металлургической промышленности. В годы царствования Анны Иоанновны было построено несколько новых заводов, что позволило России обогнать Англию по выплавке чугуна: в 1740 г. в Англии его производилось 17,3 тыс. тонн, а в России — 25 тыс. тонн. Это стало возможным благодаря политике покровительства частному предпринимательству в горной металлургии.

Значительную роль в этой сфере играл А.К. Шемберг. Будучи ставленником Бирона, он, с одной стороны, безнаказанно присваивал себе прибыль от работы заводов. Но, с другой, тот же Шемберг предложил пересмотреть законодательство в сторону уступок предпринимателям. Так появился на свет Берг-регламент 1739 г., способствовавший развитию промышленности. Один из его пунктов предусматривал приватизацию государственных предприятий. С этой целью была образована специальная комиссия, у которой сразу возникли разногласия с Шембергом и его ведомством.

Общий объем торговли Петербурга с 1725 по 1739 г. вырос с 3,4 млн до 4,1 млн рублей, а экспорт железа в 30-е гг. XVIII в. возрос более чем в 5 раз, вывоз хлеба — более чем в 22 раза. Вдвое увеличился экспорт сала, икры и других товаров. В то же время Россия активно ввозила иностранные товары.

Шемберг хотел сам заниматься приватизацией — это позволяло получать гигантские субсидии на покупку заводов. Комиссия настаивала на том, что претенденты на владение предприятиями должны документально доказать свою платежеспособность. Страсти кипели вокруг каждого из пунктов, Шемберг, стремившийся откупить большую часть заводов, одержал верх. (Впоследствии, однако, императрица Елизавета Петровна лишила А.К. Шемберга власти и имущества, расчищая дорогу отечественным заводчикам.)

В начале 30-х гг. XVIII в. правительство оказалось в затруднительном финансовом положении: к 1732 г. доход государства составлял 6—7 млн рублей в год, а дефицит бюджета (недоимки) за пять предыдущих лет составлял 7 млн рублей. Деньги требовались не столько на балы и пиры, сколько на ведение войн и содержание армии. Крестьяне неправлялись с налоговым гнетом — многим хозяйствам просто нечего было отдавать. Два года подряд (1734–1735) в средней полосе России были неурожайными, что привело к голоду и гибели многих людей. Правительство опасалось массовых крестьянских волнений, но началась война с турками, и всех недовольных начали отправлять в солдаты.

Церковными делами в годы царствования Анны Иоанновны управлял Синод (сама императрица не была набожной).

Политика защиты православия носила противоречивый характер. С одной стороны, создавались семинарии, поощрялась миссионерская деятельность в Сибири и на Дальнем Востоке, духовенству предоставлялись льготы. В то же время в декабре 1736 г. был издан указ о наборе младшего духовенства в рекруты.

Как и при Петре I, гонениям подвергались раскольники. В самом Синоде существовали разногласия между сторонниками старообрядчества и реформаторами. В самом начале своего царствования Анна Иоанновна установила жестокое наказание за проповедование старообрядчества. В 1732 г. была учреждена специальная миссия по обращению раскольников, однако старообрядцы не хотели отступать от своей веры. С 1735 г. началась беспрецедентная по масштабам и жестокости акция по их уничтожению: еретиков сжигали на кострах, пытали, сажали в монастырские тюрьмы.

Начавшиеся репрессии были восприняты верующими как наступление Апокалипсиса: массовые самосожжения раскольников имели место на Урале и в Сибири. В народе это явление получило название «гари». Идеологами массовых наказаний раскольников были русские просветители — Феофан Прокопович и Василий Татищев. Видный историк Н.Н. Покровский писал: «Своеобразная ироническая логика истории видится в том, что активным проводником консервативнейшей линии правительства Анны Иоанновны в этом вопросе, в некоторой степени даже инициатором невиданной ранее по масштабам полицейской акции явился просвещеннейший поборник государственного подхода и казенного интереса Василий Никитич Татищев» [14].

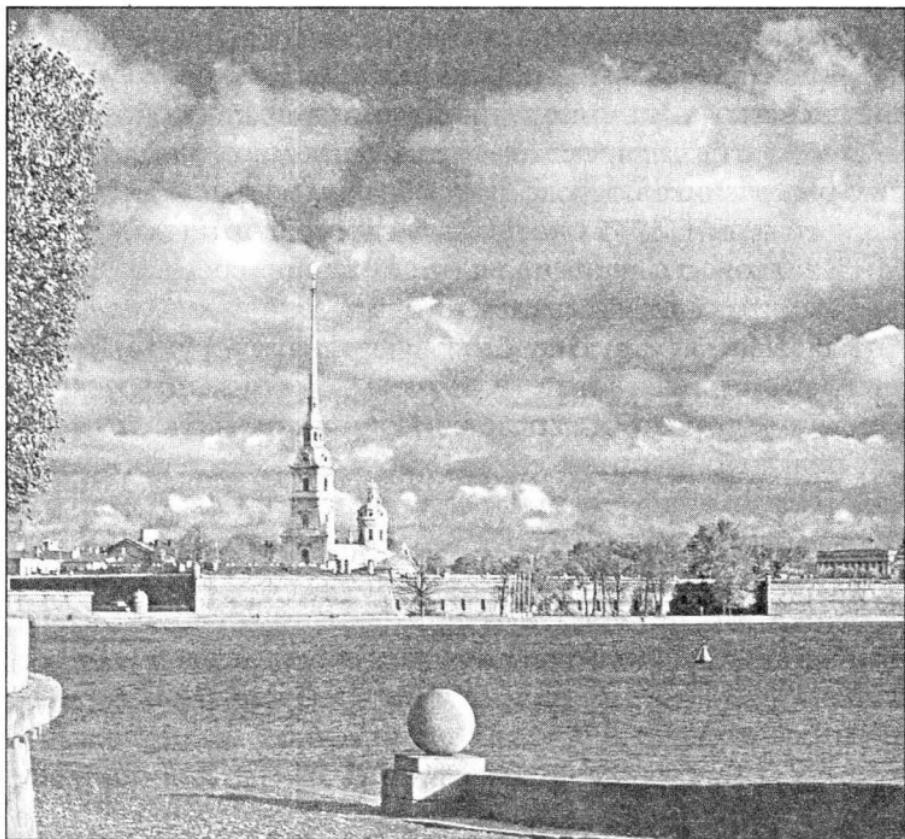
Двойственность характерна для всех начинаний, предпринятых в годы царствования Анны Иоанновны. Меро-

Крестьянин с тачкой
(чернильница, XVIII в)

приятия по улучшению внешнего вида Петербурга создали предпосылки для расцвета русского архитектурного барокко, развившегося в годы правления Елизаветы Петровны. 30 ноября 1730 г. было введено постоянное освещение улиц Москвы, с 8 ноября 1739 г. наступление полудня стало отмечаться залпом из пушки в Петропавловской крепости. При Анне Иоанновне были изданы указы, предусматривающие наказание за пьянство, драки и брань в общественных местах (нарушителям грозило тюремное заключение).

Тем не менее годы царствования Анны Иоанновны были оценены современниками как «темное десятилетие». Правда, мрачным этот период выглядит по сравнению с последующей эпохой пышных елизаветинских дворцовых празднеств и увеселений. И все же императрица не сумела угодить ни поборникам русской старины, ни сторонникам петровских преобразований. Дочь русского царя Ивана и русской

Вид на Петропавловскую крепость

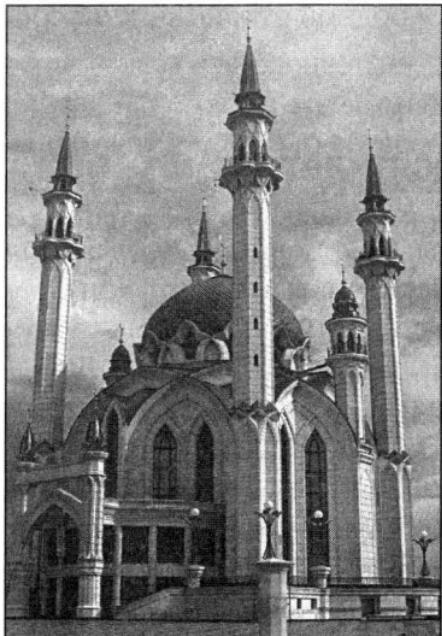
боярыни Салтыковой осталась в родной стране «чужой среди своих».

Репрессии «темного десятилетия»

Один из выдвиженцев Анны Иоанновны, фельдмаршал Б. Миних, видел недостаток императрицы в том, что «она любила покой и почти не занималась делами, предоставляя министрам делать все, что им заблагорассудится...» [13]. Любопытно, что теми же причинами Б. Миних объяснял и репрессии, начавшиеся в стране после воцарения Анны Иоанновны на троне: «...и не злое сердце государыни, а ее стремление к покою, дававшее министрам возможность удовлетворять свои амбиции и действовать в своих интересах, явилось причиной пролития крови Долгоруковых и Волынского...» [13]

Уже в апреле 1730 г. после тайных совещаний с внезапно выздоровевшим А.И. Остерманом Анна Иоанновна издала указ об удалении от двора шести князей Долгоруких. Всем Долгоруким предложили выехать из Москвы в дальние вотчины, в пути у них изъяли награды, а по прибытии в родовые имения их ждали новые распоряжения. Семью А.Г. Долгорукого сослали в Березов.

Анна Иоанновна не забыла о попытке возвести на трон Екатерину Долгорукую. Из семи князей Долгоруких 8 ноября 1739 г. в Новгороде было казнено пятеро: Василий Лукич, Иван Григорьевич, Алексей Григорьевич, Сергей Григорьевич и Иван Алексеевич. Остальные до конца жизни были заточены в тюрьмы. В 1736 г. по анонимному письму в заговоре против Анны Иоанновны был обвинен 75-летний князь Д.М. Голицын. Расследованием этого дела по распоряжению Анны Иоанновны занялся Вышний суд. Следствие продолжалось в течение года. Вышний суд приговорил Д.М. Голицына к казни, но Анна Иоанновна решила смягчить участь человека, которому она была обязана императорской короной. 8 января 1737 г. ею был издан манифест: «И хоть он, князь Дмитрий, смертной казни и достоин, однако ж мы, наше императорское величество, по высочайшему нашему милосердию, казнить его, князь Дмитрия, не указали, а вместо смертной казни послать его в ссылку

Мечеть (Казань, XVIII в.)

в Шлиссельбург и содергать под крепким караулом» [8]. Большой подагрой, Д.М. Голицын вскоре умер в Шлиссельбургской крепости.

Еще одним громким делом, вызвавшим большой общественный резонанс в эпоху Анны Иоанновны, стало «дело Артемия Волынского». Артемий Петрович Волынский происходил из родовитых бояр (один из представителей этой фамилии прославился в Куликовской битве), но не получил ни должного образования, ни приличного воспитания, что очень осложняло его жизнь при дворе. Тем не

менее Артемий Волынский сумел породниться с царской фамилией: его женой стала двоюродная сестра Петра Великого — Александра Львовна Нарышкина. Это обстоятельство помогало ему продвигаться вверх по карьерной лестнице и не раз выручало из беды. К тому же дядей Волынского был Семен Салтыков, ставший при Анне Иоанновне «начальником Москвы».

Сначала Волынский подвизался на военном поприще. В 1715 г. по поручению Петра I он во главе посольства отправился в Иран (Персию) и добился подписания выгодного для России торгового договора, за что царь пожаловал Волынскому чин полковника. После этого он был назначен губернатором в Астрахань, а затем — в Казань.

Будучи губернатором, Волынский был уличен в неблаговидных поступках. В связи с этим появилось «дело Волынского №1»: в 1730 г. казанский митрополит Сильвестр написал жалобу в Синод с просьбой унять губернатора. Он описывал многочисленные злоупотребления Волынского: самовольный захват земель епархии, вымогательство, огромные взятки, псевдую охоту на монастырских полях и т. п. Делу не был дан ход, поскольку за Волынского вступились высокопоставленные лица.

В 1731 г. Волынский переехал в Москву. В 1732 г. граф К. Левенвольд сделал его своим помощником по конюшенней части. Эта должность позволила Волынскому, с одной стороны, быть в поле зрения императрицы, а с другой — сойтись с Бироном, знавшим толк в лошадях. Успешно продвигаясь по служебной лестнице, Волынский за короткий срок добрался до ее вершины: императрица назначила его на должность кабинет-министра.

В Кабинете министров Волынский не нашел общего языка с А.И. Остерманом. Противники старались выжить друг друга, но Остерман был хитер и осторожен, а Волынский — несдержан и горяч. Поэтому на посту кабинет-министра Волынский продержался недолго.

Официальным поводом к возбуждению дела против Волынского стало избиение поэта Василия Тредиаковского, реальной причиной послужило опасение Остермана и Бирона за свое положение при дворе. Волынский побил Тредиаковского дважды: в первый раз — за стихи, сочиненные для шутовской свадьбы, а потом — за жалобу, которую обиженный поэт написал Бирону (вторая драка произошла в доме Бирона).

Волынского арестовали 12 апреля 1740 г., а 13 апреля Анна Иоанновна издала указ, в котором объявлялся состав следственной комиссии. Примечательно, что в комиссию вошли только русские вельможи: генералы Григорий Чернышев, Андрей Ушаков и Александр Румянцев, генерал-поручики Никита Трубецкой, Михаил Хрущев и князь Василий Репнин, тайные советники Василий Новосильцев и Иван Неплюев, а также генерал-майор Петр Шипов.

А.П. Волынскому были предъявлены два обвинения: во-первых, он «дерзнул» подать императрице письмо с назиданием в ее адрес, а во-вторых, учинил «неслыханные насилия» в доме, где живет герцог Курляндский. Волынскому припомнили историю 1739 г., когда он подал Анне Иоанновне донос, в котором обвинял Остермана и других иностранцев в бессовестном влиянии на императрицу, утверждая, что из-за этого государыня не знает истинного положения дел в стране. По совокупности всех фактов Волынского обвинили в подготовке дворцового переворота.

Волынский и его единомышленники осуждали существующие порядки и считали, что система государственного

управления в России нуждается в совершенствовании. В деле фигурировал некий документ под названием «Проект о по-правлении государственных дел». Этот документ не дошел до нашего времени, так как Волынский успел сжечь его при аресте. Историки реконструировали часть «Проекта» по материалаам следственного дела. Главную экономическую и политическую роль в стране А.П. Волынский отводил дворянству. Его «Проект» не был опасен для монархического строя — наоборот, именно в монархии Волынский видел залог процветания шляхетства. А.П. Волынский и его сторонники не пытались возвести на трон другого монарха (хотя именно это было главным пунктом обвинения) и тем более изменить государственный строй. Они хотели сместить Э. Бирона и А.И. Остермана, чтобы оказывать влияние на правящую императрицу.

Решающую роль в обвинении сыграли показания Кубанца — дворецкого А.П. Волынского. Кубанец донес на всех, кто собирался у Волынского. В основном это были его друзья: генерал П.М. Еропкин, советник экипажской конторы Адмиралтейского ведомства капитан флота А.Ф. Хрущев, секретарь иностранной коллегии де ла Суд, обер-кригскомиссар Ф.М. Соймонов, президент Коммерц-коллегии П.И. Мусин-Пушкин. Особое внимание Бирона привлекли сообщения дворецкого о презрительных отзывах Волынского о курляндском герцоге и императрице, об Остермане и других немцах. Дворецкий сообщал также, что Волынский будто бы сам претендовал на российский трон. По утверждениям Кубанца, Волынский хотел сместить Бирона после того, как погубит Остермана.

Спустя месяц после начала следствия по приказу императрицы подследственных начали пытать, и таким образом были получены необходимые признания. Однако Волынский отрицал обвинение в намерении стать императором. 6 июня Бирон и Анна Иоанновна определили участь ос-

Портрет
А.П. Волынского

новных заговорщиков: в качестве меры наказания была назначена смертная казнь. 20 июня 1740 г. (после утверждения решения Генеральным собранием) приговор был оглашен. 27 июня приведен в исполнение. Волынского, отрезав ему язык, посадили на кол. Хрущева и Еропкина четвертовали, а затем им отсекли головы; де ла Суду отрубили голову. Соймонов, Мусин-Пушкин и Эйхлер были помилованы: Соймона и Эйхлера сослали на каторгу; Мусина-Пушкина, отрезав ему язык, отправили на Соловки.

В манифесте, опубликованном после казни, Волынский и его сообщники объявлялись государственными преступниками. Однако это вызвало обратный эффект: в глазах общества Волынский предстал радетелем за Отечество против засилья иностранцев.

Процесс над Волынским и его единомышленниками был организован с целью уничтожения сопротивления мелкопоместного дворянства немецкому господству. Волынский не имел ничего против немцев как таковых — он хотел удалить вполне определенных иностранцев от кормила власти Российской империи. Тем не менее борьба с немецким окружением Анны Иоанновны подготовила русское общество к уничтожению иностранного засилья в верховной власти.

Регенты при императоре-младенце

У императрицы Анны Иоанновны не было своих детей, поэтому она удочерила племянницу Елизавету Екатерину, дочь своей старшей сестры Екатерины Мекленбургской и князя Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского. Внучка царя Ивана Алексеевича при крещении в православную веру получила имя Анны Леопольдовны. До 1723 г. она жила при дворе своей бабки, Прасковьи Федоровны Салтыковой, а потом тетушка-императрица устроила ее замужество. 3 июля 1739 г. состоялось бракосочетание Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Анна Иоанновна объявила, что наследником русского престола станет ребенок от этого брака. Мальчик родился 12 августа 1740 г., и Анна Иоанновна написала завещание. В честь рож-

Анна Иоанновна

дения царственного отпрыска в столице были устроены красочный фейерверк и иллюминация.

Анна Иоанновна страдала камнями в почках. 5 октября 1740 г. началось обострение болезни. За обедом императрица потеряла сознание, был вызван лейб-медик. Болезнь стремительно прогрессировала, и вечером 17 октября Анна скончалась. Начался новый виток борьбы за власть.

Поначалу все складывалось так, как ожидал Бирон. Правителем был объявлен младенец Иван Антонович, а герцог Курляндский — регентом. Регентство никого не устраивало: ни Анну Леопольдовну с мужем, ни высшие сословия, ни простой народ. По законам того времени регент был призван управлять страной до совершеннолетия императора, то есть до 17 лет.

Свое регентство Бирон начал с того, что позаботился о содержании семьи наследника престола. Родителям Ивана

Антоновича он назначил содержание 200 тыс. рублей в год, себе — 500 тыс. рублей в год. Чтобы задобрить цесаревну Елизавету, он выделил ей на ежегодное содержание 50 тыс. рублей. Однако в столице открыто высказывалось недовольство тем, что Бирон встанет во главе России. Одно дело, когда он руководил событиями из-за спины Анны Иоанновны, и совсем другое — официальный статус регента. Бирон понимая, что недруги не дадут ему править спокойно, начал предпринимать меры.

Он собирался арестовать фельдмаршала Миниха, который был другом принца Брауншвейгского, самого Бирона, да и родителей младенца-императора. Но противники Бирона оказались расторопнее.

Фельдмаршал Б. Миних убедил Анну Леопольдовну в том, что она должна свергнуть Бирона и сама стать правительницей. Он обещал ей поддержку армии. Мать наследника престола согласилась.

В ночь на 9 ноября Миних арестовал бывшего фаворита. Бирон сопротивлялся, и гвардейцы не отказали себе в удовольствии избить всесильного вельможу. Впоследствии медики насчитали у него двадцать ран (Бирон залечивал их в течение двух лет).

Переворот был быстрым и бескровным: при аресте бывшего фаворита не прозвучало ни единого выстрела. Гвардейцы, присягавшие Бирону на верность, не защищали его. На следующий день Анна Леопольдовна объявила себя регентшей. Она щедро наградила гвардейцев — участников переворота. Б. Миниху была пожалована должность первого министра, принцу Антону Ульриху — звание генералиссимуса.

Все семейство Биронов (в том числе и его брат с семьей) было арестовано. Для Эрнста Бирона высшие придворные чины требовали смертной казни, но Анна Леопольдовна не отличалась мстительностью и кровожадностью — она помиловала фаворита своей тетушки. Биронов сначала отвезли в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослали в Пелым (в Сибирь), где по приказу регентши для них был выстроен большой дом по проекту Б. Миниха. (Эрнст Бирон и его сын благополучно переживут в ссылке годы правления Елизаветы Петровны; Екатерина Великая вызволит их оттуда и отправит в Курляндию.)

Неизвестный художник.
Портрет Анны Леопольдовны

Дворцовый переворот 1741 года

Когда Анна Леопольдовна стала во главе империи, ей было 22 года. Казалось, судьба благоволит к ней: ее первенец стал императором, она — регентшей; в ее распоряжении были богатства, которых она до тех пор не имела. Уже в первые дни правления Анна Леопольдовна объявила о помиловании некоторых ссыльных, издала ряд указов. Однако ее правление длилось недолго, и ее сыну Ивану Антоновичу не было суждено стать российским императором: Анну Леопольдовну свергла с престола «дщерь Петрова», Елизавета I.

Мнения историков о том, кто первым предложил Елизавете совершиТЬ дворцовый переворот, расходятся: одни называют лейб-медика Г. Лестока, другие — камер-юнкера Р.Л. Воронцова, третьи — французского посла Ж. де ла Шетарди. Как бы то ни было, но после смерти Анны Иоанновны была образована «партия принцессы Елизаветы», подготовившая переворот. Одной из

сго отличительных черт было активное участие иностранных по-слов. Французский посол де ла Шетарди и шведский посол Э. Нолькен преследовали одну политическую цель — не столько ослабить влияние России в Европе, сколько переориентировать ее внешнюю и внутреннюю политику руками марионеточной правительницы в интересах своих государств. (Однако дальнейшие события показали, что политические недоброжелатели России совершили ошибку, сделав ставку на Елизавету: в годы правления Елизаветы Петровны мощь Российской империи усилилась.) Сохранились свидетельства о том, что Шетарди отказал Елизавете, когда она попросила у него денег на переворот. Тогда Елизавета заложила свои драгоценности и раздала деньги гвардейцам. Потом маркизу де ла Шетарди пришлось пожалеть о своей скрупульности. Такова официальная легенда. На самом деле в предшествующий перевороту период французский посол передал Елизавете значительную сумму денег.

Анну Леопольдовну давно предупреждали из-за границы о том, что цесаревна Елизавета что-то затевает, об этом агенты докладывали и генерал-фельдцеймейстеру Б. Миниху. 23 ноября 1741 г. Анна Леопольдовна в присутствии всего двора обвинила Елизавету в сговоре с иностранными послами. Елизавета упала на колени и стала все отрицать, говоря, что во всем виноват Г. Лесток. Анна Леопольдовна не верила в серьезность происходящего и хотела просто, по-семейному, поговорить с Елизаветой. Этим она сорвала планы А.И. Остермана, готовившего арест Лестока и Елизаветы.

Тучи над цесаревной сгущались, поэтому следовало действовать решительно. Существует мнение, что заговор ускорили опасения Лестока за свое положение (если ставкой в этой игре не была сама его жизнь). Лесток убеждал Елизавету, что бездействие чревато для нее постригом в монахини, а возможно, пытками и ссылкой.

В ночь на 25 ноября на Марсовом поле приехали все приближенные и родственники Елизаветы со стороны матери.

Л. Каравак. Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны

Г. Лесток (с гравюры XVIII в.)

Часть гвардейцев пошли арестовывать Б. Миниха, А. Остермана, К. Левенвольда и М. Головкина, остальные пошли с Елизаветой. Ее буквально на руках внесли в спальню Анны Леопольдовны. Елизавета скинула одеяло с регентши и произнесла: «Сестрица, пора вставать!» Вся семья — супруг и двое детей (годовалый Иван и его трехмесячная сестра Екатерина) — была арестована. Позднее малолетнего императора Ивана Антоновича тетка Елизавета забрала с собой. Во дворец бывшей цесаревны, а теперь императрицы съезжались те, кто готов был присягнуть ей на верность.

После дворцового переворота, совершенного Елизаветой 25 ноября 1741 г., Анна Леопольдовна и ее муж Антон Ульрих сначала были сосланы в Ригу, а затем в Холмогоры. В ссылках Анна Леопольдовна родила еще четверых детей, но все они были немощны и болезненны. Никто из них не дожил до преклонных лет. Сама Анна Леопольдовна умерла двадцати восемьми лет от рода.

Свергнутый наследник трона Иван VI Антонович провел всю оставшуюся жизнь под стражей, лишенный общения с внешним миром. Сначала он содержался в крепости Динамунд в Риге, потом в Раненбурге. Когда ему исполнилось 16 лет, императрица Елизавета Петровна, зная, что у Ивана Антоно-

На цесаревну надели орден Святой Екатерины, усадили в сани, и она в сопровождении братьев Шуваловых, Р. Воронцова и А. Разумовского отправилась в казармы Преображенского полка. Елизавету возвели на трон не офицеры — ее боготворили низшие чины гвардии и рядовые. Когда солдаты собирались, Елизавета произнесла ставшую впоследствии знаменитой фразу: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, ступайте за мной!» [13].

вича есть сторонники, приказала заточить его в Шлиссельбурге, где спустя девять лет он умер (предположительно был убит по приказу Екатерины II). Тюремщики, охранявшие Ивана Антоновича, доносили, что он безумен и нравом неукротим, всегда называет себя государем и их повелителем. Это породило мнение о его сумасшествии, хотя он говорил чистую правду. На этом отрезке истории не везло в России законным наследникам престола.

ПРАВЛЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ I

Елизаветинская эпоха полна контрастов и противоречий. Провозгласив верность курсу Петра Великого, Елизавета восстановила структуру управления, существовавшую в Петровскую эпоху. Однако из российской действительности исчез демократизм, который был свойственен политике первого российского императора: люди из низов уже не имели возможности подняться по служебной лестнице, перейти в другое сословие. Привилегии, предоставленные дворянству, отрицательно сказались на положении других подданных Российской империи. Вместе с тем Елизаветой Петровной были предприняты некоторые (весома существенные) меры по послаблению законодательства.

Елизавета, «дщерь Петрова»

Елизавета была второй дочерью Петра Великого и Марты Скавронской (Екатерины I). Она родилась 18 декабря 1709 г. Получила воспитание, типичное для европейских принцесс: ее учили французскому языку, танцам и музыке, этикету. С юности она слышала восторженные отзывы о своем внешнем облике, поэтому всегда стремилась к славе первой красавицы. Все иностранные послы восторгались ее грацией, обаянием и легким характером. Вот как описывала Елизавету в 1733 г. леди Рондо: «Принцесса Елизавета ...очень красива. Кожа у нее очень белая, светло-каштановые волосы, большие живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенъкий рот. Она склонна к полноте, но очень изящна и танцует лучше всех, кого мне доводилось видеть» [7].

Неизвестный художник.
Портрет императрицы Елизаветы Петровны

Когда Елизавета Петровна сильно располнела и о прежнем изяществе уже не было речи, на живописные изображения императрицы была введена цензура. Еще в юности цесаревна установила строгий канон своего портрета: ее лицо запрещалось изображать в профиль. Функцию цензуры выполняла Санкт-Петербургская академия художеств, без разрешения которой портрет было невозможно ни выставить на обозрение, ни продать.

Но в Государственной публичной библиотеке сохранился уникальный портрет императрицы Елизаветы Петровны — любительская гравюра Конона Тимофеева, служившего на таможне. Гравер-самоучка никогда не приукрашивал действительность, и его портреты получались на удивление живыми. Так случилось и с портретом Елизаветы, которую он боготворил.

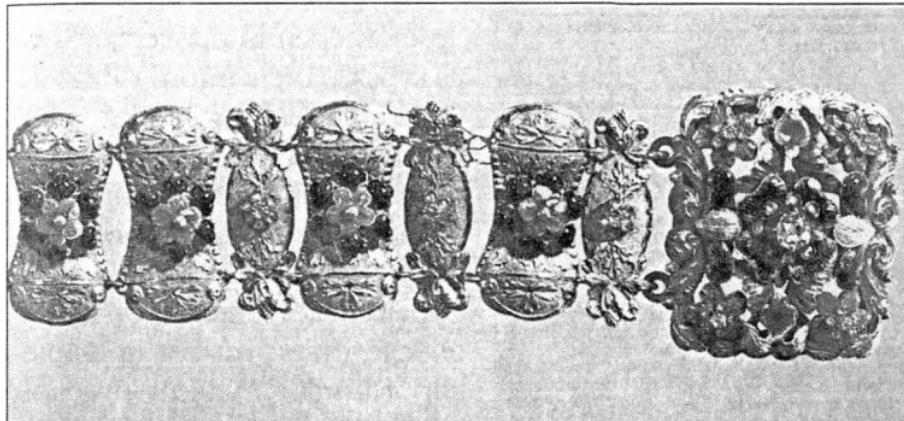
Елизавета часто бывала на таможне: императрицу интересовало, что привозят из-за границы ее министры и сенаторы. Вероятно, там Тимофеев и увидел ее, а потом сделал гравюру. На ней Елизавета Петровна изображена без прикрас — это полная женщина с толстым приплюснутым носом, жирным отвисшим подбородком и тяжелыми, набрякшими веками.

В Москве гравюра попалась на глаза профессору Якову Штелину, который отвечал за цензуру живописных портретов императрицы.

Он скупил все гравюры и поспешил доставить их императрице. Более того, он написал донос на К. Тимофеева, где с изворотливостью истинного царедворца одновременно выразил негодование и восхищение портретом. Омерзительно великолепная гравюра — так было охарактеризовано произведение таможенника.

Елизавета была в такой ярости, что отменила придворные увеселения. Конона Тимофеева схватили, пытали, а поскольку он так и не признал своей вины, его засекли кнутом до смерти. Елизавета ввела цензуру и на гравюры, а скупленные экземпляры приказала уничтожить. Но одна гравюра все же осталась.

Вместе с тем в царствование «милостливейшей» императрицы Елизаветы I ни один человек не был приговорен к смерти. Такие контрасты лучше всего передают характер и дух той эпохи.

Фрагмент браслета (XVIII в.)

Дочь Петра I была очень честолюбива, что отмечали все современники. Испанский посол де Лира писал: «Русские вельможи боятся большой власти, которую имеет над царем (Петром II. — Ред.) принцесса Елизавета, ум, красота и честолюбие ее пугают всех; поэтому им хочется удалить ее, выдав замуж» [15]. Но судьба словно берегла Елизавету для российского престола: первый брак с Людовиком XV не состоялся из-за решительных действий антирусской группировки при французском дворе. Второй брак с князем-епископом Карлом Августом Любским не был заключен из-за смерти жениха. Впоследствии руки Елизаветы и ее приданого добивались многие родовитые князья Европы и даже персидский шах Надир, но Елизавета Петровна так и не вышла замуж. Непреодолимым препятствием было положение о необходимости смены православной веры.

Первые шаги

26 ноября рано утром Елизавета с балкона приветствовала свой народ: ее встречали громкие радостные крики. Известие о восшествии на престол Елизаветы Петровны было встречено салютом с Адмиралтейства и бастионов Петропавловской крепости. Новой императрице присягнули гвардия и чиновники.

Манифест о вступлении на престол императрицы Елизаветы I был издан 28 ноября. В нем Елизавета заявляла о твер-

Гвардейцы времен Елизаветы I
(гравюра, XVIII в.)

дом намерении придерживаться курса, намеченного Петром I. Свое правление дочь Петра Великого начала традиционно — с награждения сторонников и наказания врагов. Елизавета назначила себя капитаном Преображенского полка, ставшего впоследствии самым привилегированным полком русской армии. Унтер-офицеры и рядовые гвардейцы, принимавшие участие в перевороте, получили потомственное дворянство и имения.

В отношении противников Елизаветы было начато следственное дело. Уже 13 января

утвержденная императрицей комиссия вынесла смертный приговор А.И. Остерману, Б. Миниху, К. Левенвольду, К. Менгдену и М.Г. Головкину. Публичная казнь была назначена на 17 января.

Однако Елизавета помиловала смертников: А.И. Остерману сообщили об этом, когда его голова уже лежала на плахе, другим зачитали помилование рядом с эшафотом. Смертная казнь заменилась вечной ссылкой. Все осужденные держались очень спокойно и с большим достоинством.

В одном из писем английский дипломат Э. Финч передает реакцию стоявшего на эшафоте А.И. Остермана на известие о помиловании: «Изобразив что-то вроде поклона наклонением головы, он тотчас же сказал (и это были единственные слова, им произнесенные): “Пожалуйста, отдайте мне мой парик и шапку”, — тут же надел и то и другое и, нимало не изменяя своему спокойствию, стал застегивать ночную рубашку и камзол...» [2].

Европейские послы превозносили милосердие новой российской императрицы. В течение двадцати лет правления Елизаветы в России не был казнен ни один человек: утвердившись на троне, дочь Петра Великого отменила в стране

смертную казнь (неслучайно буддистская община, а Елизавета разрешила исповедание этой религии на территории империи, провозгласила российскую императрицу воплощением Тары — божественного милосердия). Формально соответствующее распоряжение было отдано императрицей 17 мая 1744 г., оно касалось отмены казни за преступления неполитические, хотя в дальнейшем Елизавета Петровна миловала и политических преступников.

1 декабря 1741 г. императрица повелела вернуть из ссылки оклеветанного Меншиковым сподвижника Петра — Г. Скорнякова-Писарева (спустя год, в начале 1743 г., она освободит также и А. Девиера, который разделил участь Скорнякова-Писарева). На это не замедлило откликнуться духовенство: 18 декабря 1741 г., в день 32-летия Елизаветы, архимандрит Кирилл Флоринский прочитал проповедь, в которой произнес ключевые для правления Елизаветы слова: «Се аз семя отца твоего Петра Великого седох на престоле твоем» [1]. В продолжение двадцати лет Елизавета поддерживала миф о «дщери Петровой» и тщательно очищала образ Петра Великого от недостатков и противоречий.

Курс на реставрацию

При восшествии на трон у Елизаветы не было экономической и политической программы действий, то есть конкретного плана управления огромной страной. Именно масштабность Российского государства, его обширные пространства представляли главную проблему для любого из российских правителей. Россия охватывала земли от Балтийского моря до Тихого океана. При этом численность населения (по сравнению с размерами территории) была небольшая — около 19 млн человек. Территории заселялись неравномерно: население осваиваемого русскими Севера составляло около 1 млн человек.

Другой проблемой являлась неоднородность населения: менее 4 % жило в городах; а из крестьянского населения больше 70 % приходилось на крепостных. Очевидно, что при таком соотношении между группами населения Россия была преимущественно аграрной (то есть зависевшей от сельско-

Л. Токке. Портрет императрицы Елизаветы Петровны

го хозяйства) страной, несмотря на деятельность Петра I и последующих правителей по развитию промышленности.

В наследство от предшественников елизаветинскому правительству достались и другие нерешенные задачи: плачевное состояние финансов; путаница в законах и административной сфере; массовое бегство крепостных, приписных и посессионных крестьян в отдаленные районы страны.

Курс правления Елизаветы основывался на двух главных идеях. Во-первых, годы от кон-

чины Екатерины I до воцарения Елизаветы Петровны объявлялись «застойными», мрачными: «...по смерти [Петра I и Екатерины I] за беззакония и неправды наша наказал нас господь частыми переменами, а в таковых вредительных переменах... в коликое было Россия пришла безобразие» [15]. На этом фоне Елизавета воспринималась как спасение для страны, а дворцовый переворот, возведший ее на престол, — как гражданский подвиг царевны Елизаветы во благо России. В фейерверках и театрализованных представлениях елизаветинский переворот изображался в образе восходящего солнца, разгоняющего тучи.

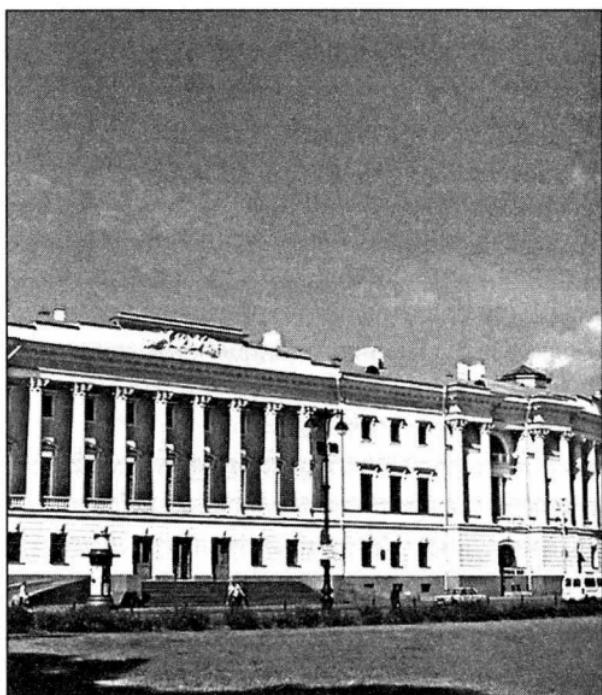
Во-вторых, главные идеологи тогдашней России — церковные владыки архимандрит Кирилл Флоринский, архиепископ Амвросий, архимандрит Дмитрий Сеченов и другие — предпринимали усилия для создания идеального образа царицы Елизаветы, любимой своим народом и продолжающей дело Петра Великого.

С этих позиций была заново переписана история ноябрьского переворота. Архиепископ Московский Амвросий в проповеди 18 декабря 1741 г. пересказывал собравшейся пастве слова, якобы сказанные Елизаветой солдатам-гвардейцам: «Родители мои... трудились, заводили регулярство, нажи-

ли великое сокровище многими трудами, а ныне то расташено, сверх же того, еще и моего живота ищут. Но не столько мне себя жаль, как вседражайшего Отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно разоряется, и людей столько неведомо за кого пропадает» [15].

Укреплению положения Елизаветы на российском престоле способствовали и практические меры, в том числе «прощение» недоимок в уплате налогов за 17 лет существования подушного налогообложения (около 2,5 млн рублей).

Таким образом, определилось основное направление в политике императрицы — попытка восстановить Петровскую эпоху. Первыми своими указами Елизавета восстановила систему государственного управления, введенную Петром I: она упразднила Кабинет министров, вернув Сенату полномочия в решении дел, касающихся внутренней политики России. Кроме того, были восстановлены коллегии (Бергколлегия, Мануфактур-коллегия и другие), а также личная императорская канцелярия — Кабинет Ее Императорского Величества. Укрепление позиций Сената, членами которого

*Здание Сената и Синода в Санкт-Петербурге
(современная фотография)*

были исключительно дворяне, усилило позиции российского шляхетства в целом.

Изменения и дополнения, внесенные в законодательство Петровской эпохи последующими правителями, упразднялись, а результаты их действия аннулировались. Например, это коснулось повышений в чине, произведенных в регентство Анны Леопольдовны при Иване Антоновиче, поскольку они нарушали порядок продвижения по службе, предписанный Петром. (Впрочем, сама Елизавета I нарушала этот порядок, если хотела отметить своих приближенных.)

Получив прежние полномочия, Сенат скоординировал деятельность коллегий и министерств, урегулировал внутренний административный порядок. Однако сенаторы не имели права вмешиваться в работу Тайной канцелярии. При Елизавете Петровне деятельность этого учреждения стала еще более секретной. Получить любой (даже второстепенной важности) документ можно было только по письменному разрешению самой императрицы. Однако Елизавета I и в этой сфере нашла возможность проявить милость к подданным: за ошибку в написании императорского титула больше не арестовывали.

При всех плюсах правления Елизаветы I ее верность делу Петра проявлялась лишь на бумаге — главным образом в императорских указах и буквальном соблюдении регламента во всех областях деятельности. Численность кораблей российского флота (любимого детища Петра I) сокращалась год от года; суда не ремонтировались, поэтому были практически не пригодны для ведения военных действий. Архив Петра Великого (бесценный не только с исторической, но и с практической точки зрения) в годы правления его дочери так и остался неразобранным.

Хотя Елизавета Петровна сама встала во главе дворцового переворота, приведшего ее к власти, она не интересовалась политическими интригами, поэтому вскоре отошла от государственных дел. Но несколько дней в месяц отводилось для решения вопросов внешней политики: без подписи императрицы не могло быть заключено ни одно соглашение с иностранной державой. Уже в декабре 1741 г. по указу Елизаветы в составе Сената был сформирован совет при императрице,

состоявший из близких ей лиц и занимавшийся на своих «конференциях» решением частных вопросов внешней политики.

Одной из главных задач во внутренней политике стало восстановление гетманства на Украине, упраздненного в 1734 г. после смерти гетмана Д. Апостола. Елизавета питала к Украине слабость: оттуда был родом ее фаворит А. Г. Разумовский. Сын простого казака, певчий церковной капеллы Алексей Разумовский обладал удивительным по красоте голосом. Впоследствии А. Г. Разумовский был возведен императрицей в графское достоинство и стал законным супругом Елизаветы.

В 1744 г. Елизавета I посетила Киев. При встрече делегация от казаков подала ей прошение о восстановлении гетманства. Елизавета велела Сенату подготовить указ о праве малороссийских казаков избирать гетмана по прежним обычаям. В 1750 г. состоялись выборы гетмана Малороссии — им стал Кирилл Разумовский (братья фаворита императрицы). Украина вновь получила автономию, которой лишилась в правление Анны Иоанновны, причем Запорожье стало вотчиной гетмана. Запорожские казаки стали привлекаться на императорскую службу: на южных границах империи по-прежнему существовала угроза нападения со стороны Турции.

Царская опочивальня
(Московский Кремль)

Проекты П.И. Шувалова

На рубеже 1740-х — 1750-х гг. многие реформы проводились по инициативе братьев графов Шуваловых — Петра Ивановича и Александра Ивановича. С конца 1740-х гг. по инициативе П.И. Шувалова начала осуществляться программа снижения подушной подати. Подушная подать как один из видов налогообложения населения была несовершенной: она взималась на основании последней переписи со всех

Восковой бюст графа П.И. Шувалова (работы неизвестного скульптора)

«мужских душ» (за исключением дворянства и духовенства, которые «пропитание и во всем содержание свое с них [крестьян] имеют» [2]), без учета возраста и прочих обстоятельств.

Переписи проводились редко, поэтому под уплату налога попадали и «мертвые души» — действительно умершие, а также беглые и рекрутчи. Подушное налогообложение представляло собой замкнутый круг. Не имея возможности заплатить налог, крестьянство нищало; увеличивалось число беглых, в результате росли недоимки,

доимки, в государственную казну поступало все меньше денег. К середине XVIII в. дефицит государственного бюджета составлял около 3,5 млн рублей.

В 1743 г. была проведена ревизия населения: насчитано 6 643 335 лиц мужского пола, принадлежавших к податным сословиям. Идея П.И. Шувалова состояла в том, чтобы наряду с подушной податью ввести косвенное налогообложение. Эта мера оказалась эффективной: снижая подушный налог, правительство одновременно повышало цены на соль и на вино. Поскольку государство обладало монополией на торговлю этими продуктами, приток денег в казну увеличился: за годы правления Елизаветы I доход государства возрос практически в три раза.

Первая половина 1750-х гг. отмечена еще одним прогрессивным шагом в развитии экономики России. В конце 1753 г. П.И. Шувалов подал императрице на рассмотрение проект таможенной реформы. Проект предусматривал отмену сборов с внутренней торговли при одновременном повышении пошлин на импортные товары.

В декабре 1753 г. таможенная реформа была проведена императорским указом, что имело для России два важных последствия. Во-первых, доход казны увеличился более чем на

Чайный сервиз «Собственный»
(Императорский фарфоровый завод, XVIII в.)

1 млн рублей в год и до 1761 г. возрос почти в 2 раза (с 1,5 млн рублей в 1753 г. до 2,7 млн рублей в 1761 г.). Во-вторых, торговые связи между отдельными регионами России заметно оживились, что способствовало укреплению хозяйства страны, образованию единого (общероссийского) экономического пространства.

За годы правления Елизаветы выросло число ярмарок по всей России, определилась специализация отдельных губерний страны. В 1754 г. в благодарность за отмену внутренних таможенных пошлин российское купечество подарило императрице Елизавете Петровне бриллиант весом в 56 карат (11,2 г).

Реализация проекта П.И. Шувалова была не только выгодной, но и по-настоящему прогрессивной мерой. Внутренние таможни, от которых страдала экономика мировых держав, были отменены в Европе лишь в самом конце XVIII столетия (во Франции) или в XIX в.

В годы правления Елизаветы Петровны государство поддерживало не только отечественную торговлю, но и промышленность. В 1757 г. был введен новый таможенный тариф для импортных промышленных товаров, способных конкурировать с продукцией российских предприятий; при этом таможенные пошлины на вывоз сырья и готового товара за границу значительно снижались. Чтобы ограничить экспорт и снизить торговлю контрабандными товарами из Прибалтики и европейских государств через порты Ревеля,

Граф П.И. Шувалов (шпалера, XVIII в.)

Риги и Дерпта, в 1749 г. была учреждена Главная таможня во Пскове.

Во время царствования Елизаветы были основаны многие предприятия: фарфоровый завод в Петербурге, металлургические («железоделательные») заводы в Ижевске, писчебумажная фабрика в Сибири. Приверженность императрицы к балам и нарядам тоже пошла на пользу России: в стране открывались фабрики, производящие шелк и бумажные ткани, шляпы, бархат и тафту. Вскоре в России стали производиться и краски для тканей. Деятельное участие в организации галантерейного производства принял М.В. Ломоносов: в 1752 г. он основал фабрику по производству разноцветных стекол; на этом предприятии изготавливались стеклярус и бисер. Через год фабрика превратилась в крупный завод, к которому было приписано 200 крепостных крестьян.

Граф П.И. Шувалов был инициатором создания первых российских банков. Указом императрицы Елизаветы от 7 мая 1753 г. в Петербурге был открыт Дворянский банк (отделение этого банка действовало и в Москве). Кроме того, был основан Купеческий банк. Банки выдавали ссуды дворянам и купцам под залог населенных имений или товаров.

Позднее, в конце 1750-х гг., по проекту П.И. Шувалова был создан Медный банк с капиталом в 6 млн рублей, что составляло третью часть прибыли, полученной государством от перечеканки медных монет. В 1757 г. был снижен вес медной монеты — из пуда меди теперь чеканились монеты достоинством в 16 рублей (то есть в два раза легче, чем прежде). Медный банк выдавал кредиты дворянам и купцам на льготных условиях: «Долг обязывает нас о благосостоянии всего общества, а особенно о сочлене [т.е. о дворянстве] своем попечение иметь» [15].

Серебряный рубль в годы царствования Елизаветы I стал гораздо тяжелее: монеты чеканились из серебра, добывшегося на рудниках Нерчинска (в Южной Сибири). Кроме того, Монетный двор выпустил в обращение золотые империалы (достоинством в 10 рублей, весом примерно в 3 золотника) и полуимпериалы (соответственно в 2 раза легче).

Льготы для дворянства

Меры, предпринятые по предложениям П.И. Шувалова, укрепляли положение русского дворянства, которое все более приобретало черты особого сословия. Дворяне получали

Банковский служащий
(середина XVIII в.)

льготы во всех начинаниях, касавшихся промышленности, торговли, владения землей и крепостными крестьянами. Число дворян-предпринимателей в елизаветинское время возросло: эпоха предписывала вести роскошный образ жизни, доходов от земельных владений для этого было недостаточно.

Начиная с братьев Шуваловых, управлявших делами металлургических заводов Урала и Центральной России, «российскому благородному шляхетству» открылись пути к предпринимательству в этой сфере. В 1756 г. вышел императорский указ «О заведении и размножении» стальных и железных фабрик. Металлургия превратилась в доходную отрасль промышленности, благодаря возросшему спросу на русское железо. К услугам дворянства были льготные государственные ссуды, богатые ресурсы, бесплатная рабочая сила (крепостные крестьяне).

Не менее доходным было винокуренное производство. Елизавета I поощряла дворян, занимавшихся предпринимательством в этой отрасли. Указом 1755 г. она запретила производить спиртные напитки российским подданным, не принадлежавшим к дворянскому сословию (винокурни таких хозяев подлежали закрытию или продаже). При этом государственная монополия на виноторговлю не отменялась, хотя с начала 40-х гг. XVIII в. в России повсеместно процветала контрабандная торговля вином. Другой статьей постоянного дохода для российского дворянства стал экспорт сырья: Европа в больших количествах закупала зерно, смолу и пеньку из России.

Дворянство получило монополию и права на откуп в самых доходных промыслах и торговле. П.И. Шувалов, крупнейший откупщик во времена правления Елизаветы Петровны, приобрел право на добычу рыбы и морского зверя на Каспии и на Севере, на Ладоге. Р.И. Воронцов и А.Б. Куракин получили монопольное право на «восточную» торговлю.

Политика Елизаветы Петровны способствовала дальнейшему утверждению крепостного права в России: императрица дарила поместья и целые деревни с крестьянами фаворитам, государственным деятелям, гвардейцам, причем

некоторые гвардейцы сами были родом из крестьян. В соответствии с указами от 4 декабря 1747 г., 2 мая 1758 г. и 13 декабря 1760 г. расширились права дворян в отношении крепостных крестьян, ужесточились условия крепостной зависимости. Дворяне получили право продавать крепостных крестьян, а в случае провинности ссылать их в Сибирь: «Дворянство имеет над людьми и крестьянами своими мужеского и женского полу и над именем их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными

пыток. И для того волен всякий дворянин тех своих людей и крестьян продавать и закладывать, в приданые и в рекруты отдавать и во всякие крепости укреплять...» [15] (глава 19 «Дворянской власти» Уложения 1750-х гг.).

Указом от 2 июля 1742 г. императрица запретила крепостным крестьянам уходить на военную службу по своей воле, отобрав у них единственную возможность изменить свой статус. (Такое отношение к русским крестьянам Елизавета проявляла с самого начала царствования: крестьян отстранили даже от участия в присяге императрице.)

Межевая инструкция 1742 г. приписала всех разночинцев и вольноотпущенников (получивших волю крестьян) к посадам или поместьям, либо они должны были идти в солдаты. Невыполнение инструкции наказывалось ссылкой на поселение или работой на казенных заводах. Поскольку право владения крепостными закрепилось исключительно за представителями дворянства, крепостное право стало еще одной привилегией дворян, гарантировавшей им постоянный доход и бесплатную рабочую силу. Даже указ, разрешавший крестьянам заниматься торговлей, давал их владельцам еще одну статью дохода: со всех сделок собственных крестьян помещики имели чистую прибыль.

Начиная с 1756 г. указы, написанные в Сенате по согласованию с императрицей, существенно ограничили возмож-

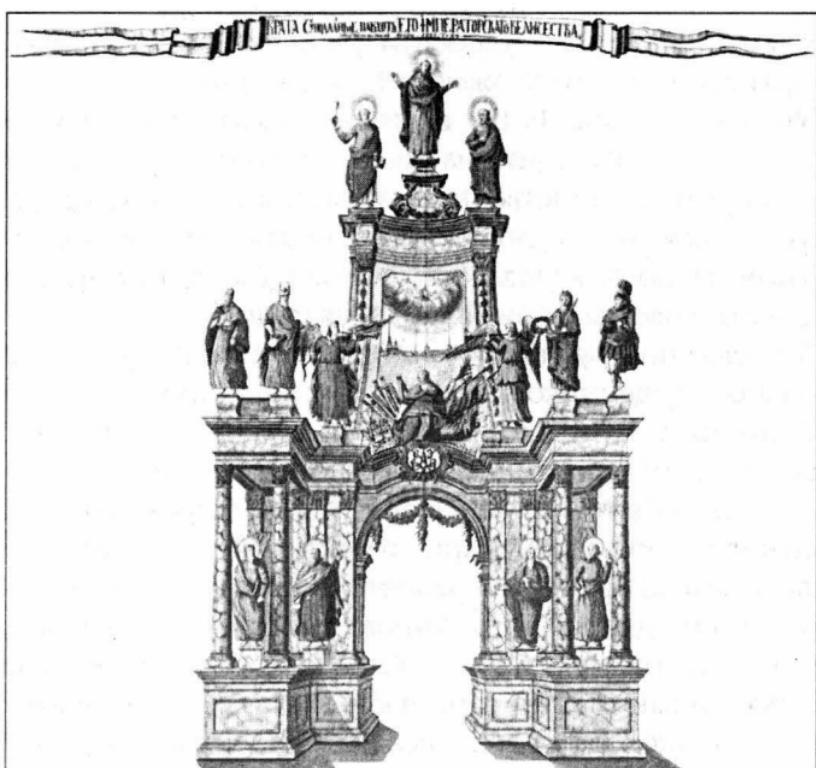

Л. Каравак. Портрет императрицы Елизаветы Петровны

ность перехода в дворянский «корпус» людям из других сословий: в дворянские списки вносились только те, кто мог представить убедительные доказательства своего происхождения. С 1761 г. начала составляться новая родословная книга, делившая дворянство на несколько групп по степени знатности — от подлинных дворян, «происшедших от знатных и древних поколений Российского государства», до дворян за-воеванных областей.

Личные дворяне, получившие в Петровскую эпоху дворянский статус за заслуги перед государством или позднее произведенные в обер-офицерские чины (при Петре I это давало им дворянский статус), лишились прав на владение крепостными. «Не дворяне, произведенные по статской службе в обер-офицеры, не могут считаться в дворянстве и не могут иметь за собой деревень» [10], — гласил указ 1760 г.

При жизни Елизаветы сложилась традиция с младенческих лет записывать дворянских детей в элитные гвардей-

Неизвестный художник. Синодальные триумфальные ворота в Москве (акварельный рисунок, первая половина XVIII в.)

ские полки, чтобы к началу службы они уже имели офицерский чин. Срок дворянской службы в армии в годы правления Елизаветы Петровны сокращался за счет долговременных отпусков. В результате после вступления России в Семилетнюю войну потребовались очень серьезные меры, чтобы заставить офицеров вернуться из родовых имений к местам службы. Н.И. Панин, воспитатель великого князя Павла Петровича, охарактеризовал время правления Елизаветы следующим образом: «Сей эпок заслуживает особливое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям» [10].

Внешняя политика России

Сразу после утверждения на троне Елизавете пришлось вступить в сложный мир международных политических интриг. Сильная Россия не отвечала интересам европейцев. Франции был невыгоден союз России с Австрийской империей Габсбургов. Основными военными противниками России были в то время Речь Посполитая, Османская империя и Швеция. Оказывая помочь этим государствам, французская корона создавала для России «восточный барьер» (Е.В. Анисимов), чтобы помешать распространению российского влияния в Европе и возникновению Австро-Российской коалиции.

С начала правления Елизаветы Петровны при российском дворе образовались две группировки. Во «французскую партию», возглавляемую Ж. де ла Шетарди, входили лейб-медик императрицы тайный советник Г. Лесток, а впоследствии мать великой княгини Екатерины принцесса Иоганна Елизавета и обергофмаршал «малого двора» наследника престола О.Ф. Брюммер. Все эти лица находились на «пансионе» у Франции. Например, Лестоку было предложено 15 тыс. ливров в год за заботу «о соглашении интересов короля и вашей государыни» [15]. Вторая «партия», во главе которой стоял вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, выступала за продолжение внешнеполитического курса Петра I, то есть за союз с морскими державами (Англией и Голландией) и с Австрией.

Л. Токке. Портрет
графа А.П. Бестужева-Рюмина

Дары от иностранных держав принимали многие царедворцы и чиновники, даже вице-канцлер Бестужев. Сумма, которую ему платили англичане за внушение Елизавете мыслей о выгодности союза с Великобританией, во много раз превышала его жалованье на посту главы внешнеполитического ведомства. Однако виртуозом «выколачивания» денег у иностранных послов был Г. Лесток. Ему платили все: немцы, шведы, французы, англичане. Более того, германский император Карл VII пожаловал Лестоку графский титул.

Известный уже маркиз де ла Шетарди постоянно просил денег у своего короля Людовика XV на подкуп русских чиновников, но выделенные средства использовал на собственные нужды. Для удовлетворения политических и личных амбиций маркиз нашел другой источник средств — он сделал ставку на личное обаяние. Сохранились свидетельства современников о том, как неприкрыто и настойчиво Шетарди ухаживал за Елизаветой — как в бытность ее цесаревной, так и впоследствии. И Елизавета благосклонно принимала его ухаживания. Однако политические интриги Шетарди не имели успеха: Елизавета была не настолько легкомысленна, чтобы ради любовных утех поступаться политическими интересами России.

Вице-канцлер Бестужев-Рюмин не оставлял попыток одержать верх над Лестоком и Шетарди. Нашумевшее дело

Лестока как раз и началось с того, что в 1748 г. агенты Бестужева перехватили письмо маркиза де Шетарди. В письме содержался материал, comprometирующий Шетарди и Лестока. Французский посол позволил себе откровенные высказывания в адрес Елизаветы: «...она старательно избегает общения с образованными и благовоспитанными людьми; ее лучшее удовольствие — быть на даче или в купальне, в кругу своей прислуги. Лесток, пользуясь многолетним на нее влиянием, много раз силялся пробудить в ней сознание своего долга, но все оказалось напрасно: что в одно ухо к ней влетит, то в другое прочь вылетает» [11].

В этом письме Шетарди говорил о службе Лестока в пользу Франции, о том, что следует задобрить лейб-медика императрицы деньгами, а также называл еще несколько имен высокопоставленных чиновников, которым следовало выплатить вознаграждение. Елизавета отреагировала единственным возможным способом: она выслала Шетарди из России, а Лестока приказала арестовать. Следствие по делу Лестока длилось больше года, бывшего лейб-медика пытали, но он ни в чем не признался. Императрица отправила Лестока в ссылку в Устюг, все его имущество было конфисковано; на покрытие следственных расходов с Лестока былодержано 800 рублей. Вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин торжествовал, но вскоре и сам стал жертвой придворных интриг: в 1758 г. Бестужева-Рюмина отдали под следствие.

Свято-Боголюбский монастырь (XVII в.)

Уделяя большое внимание внешнеполитическим вопросам, императрица Елизавета практически устранилась от внутренних проблем, что было характерно для европейской практики того времени: вопросами войны и мира занимался монарх. Другой причиной пристального интереса императрицы Елизаветы к вопросам внешней политики историки считают любопытство: «...в отличие от “скучных” финансовых, торгово-промышленных и вообще внутренних дел они (внешнеполитические дела. — Ред.) были персонифицированы. Говорилось... о политике конкретных людей: Фридриха II, Людовика XV или Марии Терезии <...> В глазах Елизаветы это придавало внешней политике элемент игры, интриги, увлекательного заочного соперничества или дружбы» [15].

Дневники Коллегии иностранных дел свидетельствуют: Императрица Елизавета обязательно высказывала свое мнение по различным международным проблемам, подписывала указы, исправляла и вносила дополнения в подготовленные дипломатами документы. Для императрицы специально составлялись выписки из иностранной прессы: Елизавета следила за политической обстановкой в европейских государствах и на Востоке.

Нередко дипломатические вопросы решались на открытых маскарадах — куртагах, устраиваемых императрицей. На таких мероприятиях Елизавета завязывала неформальные отношения с посольствами, заручалась поддержкой видных политиков, вела беседы с посланниками, узнавала важные сведения (например, о появлении на границе австрийских войск).

Со времени подписания Ништадтского мира прошло более двадцати лет, Россия и Швеция фактически находились в состоянии войны. По совету Ж. де ла Шетарди Елизавета обратилась к своему противнику — шведскому королю Адольфу Фридриху — с письмом, в котором предлагала прекратить войну и начать мирные переговоры. Но Швеция в лице главнокомандующего К.Э. Левенгаупта требовала возврата Эстляндии и Лифляндии, на что Елизавета пойти не могла. «...Что скажет народ, увидя, что иностранная принцесса... (Анна Леопольдовна. — Ред.) предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны

соглашается на условия, противные столько же благу России, сколько славе ее отца и всему, что было куплено ценою крови ее подданных...» [15] — говорила императрица французскому посланнику, аргументируя свой отказ шведам. Политика России в шведском вопросе была непреклонной: переговоры были возможны только с позиций, продиктованных соглашением в Ништадте, то есть с позиций силы, а не уступок.

В мае 1746 г. был подписан договор о русско-австрийском оборонительном союзе сроком действия 25 лет: Россия и Австрия намеревались объединиться в войне против Турции и Пруссии. В 1746—1747 гг., а также в 1755 г. при участии королевы Венгерской и Богемской Марии Терезии, потенциальной наследницы всех австрийских владений, были заключены русско-английские конвенции: Россия соглашалась предоставить Англии и Голландии военную и материальную помощь в борьбе против Франции и Германии. Весной 1748 г. 30-тысячный корпус, возглавляемый генералом В.А. Репниным, двинулся к Рейну.

Россия в Семилетней войне

К пятидесятым годам XVIII в. у России появился сильный противник в лице Пруссии. Фридрих II Великий, мудрый monarch и талантливый полководец, стоял во главе мощной 150-тысячной армии, одержавшей ряд серьезных побед в Силезских войнах с Австрией.

Пруссия, завоевавшая богатые Силезские земли (территория нынешней Чехии), не знала бюджетного дефицита. Фридрих II готовился к войне: склады ломились от продовольствия, обmunдирования и оружия.

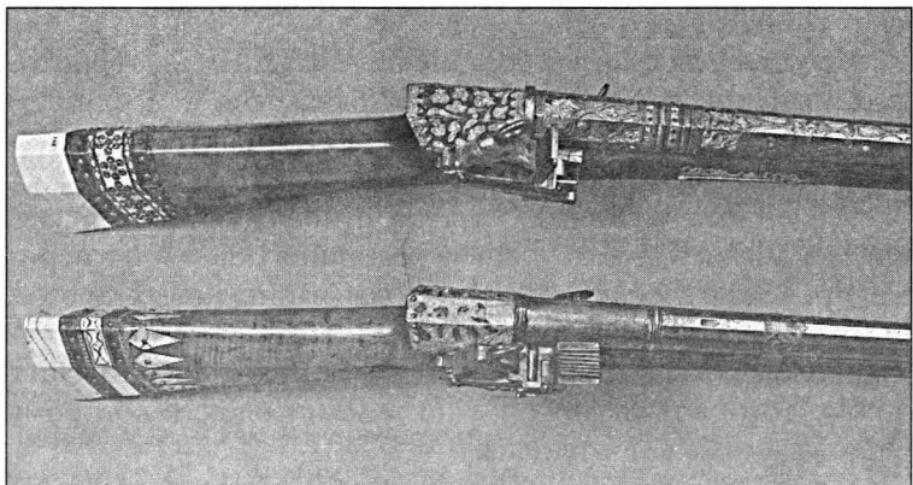
Усиление Пруссии и обострение отношений между Францией и Англией (в ходе войн за колонии в Северной Америке) привело к распаду старых и образованию новых союзов. В этих условиях сформировался франко-австрийско-русский блок, куда входили также Испания, Саксония и Швеция. Кроме того, возник прусско-английский блок, к которому присоединилась Португалия.

Узнав о переговорах между Россией и Австрией (по поводу наступательного союза против Пруссии), Фридрих II ре-

шил сыграть на опережение и 18 августа 1756 г. напал на Саксонию. «Нет другого спасения, как предупредить врага; если мое нападение будет удачно, то этот страшный заговор исчезнет как дым; как скоро главная участница (Австрия. — Ред.) так будет снесена, что не будет в состоянии вести войну в будущем году, то вся тяжесть падет на союзников, которые, конечно, не согласятся нести ее» [15] — так прусский monarch объяснил свои намерения. 1 сентября 1756 г. в войну вступила Россия. Эта война получила в истории название Семилетней.

Вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин недооценивал военную мощь Пруссии. Бестужевские «диверсии» (то есть кратковременные локальные военные операции в Европе) дезорганизовали русскую армию: в них принимали непосредственное участие лишь около шестой части солдат (40—50 тыс. человек из 300-тысячной армии). Около двадцати лет (со времени последней войны с Турцией) у русской армии не было опыта серьезных боевых действий. Большая часть армии была расквартирована в Центральной России; как уже говорилось, офицеры использовали право долгосрочных отпусков и жили в своих поместьях.

Комиссия Военной коллегии выяснила, что в 1755 г. полки были недоукомплектованы (не хватало по меньшей мере десятой части личного состава). Армия нуждалась в амуниции и продовольствии, в оружии и, самое главное, в толковых офицерах. В 1756 г. российская армия осталась «без головы»:

Ружья с кремниевыми замками (первая половина XVIII в.)

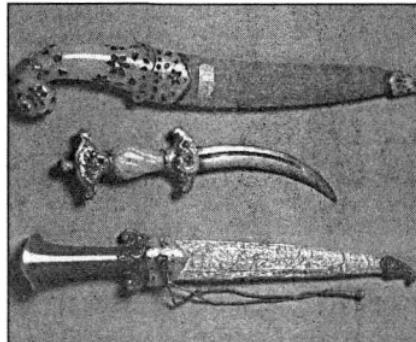
способных полководцев не было как среди иностранцев, так и среди отечественных фельдмаршалов.

К началу войны не были разработаны планы совместных боевых операций ни с австрийскими войсками (по договору, заключенному в январе 1757 г., России отводилась лишь подчиненная Австрии роль), ни с французской армией. Отношения России с Речью Посполитой и Курляндией были не прочными, что также давало Пруссии перевес в силе. В штабе русской армии (он обосновался в Риге) не было даже подробной карты предполагаемых районов боевых действий. Россия вступила в войну, к которой не была готова.

«Инструкция» по ведению войны, составленная вице-канцлером Бестужевым-Рюминым и подписанная императрицей Елизаветой, обрекала русскую армию на бездействие. Из-за удручающего состояния армии, отсутствия артиллерии и припасов зимний поход на Пруссию был отложен.

В середине ноября 1756 г. главнокомандующий русской армией фельдмаршал С.Ф. Апраксин писал И.И. Шувалову, управлявшему внешними делами: «От сего времени и столь рановременного и неудобного похода небезуповательно, что и дезертиров будет много, и болезни умножиться могут <...> прошу ваше превосходительство при случае е. и. в. внушиТЬ, чтобы со столь рановременным и по суровости времени и стуже более вредительным, нежели полезным, походом не спешить» [15].

Поход начался поздней весной 1757 г. В это время был православный пост, поэтому солдаты не получали мяса. Многие начали болеть, в результате армия потеряла еще около пятой части личного состава. Главнокомандующий С.Ф. Апраксин замедлял продвижение войск, постоянно советуясь со столицей и требуя подробных инструкций. «Медлительство вашего марша... начинает здесь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительные разсуждения производить, кои даже до того простираются, что награжде-

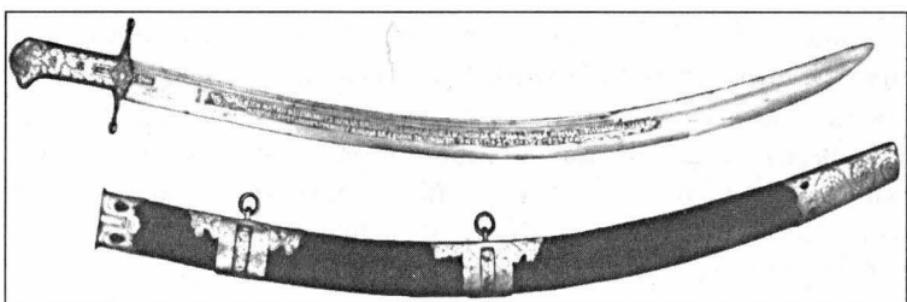
Кинжалы
(первая половина XVIII в.)

ние обещают, кто бы российскую пропавшую армию нашел» [15], — писал вице-канцлер Бестужев-Рюмин С.Ф. Апраксину.

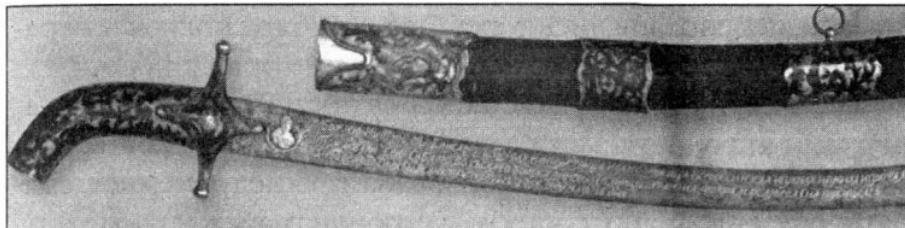
Нерешительность главнокомандующего русской армией была вызвана двумя причинами. Во-первых, С.Ф. Апраксин ожидал перемен в прусско-австрийских военных действиях и не предпринимал, согласно договору с Австрией, активных мер. Во-вторых, императрица Елизавета серьезно заболела, в связи с чем в стране могла смениться власть. Не исключено, что в этом случае международные обязательства России были бы пересмотрены: наследник престола великий князь Петр Федорович открыто поддерживал Пруссию.

Первым серьезным испытанием для российской армии было столкновение с прусской армией под командованием фельдмаршала Г. Левальда у деревни Гросс-Егерсдорф. Русские выстояли во время атаки прусской кавалерии и сдерживали пехоту противника до подхода свежих сил. Благодаря решительным действиям генерала В.А. Лопухина и генерала П.А. Румянцева русская армия одержала победу в этом сражении, хотя и ценой больших потерь. В бою погиб и командующий левым флангом генерал-аншеф В.А. Лопухин, племянник Евдокии Лопухиной, первой супруги Петра Великого.

Дальнейшие действия С.Ф. Апраксина подверглись критике современников и военных историков: главнокомандующий не отдал приказа преследовать беспорядочно отступавшие войска противника. Русская армия медленно продвигалась далее, обходя Кенигсберг с юго-запада. В конце августа 1757 г. было принято решение не брать Кенигсберг, и русские войска в боевом порядке отступили к Тильзиту. С конца сентября отступление армии превратилось в беспорядочное бегство. С.Ф. Апраксин объяснял свой «странный и предосудительный

Офицерская сабля елизаветинских времен

*Сабля офицера Ф.М. Персидского,
пожалованная ему императрицей Елизаветой*

поступок» (М.И. Воронцов) желанием сохранить армию, страдавшую от недостатка продовольствия и болезней.

Этих доводов оказалось недостаточно: С.Ф. Апраксин был обвинен в неумении руководить армией и смещен с поста главнокомандующего. В конце 1757 г. он прибыл в Россию, где был арестован и отдан под суд. Через некоторое время Апраксин внезапно скончался. О смерти фельдмаршала существует предание, изложенное в «Опыте исторического родословия Апраксина» К.М. Бороздина. Согласно преданию, императрица Елизавета решила применить к опальному главнокомандующему «последнее средство» — прекратить следствие и оправдать С.Ф. Апраксина как невиновного. Но, услышав слова следователя: «Итак, остается нам теперь употребить последнее средство...», генерал-фельдмаршал, кавалер ордена Андрея Первозванного, С.Ф. Апраксин скончался от апоплексического удара (инсульта).

Командование русской армией было передано англичанину на русской службе, генерал-аншефу В.В. Фермору, который в эпоху Петра Великого участвовал в войнах с Турцией и Швецией. Фридрих II, не ожидавший со стороны русских решительных действий до весны 1758 г., с ноября 1757 г. отвлекся на союзников России. 5 ноября 1757 г. он разгромил французскую армию при Розбахе и вытеснил из Силезии австрийцев, одержав победу при Лейтене (сражение состоялось 22 ноября 1757 г.).

Благодаря этому В.В. Фермор за первые десять дней января 1758 г. без боя захватил Кенигсберг. Дальнейшее продвижение русских войск происходило столь же успешно. Летом 1758 г. Фермор двинулся на Берлин (столицу Бранденбурга и всей Пруссии), практически не встречая сопротивления. Осада русскими войсками Кюстриня обеспокоила Фридри-

ха, и он, переправившись через Одер (в обход полков генерала П.А. Румянцева), дал Фермору сражение при Цорндорфе.

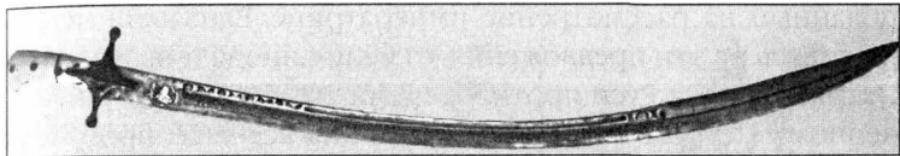
Русские grenадеры, даже не успев построиться в каре, выдержали атаку прусских гусар. Однако часть русской армии (левый фланг) была дезорганизована: преследуя немцев, солдаты увлеклись мародерством (устроили грабеж на поле битвы). Главнокомандующий В.В. Фермор не контролировал общий ход сражения.

В этих условиях русские потерпели поражение: была убита почти половина личного состава, противник захватил 85 пушек и 11 знамен. Однако и прусская армия понесла значительные потери, что не позволило Фридриху II преследовать отступающие русские войска.

В результате боев под Цорндорфом Россия взяла 10 знамен противника; русские солдаты на руках (не было лошадей) унесли с поля 26 прусских пушек. Битва при Цорндорфе была благосклонно воспринята императрицей Елизаветой, несмотря на потери и утрату стратегической инициативы.

К 1759 г., участвуя в локальных стычках и серьезных сражениях с прусскими войсками, русская армия приобрела боевой опыт и необходимую маневренность. Наладилась система снабжения войск оружием и припасами. Усовершенствованные Петром Шуваловым конструкции русских пушек («секретная гаубица» с расширяющимся стволом и «единорог», рассчитанный на любые виды зарядов) усилили русскую артиллерию. Изменилась тактическая задача артиллерии: благодаря большой подвижности артиллерийские полки прикрытия могли не только подстраховывать действия пехоты и кавалерии, но и помогать солдатам и конникам, заменяя убитых и раненых.

На посту главнокомандующего В.В. Фермора сменил генерал-аншеф П.С. Салтыков, под командованием которого русская армия одержала победу при Пальциге летом 1759 г., потеряв убитыми и ранеными меньше, чем противник (впервые за всю войну). Эта победа расчистила русским войскам путь к союзнической армии генерала Лаудона. 1 августа 1759 г. объединенные русско-австрийские силы разгромили прусскую армию при Кунерсдорфе, но ценой больших потерь

Офицерская сабля (середина XVIII в.)

в русской армии: из 40-тысячного личного состава погибло 13 тыс. человек. Главнокомандующий П.С Салтыков сказал по этому поводу: «Ежели мне еще такое же сражение выиграть, то принуждено мне будет одному с посошком в руках несть известие о том в Петербург» [15].

Фридрих II бежал, бросив армию. В письме к своему министру Финкенштейну он писал: «Моя одежда продырявлена пулями, два коня подо мной были убиты, и то, что я остался жить, — это мое несчастье. Наши потери очень значительны. Из армии в 48 тыс. человек в настоящий момент, когда я пишу [эти строки], у меня не осталось и 3 тыс. Все бегут, и я больше не господин своего положения» [15].

Но война продолжалась. Успехи русских войск вызывали недовольство даже среди союзников, а на конференции в Сенате при Елизавете сенаторы потребовали от П.С. Салтыкова развития активных действий и быстрейшего завершения войны. Несогласованные действия союзных армий не позволяли покончить с военной мощью Фридриха одним ударом. Война для России закончилась лишь в 1762 г., уже после смерти императрицы Елизаветы: ее преемник Петр III заключил договор о «вечном мире» с Пруссией, к тому времени фактически разоренной и разгромленной. Все, что было завоевано было отдано Фридриху II. Взамен Россия ничего не получила.

Православная Церковь в годы царствования Елизаветы I

Правление Елизаветы началось для Русской Православной Церкви успешно. Многие иерархи надеялись, что в России вновь появится патриарх (как в допетровские времена), а Синод будет упразднен. Группа членов Синода во главе с митрополитом Ростовским Арсением Мацеевичем и Амвросием Юникеевичем разработала соответствующий проект,

поданный на рассмотрение императрице. Елизавета не согласилась на эти предложения: отмена Синода и назначение Патриарха всея Руси противоречили светскому курсу, намеченному Петром Великим. Однако она все-таки произвела некоторые изменения в пользу Церкви. В 1744 г. императорским указом была упразднена Коллегия экономии, ведавшая церковными и монастырскими владениями, а право распоряжаться ими было возвращено Синоду.

Таким образом, с воцарением Елизаветы значительно укрепились позиции Русской Православной Церкви и Святейшего Правительствующего Синода. Раскольники, а также иноверцы из числа иностранцев воспринимались в эти годы как «чужестранцы-пришельцы... правоверия ругатели, благочестия... растлители...» [15]

Нижегородский архиерей Д. Сеченов и новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич открыто проповедовали негативное отношение к иноземцам («немцам») как к посланцам сатаны, губителям православной веры. Это обостряло и без того уже достаточно сложные отношения между людьми разной веры.

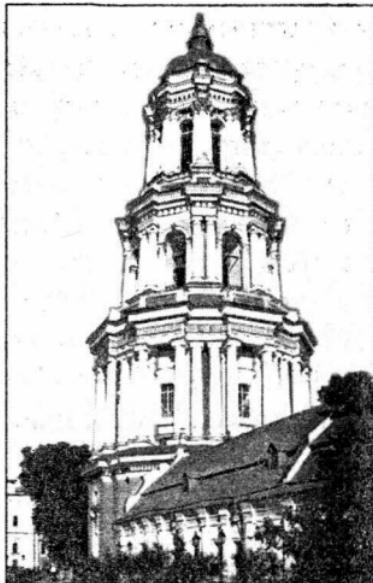
Сама Елизавета Петровна не отличалась веротерпимостью, о чем свидетельствуют ее первые указы: в июле 1743 г., несмотря на протесты вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, были удовлетворены просьбы Правительствующего Синода о введении жестокой цензуры на ввозимые из-за границы книги духовного содержания. В связи с этим в России были запрещены «Беседы о множестве миров» Б. де Фонтенеля, популяризировавшие учение Н. Коперника. Во всех российских школах с 1743 г. было введено обязательное преподавание Закона Божьего. В августе того же года вышел указ о запрещении и уничтожении мусульманских мечетей в Мордовии, за ним последовали указы о сносе армянских церквей, об изгнании евреев из России и об усилении борьбы с квакерами (членами религиозной христианской общины, основанной в середине XVII в. в Англии). Государство стало активнее бороться с церковным расколом на Урале и в Сибири.

Несмотря на эти меры, Тайная канцелярия обнаруживала новые секты, отделившиеся от официальной Церкви. В 1745 г.

в стране возникли многочисленные хлыстовские общины; в 1750 г. появилась секта духоборов (или духоборцев). Во второй половине столетия от хлыстов отделились скопцы; образовалась секта молокан. Члены этих сект называли себя «духовными христианами». Они верили в возможность воплощения святого духа в любом человеке, отвергали институт церкви и православные обряды.

Большим влиянием на Елизавету обладал ее духовник протоиерей Ф.Я. Дубянский. «Послушная дочь... отца Дубянского» [15], Елизавета была религиозной на свой лад и очень суеверной. Императрица верила в сглаз и порчу; боялась покойников, привидений, ада и загробной жизни. Поэтому при жизни она «зарабатывала» себе место в раю — уступками Синоду, хождением на богомолье, строительством Смольного монастыря. Сохранились сведения о ее паломничестве в Тихвин, к Тихвинской богоматери, и в Киево-Печерскую лавру.

Эти паломничества совершались своеобразно: путь в Киево-Печерскую лавру проходил через владения фаворита императрицы Алексея Разумовского, здесь под кортеж императрицы были выставлены 23 тыс. лошадей. Екатерина Алексеевна (в то время великая княгиня) вспоминала об этом путешествии, состоявшемся летом 1744 г.: «Императрица тратила много времени на остановки, а также шла пешком и ездила очень часто на охоту...» [15] О паломничестве в Троицкий монастырь Екатерина пишет: «Императрица поехала на богомолье в Троицкий монастырь. Ея Императорское Величество хотела пройти эти пятьдесят верст пешком и для этого отправилась в свой дом, в Покровское; нам тоже велели направить путь к Троице... Императрица делала пешком три-четыре версты, потом отдыхала несколько дней. Это путешествие продолжалось все лето» [10].

Колокольня Киево-
Печерской Лавры
(современная фотография)

Милосердие к преступникам

Как уже говорилось, после утверждения на троне Елизавета дала обет не применять в продолжение своего царствования смертную казнь. Правда, указ об этом был издан Сенатом только в 1753 г. Смертная казнь заменялась наказанием кнутом, «урезанием» языков, вырыванием ноздрей и ссылкой. В 1757 г. Елизавета I отменила пытки и тяжкие телесные наказания для женщин — было запрещено клеймить преступниц и рвать им ноздри. Однако эти меры почти не касались политических преступников, которых много появилось в XVIII столетии. «Галантный век», по справедливому замечанию многих историков, может с полным правом именоваться «веком интриг» — настолько он был насыщен случаями ожесточенной, бескомпромиссной борьбы между разными партиями за влияние на правящую особу.

В годы правления Елизаветы состоялись два громких процесса. В 1743 г. расследовалось «дело Лопухиных», намеревавшихся вновь возвести на трон малолетнего Ивана Антоновича и вернуть его мать-регентшу. Семейство Лопухиных при Анне Леопольдовне занимало видное место при дворе, однако отец и сын Лопухины — Степан и Иван — быстро лишились своего положения с приходом к власти Елизаветы Пет-

Смольный собор в Санкт-Петербурге (современная фотография)

ровны. Новая императрица не жаловала это семейство, а больше всего не любила супругу Степана Лопухина — Наталью, которая непозволительно роскошно наряжалась на балы (известно, что как-то в приступе зависти Елизавета на балу публично срезала с платья Натальи изящные рюши).

Однажды в кабаке Иван Лопухин, будучи нетрезвым, стал сокрушаться о прежних временах и пожелал, чтобы Анна Леопольдовна снова оказалась у власти. «Друзья» поспешили донести на Ивана за крамольные мысли, так что вскоре, 21 июня, он оказался в застенках Тайной канцелярии. Чиновники, желавшие выслужиться перед Елизаветой Петровной, сfabrikovали дело, в котором все семейство объявлялось заговорщиками, связанными с враждебными России государствами. Под пытками Иван признал все пункты обвинения. Участниками заговора была также названа графиня А. Бестужева и некоторые другие противники Елизаветы.

Всех главных участников приговорили к смертной казни, но затем, как полагалось, помиловали, заменив колесование менее суровым наказанием — битьем кнутом, отрыванием языка и ссылкой в Сибирь. (Бестужева отделалась еще легче: на эшафоте она сунула в руку палачу дорогой нательный крестик, за что он не вырвал ей язык, а только поцарапал его kleщами, чтобы публика увидела кровь.)

В 1757—1758 гг. рассматривалось дело в отношении канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, разработавшего план наследования российского трона великим князем Павлом Петровичем под регентством Екатерины. Эти события произошли уже спустя много лет после женитьбы племянника императрицы Петра III на Екатерине Алексеевне (в 1745 г.). Граф Бестужев не планировал покушения на жизнь Елизаветы: государыня была слаба здоровьем, у нее нередко случались по три обморока («головокружения») в день, так что подданные ждали ее кончины в любой момент.

Бестужева не устраивали политические устремления Петра III, поэтому видеть его монархом граф не желал. Вдобавок канцлер намеревался взять в свои руки управление страной. По замыслу Бестужева сразу после ожидаемой скоропостижной кончины Елизаветы I он и его сторонники (В.Е. Ададуров, И.П. Елагин и другие) отстраняют законного наследника Петра Федоровича от власти и затем убивают. Правителем объяв-

ляется младенец Павел Петрович — сын Петра III. Екатерина Алексеевна как мать императора Павла формально выполняла бы роль регентши, но фактически передала бы все властные полномочия Бестужеву, поскольку претендовать на главную роль в государстве не могла (по происхождению она была всего лишь немецкой принцессой).

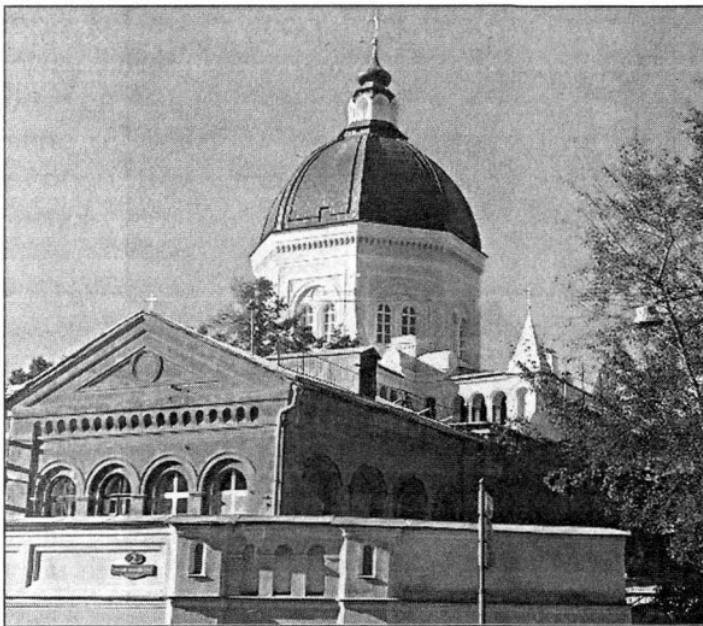
Во время очередного приступа у императрицы осмелевшие заговорщики себя чем-то выдали, после чего и были арестованы. Когда Елизавете Петровне стало лучше, она лично возглавила расследование этого дела. Однако Бестужев уничтожил все уличающие его письма, оставив следствие без улик. Все же канцлера приговорили к смертной казни, а затем заменили приговор на лишение всех чинов и званий со ссылкой в деревню Можайская. Там графом была написана компилятивного характера книга «Стихи, избранные из Священного Писания, служащие к утешению всякого христианина, невинно претерпевающего злоключения». Позднее, в 1763 г., «невинно претерпевающего злоключения» Бестужева вернула из ссылки Екатерина II.

Люди Елизаветинской эпохи

Политика Елизаветы I, направленная на укрепление привилегий дворянства, породила жестокость в обращении с крестьянами. В пример можно привести судьбу Дарьи Салтыковой, прозванной в народе Салтычихой. Оставшись в 25 лет вдовой и единоличной владелицей всех имений супруга (включая дом в Москве), Дарья Салтыкова на протяжении пяти лет зверски издевалась над своими крестьянами.

До суда и заключения в монастырскую тюрьму помещица замучила, вероятно, 138 человек крепостных, среди которых в основном были женщины и девушки. Характерно, что Салтычиха не делала из этого тайны: о ее самодурстве знали окружающие; расправы над крестьянами происходили не в российской глубинке, а в Подмосковье (в Подольском уезде) и в самой Москве, на Кузнецкой улице.

На следствии свидетели рассказывали о том, что Салтыкова лично участвовала в истязаниях крестьян, а также заставляла слуг мучать их. Юстиц-коллегия подвела итог: «Некото-

Ивановский монастырь (современная фотография)

рые из этих женщин забиты до смерти конюхами или другими людьми Салтыковой, наказывавшими их непомерно жестоко по приказанию госпожи, но большую частью убивала она сама, наказывая поленьями, вальком, скалкой и пр. ...Наказаниям подвергались женщины преимущественно за неисправное мытье полов и белья» [15].

Дворовые пытались найти управу на свою помещицу, но с 1746 г. крестьянам было официально запрещено подавать жалобы на своих господ. К тому же многие чиновники (в том числе начальник Московской полицмейстерской канцелярии Молчанов и прокурор Сыскного приказа Хвошинский) были подкуплены Салтыковой. Жалобщиков возвращали помещице, и она, жестоко наказывая их, говорила: «...вы мне ничего не сделаете! Сколько вам ни доносить, мне они все ничего не сделают и меня на вас не променяют» [15]. Протесты крестьян: жалобы, побеги из поместий, сопротивление — были тщетными.

При Елизавете I помещица Д.Н. Салтыкова зверствовала безнаказанно: следствие по ее делу было начато Сенатом и Юстиц-коллегией только в начале 1760-х гг. Салтыкова не созналась ни в одном из своих преступлений, несмотря на массовые показания крестьян соседних сел и ее собственных

Церковь Ксении Петербургской

крепостных. Лишь при Екатерине II жестокая помещица была лишена дворянского звания; назначенная ей смертная казнь на эшафоте была заменена пожизненным тюремным заключением — сначала в подземелье Ивановского монастыря в Москве, затем в пристройке у стен монастыря. Характерно, что и в монастыре, стены которого будто бы располагают к покаянию, Салтычиха до своих последних дней ни о чем не жалела.

Жестокость к крестьянам проявлялась в России елизаветинского времени повсеместно. Об этом свидетельствовали многочисленные побеги крепостных и вооруженные выступления крестьян против помещиков. Беглые крепостные собирались в отряды и мстили бывшим господам. Показателен в этом отношении пример братьев Роговых. Семен и Никифор Роговы бежали из поместья прокурора Пензенского уезда Дубинского. Их несколько раз ловили и ссыпали: Семена — на поселение в Оренбург, Никифора — в Нерчинск. Семен бежал из ссылки неоднократно и писал помещику Дубинскому: «...хотя... меня десять раз в Оренбург посыпать будут... я приду и соберу компанию и помещика... изрежу на части» [15].

Иногда крестьяне восставали целыми вотчинами, уездами. Взбунтовавшись, они не платили податей и не исполняли повинностей. Иногда такое сопротивление длилось годами. Крестьяне отирали имущество помещиков и делили его между собой. В особенности это касалось зерна: крепостные считали, что хлеб с барских полей принадлежит им по праву.

Начиная с 40-х гг. XVIII в. крестьянские волнения приобрели массовый характер. Для усмирения бунтовщиков привлекались не только сыщики, но и воинские соединения (особенно драгуны, имевшие в карательных операциях против крестьян широкие полномочия).

Однако наряду с жестокостью Елизаветинская эпоха явила миру и примеры высокого альтруизма, безграничной самоотверженности. Такова была судьба Ксении Петербуржской. По преданию, супругом Ксении был полковник, певчий придворной императорской капеллы Андрей Федорович Петров. В 1757 г., оставшись молодой вдовой, Ксения Григорьевна оставила дом, раздала вещи беднякам и, приняв имя супруга и надев его полковничий сюртук, ушла из дома побираться. В том же году, 29 января, вышел указ о запрете нищенства: нищих и юродивых отправляли в солдаты, а негодных к солдатской службе ссылали на каторгу. Ксения Григорьевна не могла не знать об этом. Челядь и соседи думали, что она сошла с ума от горя.

Ксения бродила по Петербургу, ночевала где придется: то на паперти церкви Святого Матфея, то за городом, среди полей. Со временем люди стали замечать: нищенка и сумасшедшая Ксения приносила счастье в семью, удачу в торговле и в других делах. Жители Петербурга приходили к ней со своими бедами, просили благословить на хорошую жизнь. Некоторые считали ее пророчицей: по преданию, блаженная Ксения даже предсказала смерть императрицы Елизаветы.

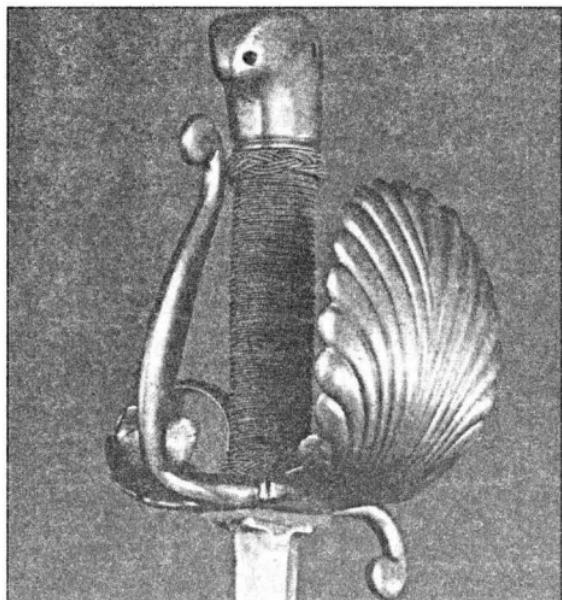
Одно присутствие Ксении вселяло в людей бодрость духа и уверенность в своих силах. Так произошло и при строительстве церкви на Смоленском кладбище: тяжелые бревна, камни словно сами поднимались вверх по лесам. На Смоленском кладбище Ксения и была похоронена (она умерла в 1802 г. в возрасте 61 года). Могила Ксении стала святыней для жите-

лей Санкт-Петербурга, так что в 1902 г. здесь была построена часовня. В 1988 г. Ксения была причислена Церковью к лику святых.

Петр III, наследник трона

Императрица Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 г. Согласно давнему распоряжению императрицы российский трон переходил к ее племяннику Петру Федоровичу, или Карлу-Петеру-Ульриху. Голштейнский (голштинский) принц Карл-Петер-Ульрих родился 10 февраля 1728 г. в северонемецком портовом городе Киле в семье герцога Карла Фридриха V Шлезвиг-Голштейн-Готторпского и его супруги цесаревны Анны Петровны Романовой, дочери Петра Великого. Первое имя — Карл — младенец получил в честь своего двоюродного деда, шведского короля Карла XII.

Ребенок таким образом имел право претендовать на три короны — шлезвигскую (как наследник Шлезвиг-Готторпа), шведскую и российскую. Изначально мальчика намеревались растить как наследника русского престола, но правившая тогда в России Анна Иоанновна стремилась сделать все, чтобы

Эфес шпаги Карла XII

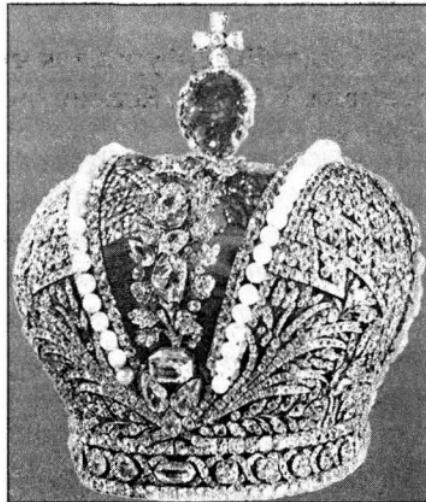
Петр не пришел к власти в ее стране. Поэтому мальчика стали готовить к тому, чтобы он стал правителем Швеции.

Принц рано потерял родителей, регентом в Шлезвиге стал его дядя Адольф Фридрих, будущий король Швеции. Дядя поручил воспитание мальчика О. Брюммеру, шведу по происхождению, человеку злобному и глуповатому, который часто издевался над воспитанником. Будущего императора оставляли без еды, ставили голыми коленями на горох, иногда его секли кнутом. Петр III рано пристрастился к вину и не проявлял особой склонности к наукам: к тринадцати годам он едва владел французским языком. Позднее, уже в Петербурге, он запретил помещать в свою библиотеку латинские книги. Любимыми увлечениями наследника трона были военные упражнения и музыка. Но даже военное дело, к которому цесаревич испытывал большой интерес, осталось для него предметом забавы.

Вплоть до 1742 г. наследник российского трона проживал в родном Киле. 15 ноября (по старому стилю) 1742 г. бездетная императрица Елизавета, чтобы упрочить свои позиции у власти и заодно сохранить престолонаследование по линии Петра Великого, объявила Карла-Петера-Ульриха своим наследником, крестив его под православным именем Петра Федоровича (Петра III). Шведы не возражали против лишения их наследника короны, так как Россия откупилась 400 тыс. рублей золотом (вдобавок шведский трон был занят тогда Фридрихом I).

Биографы Елизаветы Петровны утверждали, что императрица любила племянника как родного сына, поэтому оставила его жить в своем дворце, ухаживала за ним во время частых болезней и приказала заниматься его образованием лучшим учителям того времени.

Воспитание юного наследника, выросшего в Германии, началось с обучения православию и русскому языку, который

Большая императорская корона (середина XVIII в.)

Петру III преподавал Исаак Веселовский. Основам православной религии обучал вернувшийся из Европы иеромонах Симон Тодоровский. Однако будущий император не проявил прилежания в освоении новой для него религии: уроки превращались в нескончаемые дискуссии по поводу каждого догмата православной веры. Хотя Петра III окрестили в православную веру, он не исполнял всех предписанных православием ритуалов и, возможно, в душе оставался лютеранином. Кроме того, он так и не научился говорить по-русски.

Другие науки Петру III преподавал академик Я. Штелин. Он отмечал у великого князя Петра Федоровича слабое здоровье, лень, хвастовство, жестокость к животным. Наследник трона не проявлял желания учиться, поэтому занятия приходилось организовывать в виде игры: древнюю историю Петр III изучал по старинным монетам, новую — по медалям Петра I. Академик приносил из Кунсткамеры забавные экспонаты, чтобы втолковать ученику сведения по географии, математике и биологии.

Часы «Павлин» (XVIII в.)

Основы инженерного дела изучались по механическим куклам, во время прогулок по столице Штелин преподавал будущему императору административное и хозяйственное право. Великий князь любил наблюдать за механическими куклами. В то время механики научились конструировать заводные картины. Популярным был сюжет «Праздник в деревне»: играла музыка, из домика выходили люди и танцевали, распахивались окна других домов, птицы перелетали с ветки на ветку. Наследник трона часами следил за этой размеренной, упорядоченной жизнью под стеклянным колпаком — она представлялась ему верхом совершенства.

Возможно, реальную жизнь он хотел бы видеть такой же выверенной, механистичной. (К сожалению, императрица часто мешала учебе племянника, забирая его с собой на разные увеселения.)

В 1744 г. Елизавета I решила женить великого князя Петра Федоровича и выбрала ему в невесты принцессу Софью Августу Фредерику Ангалт-Цербстскую (она приходилась Петру троюродной сестрой по линии отца). Выбор, разумеется, всецело определялся политическими мотивами. Против Софии выступал граф Бестужев, за которым стояли саксонцы, желавшие втянуть Россию в военный союз против Пруссии.

Поддерживал кандидатуру Софии голштинец Брюммер и некоторые другие придворные, за которыми стоял Фридрих II, мечтавший об окончании войны с Россией. Прусский император опасался делать ставку на Петра Федоровича (и, как показало время, не ошибся), поскольку Петр был наследником шведского трона и мог действовать в интересах Швеции, которые далеко не всегда совпадали с интересами Пруссии, а нередко и шли вразрез с ними. Для большей надежности Фридрих Ве-

Л. Ревон.
Императрица Екатерина II

ликий хотел, чтобы супруга будущего русского императора была бы его ставленницей, т.е. проводником прусского влияния в России.

В том же 1744 г. году принцесса Софья прибыла в Россию и приняла вместе с православием имя Екатерины Алексеевны. В 1745 г. состоялась свадьба Петра и Екатерины. Супруга великого князя была умна и в свои шестнадцать лет хорошо ориентировалась в атмосфере придворных интриг. С самого начала это был брак политических соперников, что, возможно, и послужило причиной холодности в семейных отношениях наследной четы: существует версия, что Петр и Екатерина не вступали в супружеские отношения вплоть до 1750-х гг.

Некоторые историки полагают, что начиная с 1752 г. отношения в монаршой семье стали еще более холодными. В этот год Петр влюбился в ветреную красотку княгиню Елену Куракину (она была также любовницей Петра Шувалова и Григория Орлова). По свидетельству современников, великий князь сохранял к ней теплые чувства и после того, как в его жизни появились новые пассии.

Осенью 1754 г. Екатерина родила от супруга сына Павла, хотя факт отцовства Петра оспаривался современниками: не исключено, что отцом ребенка мог быть камергер великого князя Сергей Салтыков. Петр был открыто увлечен Елизаветой Воронцовой. Очередным фаворитом его супруги стал адъютант графа П.И.Шувалова Григорий Григорьевич Орлов. Посещая великого князя с донесениями от Шувалова, Орлов познакомился с Екатериной Алексеевной, и молодые люди стали близкими друзьями.

Ф.С. Рокотов. Портрет А.Г. Бобринского в детстве

В высшем свете ходили слухи, будто бы в 1762 г. Екатерина родила от Орлова сына — Алексея Григорьевича, графа Бобринского. Чтобы никто не догадывался о беременности, императрице приходилось скрывать живот под пышными юбками (фижмами). Гораздо труднее было скрыть ро-

ды, но на сей раз, если верить запискам современников, Екатерину выручил ее камердинер Василий Шкурин.

В тот день, когда у императрицы начались схватки, Шкурин поджег свой дом и сделал все, чтобы о пожаре стало как можно быстрее известно императору. Петр III обожал смотреть пожары и пока еще не пропустил ни одного в Петербурге. Как и следовало ожидать, Петр Федорович велел снарядить карету и поехал к дому Шкурина посмотреть на разбушевавшееся пламя. За время отсутствия императора Екатерина Алексеевна благополучно родила сына, которого слуги передали на попечение добрым людям. После смерти государыни в 1796 г. Бобринский был пожалован графским титулом от императора Павла I, который в ноябре того же года официально в Сенате объявил дворянина сводным братом.

Поведение, склад ума и характер Петра побудили императрицу Елизавету засомневаться в разумности своего решения: в последние месяцы перед смертью она обдумывала возможность передачи российского трона другим преемникам. Существовало два варианта: согласно первому из них, трон мог быть отдан малолетнему сыну Петра и Екатерины — Павлу Петровичу. Предполагалось, что регентшей при юном императоре до его совершеннолетия будет Екатерина. Этого мнения придерживались многие царедворцы: граф Н.И. Панин (воспитатель Павла), граф И.И. Шувалов и другие. Другой вариант предусматривал, что Елизавету сменит на российском троне сама Екатерина. Однако Елизавета скончалась, не успев изменить решения.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА III

Правление Петра III было очень коротким. Несмотря на то что, придя к власти, новый император предпринял ряд популярных мер, его личность вызвала резкое неприятие в российском обществе. По сути дела, вина этого человека состояла только в его происхождении: внук двух великих монархов, возглавлявших враждующие государства, стал заложником династических традиций.

Нововведения в законодательстве

Петр III оказался на российском троне, будучи неподготовленным к управлению огромной страной: при Елизавете Петровне он занимал лишь должность директора Шляхетского корпуса. По замечанию П.И. Ковалевского, в случае с Петром III «маленькому человеку выпало исполнять должность великого человека» [10].

Правление Петра III продолжалось всего 183 дня. Новый император не имел определенной программы действий, тем не менее подписал ряд законодательных документов. Нововведения носили либеральный характер. В частности, указом Петра III была упразднена Тайная канцелярия, основанная Анной Иоанновной и занимавшаяся расследованием политических преступлений. Кроме того, Петр III запретил применять пытки при допросах. 25 июня 1762 г. был издан указ об уравнении религий: старообрядцы перестали подвергаться гонениям со стороны государства.

Петр III предпринял попытку перестроить российское законодательство и ввести в русском судопроизводстве так называемое «Фридрихово уложение» (кодекс Фридриха Великого) с целью пресечь «все злоупотребления, господствующие... в судах и расправах, по причине уже умножившихся слишком указов и перепутавшихся законов»[13]. Однако этот проект не был осуществлен, поскольку его выполнение поручили «лю-

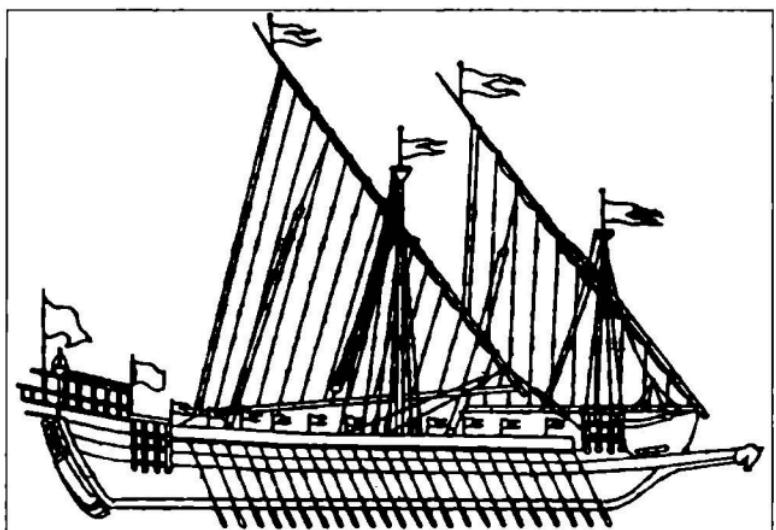
Зимний дворец (современная фотография)

дям неискусным» [13]. В экономике новый император также наметил ряд реформ, учредив Государственный банк и Коллегию экономии, независимую от Сената и Синода.

Наиболее важным документом, изданным во время недолгого правления Петра III, стал «Манифест о вольности дворянской» от 18 февраля 1762 г. Представители привилегированного сословия освобождались от обязательного участия «в разных службах». Манифест позволял служившим дворянам уйти в отставку с повышением в классе «за благородочную и беспорочную службу», когда им будет угодно, или (по своему усмотрению) продолжать службу.

Императорский манифест гарантировал дворянам беспрепятственный выезд на жительство в Европу при условии, что они вернутся в Россию, как только возникнет необходимость в их присутствии: «Кто ж, будучи уволен из нашей службы, пожелает отъехать в другие европейские государства, таким давать нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в свое отечество» [10].

Согласно изданному манифесту дворянские дети должны были с юных лет приучаться к мысли не о службе, а о служении Отечеству. Для этого по достижении отпрыском 12-летнего возраста родителям вменялось в обязанность выбрать

Галера, XVIII в.

для него дальнейшее занятие и в соответствии с этим обеспечить его обучение. Попечение о юных дворянах, чьи родители не имели возможности дать детям образование, брало на себя государство: «...повелеваем всем тем дворянам, за коими не более 1000 душ крестьян, объявлять детей своих прямо в нашем Шляхетском кадетском корпусе, где они всему тому, что к знанию благородного дворянства принадлежит, с наи-прилежнейшим рачением обучаемы будут» [10].

Император и его подданные

Привычки и образ жизни тридцатичетырехлетнего российского императора удивляли подданных. Это касалось не только его пристрастия к курению (император всюду возил с собой набор голландских глиняных трубок и запас различных сортов табака) и веселому времяпровождению с обильной выпивкой. Петр III вел себя неподобающе с точки зрения российских традиций: воспитанный в лютеранской вере, он не только сам не соблюдал православных обрядов, но и закрывал домашние церкви.

Действия Петра III против Синода и Русской Православной Церкви восстановили против него Россию: подданные упрекали императора в том, что «он вознамерился было переменить совсем религию нашу, к которой оказывал особливое презрение» [13].

Петр III подписал указ о передаче церковной земельной собственности государству, поставив Церковь в еще большую зависимость от светской власти. Особенное возмущение вызвал приказ Петра III удалить из церквей все образа, кроме изображений Христа и Богородицы, а также обрить бороды священникам и обязать православное духовенство носить протестантское платье вместо длинных ряс [13].

Во внешней политике Петра III проявлялось удивительное для правителя огромной страны равнодушие к ее интересам, а иногда и стремление действовать им во вред. Петра III с детства готовили к стокгольмскому престолу, воспитывали в нелюбви и даже в ненависти ко всему русскому. Еще в бытность наследником трона Петр позволял себе открыто высказывать критические замечания по поводу внешней политики

императрицы Елизаветы и открыто демонстрировал симпатию к противнику России в Семилетней войне, королю Фридриху II.

Окружающих возмущала «явно оказуемая к тогдашнему нашему неприятелю, королю прусскому, приверженность и безпредельное почтение и ко всему прусскому уважение, приводило всех в неописанное изумление и негодование» [13]. Как уже говорилось, в результате договора, заключенного Петром III с Пруссией, Россия лишилась завоеваний, достигнутых в Семилетней войне.

Ориентируясь на своего кумира Фридриха II, Петр III начал реорганизацию российской армии «на прусский манер», чем восстановил против себя главную опору трона – гвардейские полки. «Прусскость» военных реформ традиционно выдается за яркое доказательство антинародной политики императора. Но вполне возможно, что именно эти нововведения в регулярной армии предопределили грядущие победы русского оружия. Кстати, и А.В. Суворов свою «науку побеждать» создавал, опираясь во многом на полководческий опыт прусского императора Фридриха Великого.

Новый российский император намеревался объявить войну Дании с целью отвоевать земли герцогства Шлезвиг, которые с конца XIV в. принадлежали его предкам по отцовской

Исаакиевский собор (современная фотография)

линии — герцогам Голштинским, но на рубеже XVII—XVIII вв. оказались оккупированы датчанами.

Секретарь датского посольства в России Андреас Шумахер свидетельствовал, что Петр III «требовал не только отделения [от Дании] Шлезвига и острова Фемарн, но и полного удовлетворения младшей линии [голштинского дома]» [2] (предполагалось признание за Петром III прав на управление всем Шлезвиг-Гольштейном и одновременное управление Россией (объединение герцогского и императорского трона).

Много негативного, что до сих пор встречается в литературе о Петре III, — это плод усилий Екатерины II по корректированию русской истории. Между тем именно Екатерина продолжила многие начинания своего супруга. Это не увязывается с представлениями о ленивом и непатриотичном императоре.

Наступала эпоха «просвещенного абсолютизма», когда на первое место выдвигалась кропотливая и целеустремленная работа с так называемым общественным мнением. В этом Екатерина Алексеевна показала себя настоящей дочерью новой эпохи — времени, в которое прямолинейный и требовательный Петр III уже не вписывался.

Дворцовый переворот 1762 года

28 июня 1762 г. произошел дворцовый переворот, в результате Петр III лишился российской короны, а императрицей была провозглашена Екатерина II. Братья Григорий и Алексей Орловы, используя свой колossalный авторитет в гвардии, склонили на сторону императрицы Измайловский, Преображенский и Семеновский полки. В ночь на 29 июня гвардия присягала на верность Екатерине II, когда ее ничего не подозревавший супруг праздновал свои именины в Оранienбауме. Утром 29 июня 1762 г. Петр III был арестован собственной супругой, явившейся в Оранienbaum в сопровождении гвардейцев.

Император был вынужден подчиниться воле Екатерины II и подписать документ об отречении от власти: «В краткое время правительства моего самодержавного Российской госу-

Серебряный рубль
с изображением Петра III

дарством самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное <...> Того ради помыслив, я сам в себе беспристрастно и непринужденно, чрез сие заявляю <...> что от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюсь, не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве не владеть... Июня 29. 1762. Петр» [2].

По воспоминаниям секретаря датского посольства А. Шумахера, последние дни Петра III, «слабого и несчастливого императора» [2], были безрадостными. С ним обращались грубо, не считаясь с его положением. Свергнутого монарха лишили общества камер-лакея Маслова, ему не привозили лекарств, в которых Петр сильно нуждался: из-за стресса его мучили постоянные головные боли и несварение желудка.

О последних днях Петра III рассказывают и его письма, адресованные супруге, императрице Екатерине II. В них Петр III просил оставить ему «единственное утешение, которое есть Елизавета Романовна [Воронцова]» [2], отменить «караулы у второй комнаты» («ибо комната, где я нахожусь, до того мала, что я едва могу в ней двигаться» [2]). Он писал, что хотел бы уехать за границу, в Германию. Некоторые из его просьб было исполнить несложно: в письме к генералу В.И. Суворову Екатерина II распорядилась, чтобы Петру доставили скрипку и комнатную собаку (мопса), а также направили к нему придворного хирурга Людерса. Когда Людерс, захватив с собой скрипку и мопса, приехал в Ропшу (под Петербургом), Петр III уже скончался.

Официальная версия смерти Петра III была изложена в манифесте Екатерины II от 7 июля 1762 г. Народу объявлялось, что отрекшийся от власти император умер от приступа геморроя, обострившегося от злоупотребления алкоголем: «...бывший император Петр Третий обыкновенным и прежде часто

случавшимся ему припадком геморроидическим впал в прегестокую колику ... [и] волею Всевышнего Бога скончался» [2].

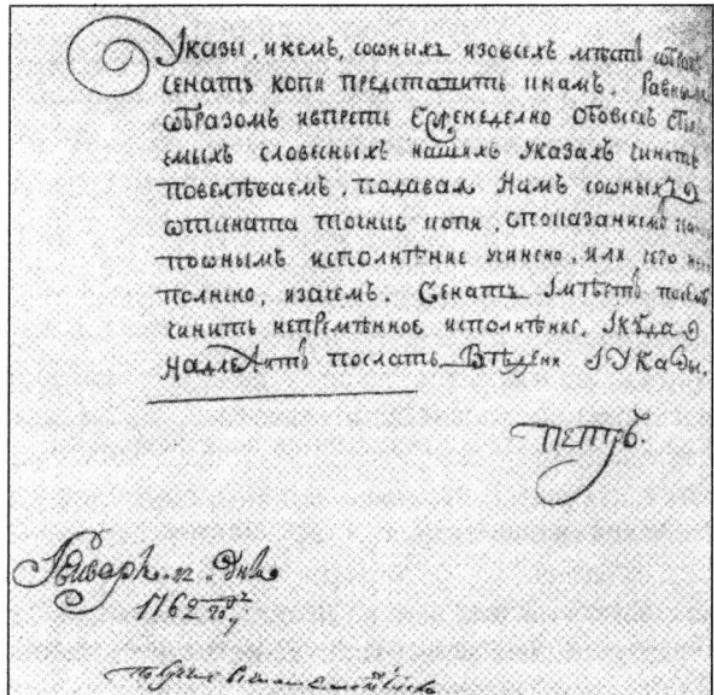
*В свое время высказывались предположения об убийстве Петра III гвардейцами, назывались даже имена. По версии А. Шумахера, это был принявший православную веру швед Швановиц, задушивший Петра III при помощи ружейного ремня.

По свидетельству Алексея Орлова, неотлучно находившегося при Петре в Ропше, бывший император умер во время ссоры с князем Федором Барятинским. Граф Орлов сообщал об этом в письме к Екатерине II: «...Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало...» [2].

Более поздняя версия событий принадлежит самой Екатерине II: «Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы <...> Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии <...> Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела вскрыть его, но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]... он умер от воспаления в кишках и апоплексического удара» [2].

Таким образом, современные историки располагают несколькими версиями смерти опального императора. Наиболее популярна официальная версия кончины от обострения геморроя, протекавшего в тяжелой форме. Существует предположение, что приступ острого геморроя мог спровоцировать инсульт. Однако ее противники называют эту версию надуманной и утверждают, что письмо Орлова было составлено задним числом, чтобы обелить овдовевшую императрицу, поскольку в естественную кончину ее супруга приближенные не поверили бы.

Вторая версия состоит в том, что Петр был убит князем Барятинским, как о том сообщается в письме Алексея Орлова. Многие исследователи не склонны безоговорочно верить этому письму, поскольку история его появления весьма таинственна. Оно якобы было обнаружено в шкатулке с личными письмами Екатерины II ее сыном Павлом Петровичем уже

Подпись-автограф императора Петра III

после смерти императрицы. Павел показал письмо графу Ф.В. Ростопчину, после чего уничтожил бумагу. Ростопчин, однако, успел сделать копию с документа: эта копия была также случайно обнаружена впоследствии (уже после смерти графа) в его личных бумагах. При жизни граф никому о копии не рассказывал. О документе было известно Е. Дашковой, но, правда, только по ее личному утверждению. Подтверждения словам княгини Дашковой обнаружить не удалось.

Согласно третьей версии, Петра III собственноручно задушил Алексей Орлов, который затем написал иносказательное письмо государыне, рассчитывая ее порадовать смертью ненавистного супруга. Эта версия (многим ученым представляющаяся наиболее убедительной) сводится к тому, что императрица, не давая прямых указаний, подбила Орлова на убийство свергнутого императора или по крайней мере одобрила это преступление. В истории немало примеров, когда верноподданные слуги того или иного правителя убивали врагов своего господина, не получая прямых приказов, но между тем прекрасно осознавая, что делают угодное ему дело.

Сторонники четвертой версии утверждают, что государыня была страшно напугана вестью о смерти супруга, поскольку полагала, что теперь народ и дворяне обвинят ее в убийстве и свергнут с престола. Более всего она опасалась Н.И. Панина, которому написала несколько писем, изобразив себя в них несчастной, совершенно подавленной женщиной. По логике этой версии императрица не была заинтересована в гибели мужа. Скорее наоборот, Петр III был нужен ей живой — в роли скромного правителя маленького Готторпского княжества. Противники такой интерпретации событий указывают, что Екатерина не могла оставить Петра III в живых, поскольку понимала — дворяне не смирятся с пребыванием на престоле иностранки, когда живы два законных представителя династии Романовых — Петр Федорович и Иван Антонович.

Петр III был похоронен в Александро-Невской лавре 10 июля (в этот день он собирался выйти в поход против Дании). Более чем скромные похороны бывшего императора великой державы описаны А. Шумахером: «Шестеро асессоров — все совершенно исключительные пьяницы — отнесли тело в церковь, где его погребли простые монастырские служки. Оно лежит без эпитафии и надгробия рядом с останками столь же несчастной регентины Анны (Анны Леопольдовны. — Ред.) под полом нижней части монастырской церкви» [2]. Впоследствии по распоряжению императора Павла I останки его отца были перенесены в Петропавловский собор, родовую усыпальницу Романовых.

Петр и самозванцы

Среди дворян Петр III оставил о себе недобрую память. Несмотря на то что об этом императоре с уважением отзывались В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и Г.Р. Державин, потомки считали Петра III тупым и неисправимым солдафоном, заслужившим ужасную смерть своими поступками.

В конце XVIII в. Н.М. Карамзин предпринял попытку восстановить репутацию Петра III. В 1797 г. он писал: «Прошло более 30 лет с той поры, как печальной памяти Петр III сошел в могилу, и обманутая Европа все это время судила об этом

государе со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников» [16].

В народе мнения об императоре, лишенном власти супругой, были различны, но спустя некоторое время после его смерти возобладало положительное отношение к нему. Свергнутого Петра III стали считать невинно пострадавшим. Распространялись слухи о незаконности «переворота», совершенного Екатериной, и об убийстве правителя. Люди, как это чаще всего бывает, вспоминали добрые дела императора и забывали о его причудах. Одним из добрых дел Петра III назывались его «гонения» на чиновников.

Обладая нетерпеливостью и гневливым характером своего деда, Петра Великого, он часто устраивал чиновникам неожиданные проверки и ругал их за нежелание помочь «бедным и неповинным».

Уже в 1764 г., как полагают некоторые исследователи, появилась легенда о добром царе Петре III, которого свергли и попытались убить жестокие дворяне. По этой легенде, царь спасся, сбежав за границу. Легенду питали строчки из опубликованного Екатериной II манифеста об отречении ее супруга — в них говорилось о планируемом отъезде императора. Легенда немало способствовала появлению в России самозванцев,

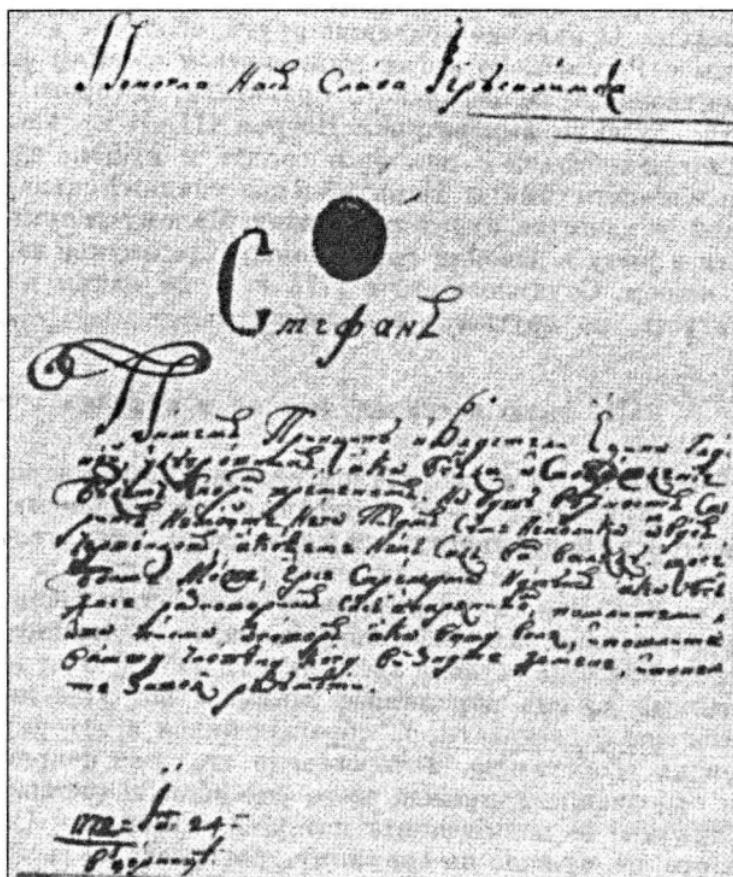

И.Ф. Гроот. Великий князь Петр Федорович
и великая княгиня Екатерина Алексеевна

которые всякий раз оказывались защитниками «бедных и не-повинных», как и бывший русский монарх.

Известен случай появления «царя Петра» на территории Черногории. В начале 1766 г. в приморской области этой страны объявился некий Степан Малый, который нанялся батраком к местному богачу Вуко Марковичу, очень уважаемому человеку. Степан оказался целителем: вскоре он вылечил своего хозяина. Люди доверяли загадочному работнику, который много говорил с ними о необходимости прекратить вражду между черногорскими общинами, чтобы сплотиться против иноземных угнетателей — турок.

Черногорцы считали Степана непростым человеком. Скотовладелец Марко Танович, служивший в 1753—1759 гг. в России, видел императора Петра Федоровича и теперь уверял всех, что Степан Малый сильно похож на русского правителя.

Подпись-автограф Степана Малого

Подобные свидетельства стали появляться и от других заслуживавших доверия людей. Вскоре в местном монастыре среди старых вещей была случайно найдена картина с портретом Петра III, который развеял последние сомнения поселян: портрет изображал того, кого они привыкли называть Степаном Малым.

В октябре 1767 г. в селе Цегличи на соборе нескольких черногорских общин народ объявил Степана российским императором Петром III. В 1768 г. Степан Малый поднял черногорцев и некоторые другие балканские народы на борьбу с турками. С 1769 г. он стал правителем Черногории, причем Россия его признала (не признавая в нем свергнутого императора Петра III). Императрица Екатерина II решила, что самозванец ей не опасен, напротив, даже помогает бороться против Османской империи. Взлет черногорского «императора» прервался в 1773 г., когда Степан Малый пал от руки наемного убийцы.

Д.Г. Левицкий. Портрет Екатерины II

Версия об оставшемся в живых Петре III во многих отношениях выглядит убедительной. Но, к сожалению, не подтверждена документами, свидетельствующими о том, что низложенный император действительно покинул Россию. Против этой версии имеется еще одно существенное возражение. Многих исследователей настораживает дата опубликования манифеста Екатерины II, в котором сообщалось об отречении императора. Документ был подписан якобы уже 6 июля, но напечатан только 13 июля.

Маловероятно, что императрица, которая стремилась удержаться на троне, медлила с опубликованием столь важного документа. Однако эта странная медлительность легко объясняется тем, что Екатерине не нужна была публикация об отречении Петра при живом супруге. Скорее всего, документ был подписан императором в день кончины, то есть фактически стал для него смертным приговором, но возможно, текст был подготовлен даже спустя несколько дней после смерти Петра III в Ропше.

КУЛЬТУРА И БЫТ К СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

На эпоху дворцовых переворотов приходится становление дворянства как привилегированного сословия, по сути дела обладавшего большей властью, чем государи (точнее — государыни), но пока еще не умевшего поддерживать баланс сил. Изменения в быте, культуре и образовании стали проявлением того, что именно дворянство играло роль главного фактора формирования духовной жизни в этот период российской истории.

Золотой век русского дворянства

Историки называют XVIII столетие «золотым веком дворянства». В XVIII в. дворянство («шляхетство») сложилось как особое сословие российского общества со своими правами и обязанностями, с особым мировоззрением, приобрело, подобно дворянству в Западной Европе, черты замкнутости, наследственности. «Шляхетство» в России зародилось при Петре Великом как «служилый» класс — люди, которые с оружием в руках служили государю и государству. Но именно на 40—60-е гг. столетия, на период правления дочери Петра — императрицы Елизаветы Петровны, приходится этап формирования дворянского самосознания.

Дворянство в России было практически бесправным, что отмечали многие европейцы. Например, французский посол в России в 1740—1742 гг. Ж. де ла Шетарди вспоминает: «Знатные только по имени, в действительности они рабы, и так свыклись с рабством, что большая часть из них не чувствует своего положения» [15].

В XVIII в. складываются понятия дворянского долга и чести, понятие личного достоинства дворянина. С этим связано и распространение в России в XVIII столетии дуэли, дворянского поединка чести — «одного из краеугольных элементов новой культуры поведения»: «с дуэльной традицией неразрывно связано и... понятие честь, без исследования которого мы не сможем понять историю возмужания, короткого подъема и тяжкого поражения русского дворянства» [17]. Массовое распространение дуэлей в России историки также связывают с годами царствования Елизаветы.

При Анне Иоанновне дворяне получили некоторые вольности: императрица заменила

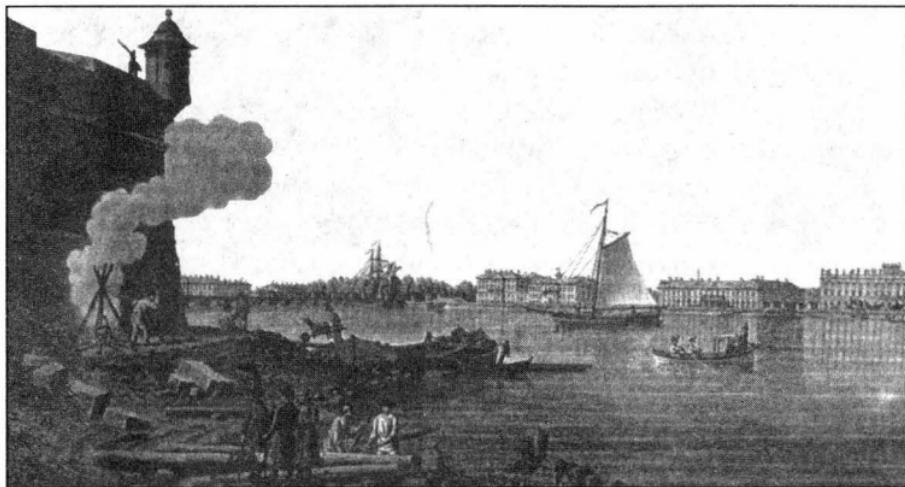

Хрустальный бокал XVIII в.

пожизненную службу 25-летним сроком, наделила их землей (в 1731 г.). Елизавета указом 1746 г. закрепила за ними монопольное право на владение крепостными, в отношении которых дворяне приобрели широкие административно-полицейские полномочия. При Петре III дворяне получили полную свободу: был принят Закон о вольности дворянства, согласно которому «служилому» сословию предоставлялось право выбора государственной службы.

Дворянство постепенно превращается в одно из главных сословий в стране, принимает на себя обязанность по управлению государством. В необходимости образования дворян убеждал (причем очень суровыми средствами) еще Петр I. При Елизавете дворянское образование становится более широким, не узкоспециальным. Дворяне изучают иностранные языки, охотно обучаются за границей. Появляется разграничение работы, службы и досуга, вместе с этим развиваются и формы проведения досуга — музицирование и пение, занятие науками, литературой: «...на вершине литературной иерархии XVIII века оказались дворяне, господа, которые ощущали себя господами. От них в век женского правления зависела судьба трона. Их боялись, с ними считались, им была дана воля» [18].

Получив освобождение от обязательной государевой службы, многие дворяне уехали в свои поместья, значительно изменив культурный облик российской провинции. Убе-

Б. Петерсен. Вид на Летний сад и Мраморный дворец

дительное доказательство тому — «Инструкция о домашних порядках», составленная в 1754—1757 гг. офицером Преображенского полка, а затем смоленским губернатором Тимофеем Текутьевым.

В обширной «Инструкции», состоящей из 320 пунктов (!), он уделяет внимание всем без исключения сторонам ведения усадебного хозяйства — от «пашни, сева и боронбы» сельскохозяйственных культур, содержания породистого скота и птиц до вопросов нравственности, воспитания и ремесленного образования крепостных (пункты «о говенье в положенные посты», «о обучении крестьянном детях своих мастерствам», «о роздаче сирот крестьянном на воспитание» и другие) [19].

«Инструкция» Текутьева вменяет каждому помещику в обязанность заботу о своих крепостных, их воспитание: «каждому разумному и добросовестному господину в приведении ...злых и коварных людей в добрый порядок — великой труд и беспокойство» [19]. При Елизавете Петровне начинает складываться идеал русского дворянина-помещика — заботливого и рачительного хозяина, справедливого и благородного человека, образ которого часто встречается в отечественной литературе.

Образование

В петровское время системы дворянского образования не существовало, она начала складываться лишь в 1730-е гг. Нельзя сказать, что до этого времени в России не было образованных людей. В период правления царя Алексея Михайловича и особенно его старшего сына Федора Алексеевича в Москве, а затем и в других городах открывается много школ. При царе Федоре зародился проект высшего учебного заведения — Академии, реализованный в годы царствования Петра Великого.

Однако в обучении отсутствовала система, кроме того, оно было необязательным. Петр I попытался принудить дворянских детей к обучению, причем непременно за границей, поскольку только там можно было овладеть знаниями, пригодными для военных и прочих политических нужд государства: высшей математикой, навигацией, геодезией, картографи-

Манеж Кадетского корпуса, основанного в 1731 г.
(современная фотография)

фией, иностранными языками. Но и обучение русских за границей не имело сколько-нибудь четкой системы: иные юные дворяне были вынуждены более заботиться о пропитании (если не имели с собой достаточно денег), а другие тратили время в кабаках. Дворяне еще при жизни Петра I изыскивали способы избежать отправки за границу, а после смерти царя обучение перестало быть обязательным. Дворянину не требовалось получать даже то элементарное образование, которое давали школы в маленьких городках. В стране среди дворянских детей было немало «недорослей».

Образованные люди во второй четверти XVIII в. уже не были редкостью, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. Но даже они при всей своей начитанности, эрудированности не имели систематического образования. Знания они приобретали хаотично, в процессе чтения и занятий какой-либо деятельностью. Личность, которая формировалась бы под целенаправленным влиянием педагогов, была не характерна для того времени.

Главная причина того, что получить настоящее образование в то время было трудно, — отсутствие преподавательских кадров. Постпетровская Россия жила в условиях острого дефицита педагогов. Ученые люди шли на службу, занимались карьерой, редко кто из них становился наставником.

Этим дефицитом умело пользовались западные проходимцы. Безработные лакеи, мошенники, аферисты, разорившиеся мелкие дворяне, пользуясь неслыханной популярно-

стью всего европейского среди русских, сотнями ехали в Россию, чтобы хорошо заработать, выдавая себя за преподавателя. Даже в столичных городах эти авантюристы занимались преподаванием в дворянских семьях. В рекомендательных письмах и газетных объявлениях, как правило, сообщалось, что эти иностранцы обучают всем (!) европейским языкам и большинству наук. Проверить глубину их знаний было некому.

Кроме того, от большинства преподавателей такого рода и не требовалось, чтобы они научили дворянских детей всем наукам, языкам и искусствам. «Учителя» давали некоторые знания по части математики, а также обучали воспитанника кое-как изъясняться на языке той страны, откуда сами прибыли, а большую часть времени проводили в кабаках или в обществе крепостных девок.

Малочисленные русские преподаватели часто были не лучше, но даже и хуже иностранных. Знания многих были на редкость скучны. Свое неумение излагать предмет и поддерживать авторитет эти наставники компенсировали строгим (точнее – жестоким) обращением с учениками. За малейшую провинность детей нещадно секли розгами. В заметках о детских годах дворян, выросших в то время, можно встретить такие например, строки: «Я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда леность или упрямство, а учил-

Киевская академия (рисунок XVIII в.)

Приезд иностранцев в Москву
(гравюра, первая половина XVIII в.)

ся я по моим летам прилежно... но как нам, кроме обеда, никуда... отпуска ни малейшего время не было, а сидели на скамейках безсходно и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такового всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась безпамятна» [13].

Среди таких русских преподавателей также встречались проходимцы, а иногда и преступники-рецидивисты. Например, в 1730-х гг. в Артиллерийской школе занимал должность наставника некий Прохор Алабушев — «человек пьяной и вздорной, по третьему смертоубийству сидел под арестом» [13]. Воспитанникам он запомнился особой жестокостью.

Один из бывших учеников Алабушева, майор М.В. Данилов, описал, в мемуарах случай, когда был наказан его школьный товарищ. Ученик Жеребцов принес с собой в школу рисунки, чтобы показать друзьям. Любимчики учителя выхватили один листок и показали Алабушеву, утверждая, что «Жеребцов ученик не учится, а вот какие рисунки в руках держит» [13]. Алабушев, не давая оклеветанному ученику возможности оправдаться, распорядился перенести рисунок на спину Жеребцова розгами.

Деятельность И.И. Шувалова

Перечисление титулов и званий этого человека занимает несколько строк: Иван Иванович Шувалов был известен современникам как «генерал-адъютант, от армии генерал-поручик, действительный камергер, орденов Белого орла, святого Александра Невского и святой Анны кавалер, Московского университета куратор, Академии Художеств главный директор и основатель, Лондонского королевского собрания и Мадритской Академии Художеств член» [15].

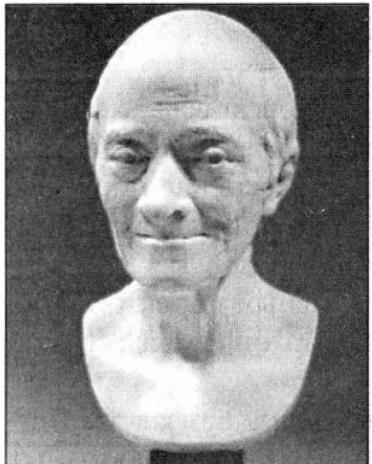
Иван Иванович Шувалов попал ко двору Елизаветы Петровны в конце 1740-х гг. по протекции своих двоюродных братьев Петра и Александра. Великая княгиня Екатерина, супруга наследника престола Петра III, вспоминала о нем впоследствии: «...я вечно его находила в передней с книгой в руке ...Этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться... Ему было тогда восемнадцать лет, он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава» [15]. Вскоре его заметила и сама Елизавета Петровна, которая была старше юного Шувалова на восемнадцать лет. С 1749 г. И.И. Шувалов стал камер-юнкером и фаворитом императрицы.

Иван Шувалов выделялся на фоне многочисленных фаворитов императорской фамилии: он сделал многое на поприще культуры, способствовал просвещению России, был видным политиком того времени. По мнению историков, именно И.И. Шувалов стал инициатором императорского указа от 16 августа 1760 г. Указ подводил итоги почти двадцатилетнего правления Елизаветы: «С каким прискорбием, по нашей к подданным любви, должны видеть, что установленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей ... [в каком] достойном сожаления, состоянии находятся многие дела в государстве и бедные, угнетенные неправосудием люди» [15].

В это же время Шуваловым была составлена записка к императрице. Фаво-

И.И. Шувалов
(гравюра XVIII в.)

Вольтер

рит обращался к Елизавете с увещеванием: «Всемилостивейшая государыня! Воззрите на плачевное многих людей состояние, стонущих под игом неправосудия, нападков, грабежей и разорений» [15].

Титулы и звания И.И.Шувалова были заслуженными — от незаслуженных (связанных исключительно с положением фаворита императрицы) льгот и наград он отказывался. В 1757 г. М.И.Воронцов, заинтересованный в дружбе с фаворитом Елизаветы, ходатайствовал о награждении Шувалова орденом Андрея Первозванного (высшей наградой России), а также о присвоении ему графского титула и предоставлении поместий с крепостными крестьянами (около 10 тыс. душ). Шувалов отклонил это предложение, он писал: «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности» [15].

Шувалов собрал огромную библиотеку, в которую, по воспоминаниям княгини Е.Р.Воронцовой-Дашковой, поступали все новинки из европейских стран (прежде всего из Франции). Он состоял в личной переписке с Вольтером: «История России при Петре Великом» написана французским просветителем по просьбе И.И.Шувалова и при его деятельном участии. Что, правда, не помешало Вольтеру по заказу шведской короны написать вполне панегирическую книгу о главном сопернике Петра I — «Историю Карла XII».

Отдавая должное заслугам французских энциклопедистов, Шувалов высоко оценивал творческий и научный потенциал своей нации. В письме к Гельвецию он писал: «Столь неприятный для нас промежуток времени дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше не способно производить таких людей, какими они должны быть» [15]. По мнению Шувалова, в необразованности и отсутствии умных, просвещенных людей виновато само государство: введя должное «смотрение в премудрых (то есть образовательных. — Ред.) учреждениях», оно могло бы воспитать сознательных, образованных граждан-патриотов.

Г.-Х. Гроот. Портрет императрицы Елизаветы Петровны

В 1750-е гг. по предложению И.И. Шувалова началась реформа светского образования, в результате в России появилась развитая система образовательных учреждений. Хотя инициатива основания Московского университета принадлежит М.В. Ломоносову, без участия И.И. Шувалова этот проект не мог бы осуществиться. Московский университет был основан в 1755 г., при нем открыли библиотеку, действовала типография.

В 1757 г. была учреждена Академия художеств. Сам И.И. Шувалов был знатоком и ценителем живописи. В качестве преподавателей для Академии художеств он приглашал из-за границы талантливых живописцев (например, братья Георг и Иоганн Грооты). Шувалов подарил Академии художеств свою библиотеку, а также коллекцию картин из 104 полотен итальянских и голландских художников — Рембрандта, Ван Дейка, Тинторетто, Рубенса. По настоянию Шувалова в гимназию при Академии художеств набирались дети «из бедных, но способных людей» [15]. Из стен Академии художеств вышли скульптор Федот Шубин, художник Василий Баженов, гравер Евграф Чемезов.

С 1760 г. по проекту И.И. Шувалова в крупных городах России стали открываться гимназии, в малых — школы. Будучи первым куратором Московского университета, И.И. Шувалов

заботился об условиях жизни профессоров и студентов: в его ведении находился бюджет университета, программа образования. Именно стараниями куратора при университетской типографии начала выпускаться городская газета «Московские ведомости». Шувалов принял активное участие в борьбе М.В. Ломоносова за реорганизацию Академии наук: пользуясь его поддержкой, Ломоносов получил возможность оказывать влияние на президента Академии наук Кирилла Разумовского.

Брак и семья. Положение женщины в обществе

В XVIII в. брак становится делом доходным: дворянин теперь трезво считает доходы будущей жены, жертвуя чувствами. В.Н. Татищев, государственный деятель, историк, пишет об этом так: в Европе, а особенно в России «более приданое, нежели человека ищут, несмотря на пословицу: приданое на грядке, а урод на руках» [20].

Были, конечно, исключения из этого правила. Так, Петр Румянцев, будущий фельдмаршал, отказался жениться на до-

Летний сад в Санкт-Петербурге
(современная фотография)

чери Артемия Волынского, кабинет-министра, человека очень богатого, хотя отец сватал его настойчиво: «Не красавица и не дурна, пред прочими невестами весьма богата: за нею более двух тысяч душ, двор в Москве, каменный великий дом в Петербурге, конный завод и всякий домовой скарб <...> Я вам, любезный мой сын, советую сей невесты не пропускать; ее богатее сыскать трудно» [21].

Дворянство в XVIII в. зачитывалось французскими переводными романами о любви, воспитывавшими высокие чувства, но при этом искало в родне будущих супругов и супруг если не богатства, то по меньшей мере связей и покровителей. Примером может служить семья Кантемиров. Одна из самых образованных женщин века княгиня Мария Кантемир сосватала своему младшему брату Матвею Авдотью Ивановну Салтыкову, бедную родственницу Анны Иоанновны, откровенно объясняя свой выбор: «Жениться на какой-нибудь девице именно из такого рода — пусть она будет даже пожилая или бедная — и иметь кого-нибудь, кто бы при случае постоял за него, будет гораздо лучше, чем взять себе в жены какую-нибудь богатую дворянку и не иметь покровителя» [21].

В семье XVIII столетия женщина часто гарантировала мужу получение состояния либо положения в обществе. Женское образование XVIII в. было неглубоким и бессистемным, но светским. Юные барышни обязательно знакомились с западной культурой и литературой. Получить его могли только девушки из знатных и богатых семей. Даже в царской семье образование девочек было ограниченным и целенаправленным: гувернёры обучали принцесс Елизавету и Анну только танцам и иностранным языкам.

Но перемены были заметны, особенно иностранцам. Молодой голштейнский дворянин Ф.В. Берхгольц писал

Барыня и гусар (резные статуэтки, Сергиев Посад)

в дневнике: «Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда в некоторых отношениях даже имеет перед ними преимущество» [21].

Представительницы слабого пола, получив образование, могли добиться определенного положения и уважения в обществе наравне с мужчинами. В XVIII в. российские женщины, правда только узкого столичного аристократического круга, получили доступ к культуре, образованию; небольшие, но все-таки возможности принимать участие в общественной жизни.

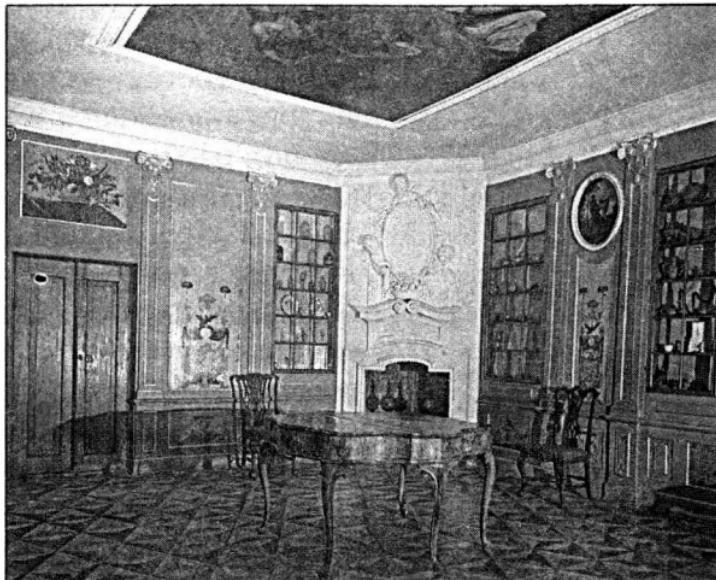
Изменение роли женщины в обществе своеобразно отражают лубочные картинки XVIII в., рассказывающие о быте и нравах различных социальных слоев. Хотя на некоторых из них присутствует мотив деспотизма жен и раболепства мужей, однако даже до равноправия между мужчинами и женщинами было еще далеко: власть мужа в российской семье оставалась прочной.

Мода

Стилем, выражающим мировоззрение нового российского сословия, стало барокко, которое превратилось для дворян в смысл жизни. Искусство, сочетающее восторг перед бесконечным разнообразием окружающего мира с ощущением быстротечности времени и жизни, соответствовал чувствам русских дворян, которые в эпоху дворцовых переворотов то пользовались благосклонностью императрицы, то подвергались опале и ссылке.

Примеров подобных взлетов и падений в России XVIII в. множество — светлейший князь А.Д. Меншиков и герцог Курляндский Э.И. Бирон, А. Волынский, князья Долгорукие, Разумовские.

Постоянное ожидание гибели могло стать одной из причин появления у дворянства привычки к роскоши. Стремление к роскоши проявлялось во всем — в жилище, одежде, размахе празднеств. При Анне Иоанновне появились новые императорские дворцы, богато украшенные живописью и

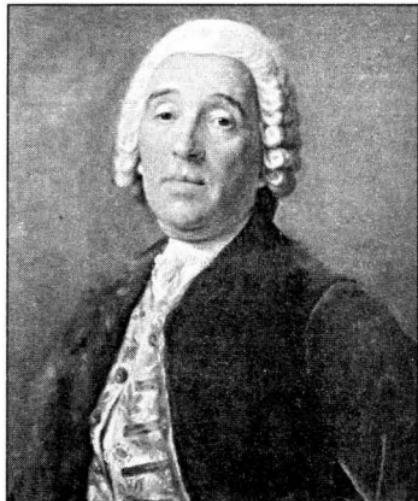
Интерьер Летнего дворца (современная фотография)

скульптурой. Для росписи плафонов, создания картин и портретов, оформления триумфальных арок содержался целый штат художников — «живописная команда» при Канцелярии от строений.

Строились новые дворцы знати, потребовали реконструкции и новых построек Москва и Петербург. Над изысканными архитектурными проектами работал целый ряд русских талантливых архитекторов, среди которых М.Г. Земцов, один из создателей Летнего сада в Петербурге; П.М. Еропкин, автор генерального проекта Петербурга; И.К. Коробов, автор проекта здания Адмиралтейства; С.И. Чевакинский, создавший проект Екатерининского дворца в Царском Селе; князь Д.В. Ухтомский, построивший Кузнецкий мост, и другие.

Просторные, богатые дворцы с парадными покоями и анфиладами, создающими эффект бесконечности внутреннего пространства дворца, с огромными окнами, потребовали соответствующего их стилю внутреннего убранства: в XVIII столетии быстро развивалось искусство интерьера, особенно зеркального. Огромные, в рост человека, открытые зеркала в рамках располагались либо напротив окон, либо напротив друг друга.

Типичным барочным произведением искусства стала Янтарная комната в Екатерининском дворце в Царском Селе (1755).

П. Ротари. Портрет архитектора Бартоломео (Варфоломея Варфоломеевича) Растрелли

В обрамлении янтарных панелей, гравированных кусочками янтаря разного оттенка, В.В. Растрелли расположил мозаичные картины-аллегории пяти чувств. В оформлении зала архитектор использовал также зеркала, золоченные в тон янтарю светильники и скульптуры, роспись под янтарь.

В XVIII в. активно развивалась садово-парковая архитектура. В России широко распространились также висячие сады наподобие вавилонских.

Новые тенденции появились и в одежде. В середине

XVIII в. русская знать стала ценить удобство «немецкого плаща», полюбила европейскую роскошь костюма. Князь М.М. Щербатов писал в труде «О повреждении нравов в России» (1758), что роскошь охватила все дворянство — от «великих» до «малых», то есть от вельмож императорского двора до простых дворян и состоятельных купцов.

Возросшая потребность аристократии в париках, шляпах, тканях и прочих предметах иноземного производства привела к росту импорта в Россию товаров, рассчитанных лишь на верхи общества. За 1726 г., например, в Петербург было ввезено товаров на сумму более чем 1,5 млн рублей, при этом почти половина импорта (662 492 руб.) приходилась на долю дорогих тканей.

Роскошная одежда и драгоценности стали в XVIII в. повседневными для придворной аристократии: «...часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком» [21]. М.М. Щербатов, рассуждая о «повреждении нравов», обличал излишнюю роскошь дворянства как социальное зло, приводил конкретные примеры из числа своих современников. Среди щеголей, истративших целые состояния на одежду и украшения, он называет генерала С.Ф. Апраксина, кавалера ордена святого Андрея Первозванного, чей гардероб состоял из нескольких сотен каftанов; фаворита императрицы Ели-

заветы Петровны И.И. Шувалова, носившего одежду из расшитых золотом тканей, украшенную драгоценными камнями, дорогими кружевами и пуговицами из бриллиантов.

Женская мода сильно изменилась только в городах; деревенские женщины продолжали одеваться в старинное русское платье — длинную, до пят, рубаху, плотные юбки из домотканого полотна и пестряди (плотной ткани домашней работы, сотканной из различных остатков пряжи). Теплая и удобная в носке одежда прекрасно соответствовала жестким климатическим условиям России.

Горожанки быстро и охотно переняли новую моду, хотя некоторые женщины сочетали новомодные платья с традиционной русской теплой верхней одеждой — шубой: «...между женщинами среднего состояния таюже еще многие прилепляются в одежде древних обычаяв, однако же не так много, как мушкины, и часто видно, что муж, да и сыновья носят российское, а женщины в доме чужестранное и самое модное платье» [21].

В роскоши одежды и блеске украшений дамы с удовольствием соперничали с мужчинами-щеголями. При дворе, начиная с правления Петра II, носили платья с жестким лифом и со шлейфом, так называемые «роброны». На балы-маскарады, ставшие непременной частью светской жизни в царствование императрицы Елизаветы, женщины надевали самые лучшие наряды.

Французский ювелир Р.С. Позье, бывавший на таких балах, в своих «Записках» оценивает стоимость дамских драгоценных украшений: «Придворные дамы немало способствовали блеску этих собраний, обладая в высокой степени искусством одеваться к лицу, сверх того оне умеют до невозможности поддерживать свою красоту <...> Наряды дам очень богаты, равно как и золотые вещи их; брильянтов придворные дамы надевают изумительное множество. На дамах сравнительно

И.И. Шувалов
(барельеф Ф.И. Шубина)

низшего звания бывает брильянтов на 10—12 тысяч рублей. Оне даже в частной жизни никогда не выезжают, не увешанныя драгоценными уборами, и я не думаю, чтобы из всех европейских государынь была хоть одна, имевшая более драгоценных уборов, чем русская императрица» [22].

Мода требовала дорогих тканей и золотого шитья для платьев, кожи тонкой выделки для туфель и башмаков: в Петербурге, Москве и других российских городах в XVIII в. увеличилось число западноевропейских негоциантов, торговавших галантерейными товарами. Чтобы не покупать за границей то, что можно изготовить дома, русские предприниматели открывали мастерские париков, шляпные, обувные и прочие мануфактуры. В российской промышленности возникли новые отрасли, готовые удовлетворить возросший спрос на галантерею: шляпная, «пудренная», пуговичная и другие. По свидетельствам иностранцев, «сначала это самоделье шло довольно плохо, но потом они [русские] усовершенствовались» [21].

Наряд девушки середины XVIII в.
(И.Я. Вишняков. Портрет Сарры Элеоноры Фермор)

Первой, еще при Петре I, соблюдать новую моду стала армия. Власти частично возмещали и значительно уменьшали затраты военных на новое обмундирование, построив в Москве и Подмосковье текстильные мануфактуры, которые обеспечивали одеждой армию и флот. Однако одежда мастеровых, «работного люда» даже в столицах к середине XVIII столетия чаще всего ограничивалась единственной (и часто рваной) рубахой и штанами и составляла яркий контраст с роскошью дворян.

Чтобы не шокировать иностранцев, прибывавших с визитами в столицу Российской империи, в 1741 г. был издан Регламент по поводу одежды работного люда: «...понеже поныне очень срамно было видеть, что большее число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилиу целую рубаху на плечах имеют, того ради фабрикантам накрепко повелевается той некрасоте народа упредить» [21].

Наряд юноши середины XVIII в.

(И.Я. Вишняков. Портрет
Вильгельма Георга Фермора)

Отдых и развлечения

По всей России и дворяне, и простой народ развлекались одними и теми же способами. Излюбленным занятием было пение, музыка. Еще в конце XVII в. С. Коллинз, врач при дворе царя Алексея Михайловича, оставил подробные записки о жизни в России того времени, описывал пение русских крестьян, сравнивая его с искусством итальянских мастеров вокала: «...они [русские] поют из головы, будто в подражание итальянскому речитативу». Он рассказывает следующую историю: русский посланник в Голландии был приглашен на

концерт известных мастеров-исполнителей вокальной и инструментальной европейской музыки. Слушал внимательно и с интересом, а когда его попросили высказать свое мнение о концерте, серьезно ответил: «Очень хорошо! Точно так же поют наши нищие, когда просят милостыню» [21].

В 30-е гг. XVIII столетия при Анне Иоанновне вошло в моду музенирование среди аристократии, в особом почете было искусство вокала. В 1738 г. по приказу императрицы в городе Глухове (на Украине) была открыта певческая школа, обучавшая певцов для придворного императорского хора. Молодые дворяне активно включились в культурную жизнь эпохи.

Я.Я. Штелин, профессор красноречия Академии наук, в ведении которого находился отдел художеств, в своих воспоминаниях писал: «Многие молодые люди и девушки знатных фамилий обучались в то время не только игре на клавикорде и других инструментах, но и итальянскому пению, добившись в короткое время больших успехов» [21]. Своими успехами прославилась молодая княжна Кантемир, которая прекрасно играла на клавесине и пела арии, сочиненные итальянским композитором Франческо Арайя, руководителем итальянской оперной труппы в Петербурге.

Очень популярны среди простого народа были танцы: хороводами, плясками отмечались на Руси многие праздники, имеющие языческие корни (святки, ночь на Ивана Купалу

Блюдо для праздничной сервировки (XVIII в.)

Пляска (богородская резьба по дереву)

и другие). Среди знати танцы были введены как форма развлечения на петровских ассамблеях, но не прижились: бояре называли их «бесовскими плясками» и, не имея навыка в подвижных и очень быстрых польках, которые любили Петр I и его супруга Екатерина, на ассамблеях падали с ног от усталости.

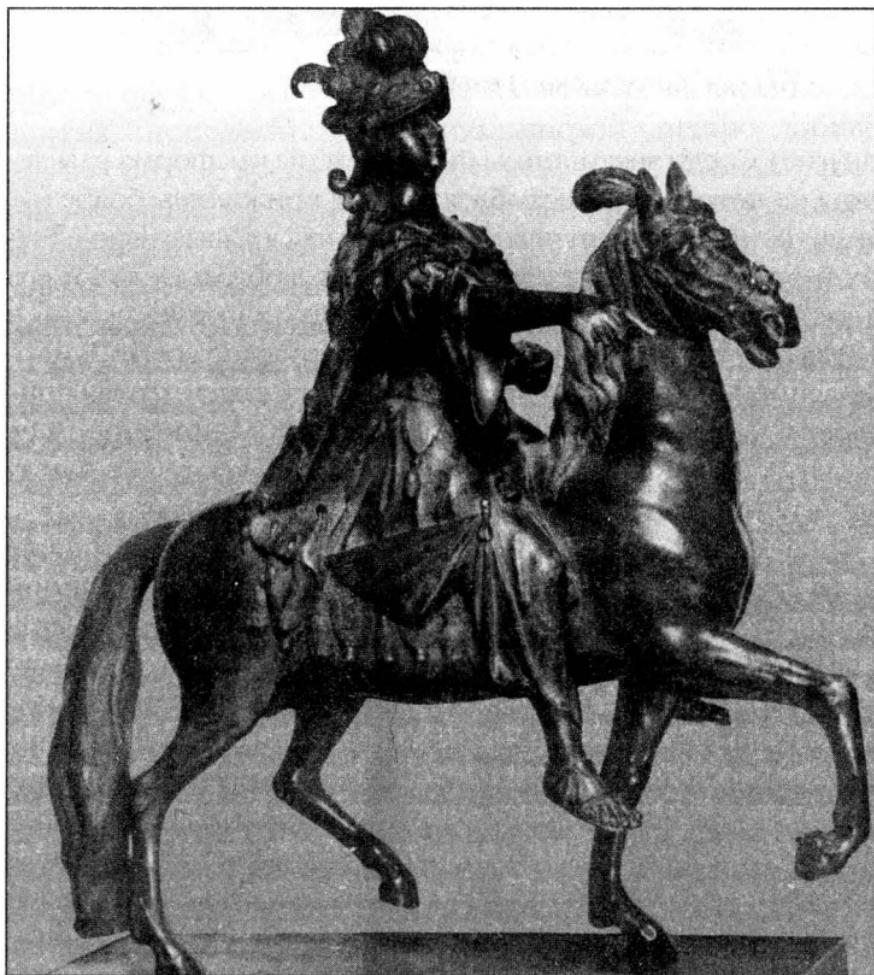
В моду танцы вошли уже в послепетровское время. В царствование Анны Иоанновны в России открылась первая придворная танцевальная школа в Петербурге. Инициатором ее открытия был Жан-Батист Ланде — французский балетмейстер и танцовщик первой половины XVIII столетия.

В царствование Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны танцы стали важной составляющей придворной культурной жизни и непременным атрибутом придворных балов. Супруга английского посланника в России в 30-е гг. леди Рондо описывает в своих воспоминаниях один из таких праздников: «Оно происходило во вновь построенной зале, которая гораздо обширнее, нежели зала св. Георгия в Виндзоре. В этот день было очень холодно, но печки достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и мильтовыми деревьями в полном цвету. Деревья образовывали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось довольно пространства для танцев... Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были

видны только лед и снег — казались чем-то волшебным... В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка, и происходили танцы...» [13].

Секретарь французского посольства граф де ла Мессельер упоминает названия танцев, бывших в большой моде при дворе русской императрицы: «Зала была огромная, и зараз танцовали до 20 менуэтов, что производило довольно странную, но в то же время приятную для глаз картину. Контраданцев вообще танцевали мало, всего несколько польских и англезов» [22].

Умение хорошо танцевать для молодого дворянина того времени было необходимо. А.Т. Болотов в записках, названных

Императрица Елизавета Петровна (скульптор А. Мартелли)

им «Жизнь и приключения Андрея Болотова», рассказывает о своей службе в Кенигсберге в 1758 г.: «[столь в танцах] наторел, что мне все танцуемые тогда в Кенигсберге разноманерные танцы сделались очень знакомы, и я все их мог танцевать без нужды и безошибочно: а сие с столь малым трудом приобретенное новое искусство и послужило мне тогда очень кстати» [22].

Вступление на российский престол Елизавета отметила почти двухмесячными непрерывными балами: сама императрица умела и любила танцевать. Испанский герцог де Лира, увидевший Елизавету еще восемнадцатилетней цесаревной, отмечал: «Принцесса Елизавета такая красавица, каких я редко видел. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом без малейшего страха. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива» [15].

При дворе Елизаветы балы-маскарады и танцевальные вечера устраивались постоянно. Число гостей доходило до нескольких тысяч. Балы продолжались до пяти-шести часов утра. Маскарады были в столичном Петербурге исключительно дворянским развлечением, а в Москве устраивались для всех желающих.

Принцесса Ангальт-Цербстская (будущая Екатерина II), описывая Елизавету Петровну в 34 года, отмечает ее совершенство в танцах: «Поистине нельзя было тогда видеть первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях <...> она танцевала в совершенстве и отмечалась особой грацией во всем, что делала, одинаково в мужском (костюме) и женском наряде». По воспоминаниям Екатерины, вся жизнь при дворе, особенно зимой, была сплошь маскарадом: «осенние и зимние удовольствия были распределены между операми, балами и маскарадами. Было определено, что каждую неделю будут два маскированных бала — один при дворе, другой по очереди у главных персон в городе» [23].

Елизавета всегда была в курсе всех нововведений в области торжеств и праздников: ей прсылали программы, рисунки,

Бальное платье (XVIII в.)

подробные описания балов и торжеств из Парижа, со свадьбы дофина и испанской инфанты; из Дрездена — с праздников в честь бракосочетания сына Августа II Сильного. Балы и маскарады при дворе Елизаветы богатством, организацией и пышностью поражали даже привычных к роскошным праздникам французов.

В своих посланиях во Францию граф Мессельер пишет: «...красота и богатство апартаментов невольно поразили и нас; но удивление вскоре уступило место приятнейшему ощущению при виде более 400 дам,

наполнявших оные. Они были почти все красавицы в богатейших костюмах, осыпанных бриллиантами. Но нас ожидало еще одно зрелище: все шторы были разом спущены, и дневной свет внезапно был заменен блеском 1200 свечей, которые отражались со всех сторон в многочисленных зеркалах. Загремел оркестр, состоявший из 80 музыкантов. Великий князь с Великою княгинею подал пример танцам. Вдруг услышали мы глухой шум, напоминавший нечто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидели великолепный трон, с которого сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла в большую залу. Воцарилась всеобщая тишина. Государыня поклонилась троекратно. Дамы и кавалеры окружили нас, говоря с нами по-французски, как говорят в Париже» [22].

Придворные праздники делились на несколько категорий, для каждой из которых были установлены особые правила одежды для дам и господ. Например, на «публичные праздники для дворянства» (куда, впрочем, допускались и представители купечества) дамы обязаны были надевать домино, а юбки иметь минимальной ширины. На любой из балов запрещалось приводить малолетних детей и подростков. Чтобы не поранить ни себя, ни окружающих, кавалеры не должны были иметь при себе оружия, дамам запрещалось ис-

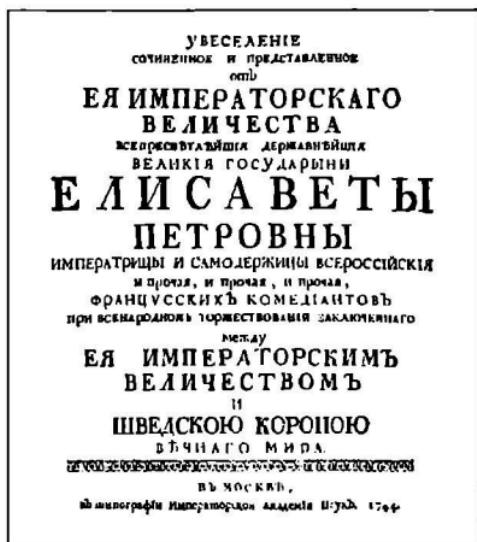
пользовать для украшения хрусталь.

Как уже упоминалось, балы-маскарады устраивались дважды в неделю. Съезжались на них лично приглашенные императрицей и прочие гости, в число которых входили представители первых шести классов. Отказаться от участия в маскараде было невозможно, отказ расценивался Елизаветой как личная обида и вызов. Условия бала — одежда, украшения, тематика — оговаривались в приглашениях. Маскарады были не только развлечением, на них решались важные вопросы, императрица наблюдала за своими приближенными, принимала иностранных посланников.

На одном из маскарадов 1744 г. мужчины и женщины по воле императрицы вынуждены были поменяться ролями: дамы были одеты в мужские костюмы, а мужчины — в юбки. «Мужчины были вообще злы, как собаки, и женщины постоянно рисковали тем, что их опрокинут эти чудовищные колоссы, некоторые очень неловко справлялись со своими громадными фижмами и непрестанно вас задевали» [22].

Каждый «маскированный бал» проходил по строгому церемониалу, как например бал «четырех кадрилей» (кадриль — разновидность парного танца), устроенный Елизаветой по случаю венчания великой княгини Екатерины Алексеевны с герцогом Голштинским, будущим Петром III. В четырех углах огромного бального зала четыре группы танцующих по 12 пар должны были танцевать кадриль.

Правила запрещали парам перемешиваться; каждая «кадриль» была отлична от других цветом маскарадных домино: розовый и серебряный цвет отличал бальные туалеты группы великого князя Петра Федоровича, герцога Голштинского; цвета второй кадрили — белый с золотом. В эту группу входила великая княгиня Екатерина Алексеевна. Третья кад-

Программа празднества, разработанная Елизаветой Петровной

Петр III (гравюра, XVIII в.)

ный купец, ремесленник. Нужно было снять зал для танцев, получив на это разрешение в полиции, нанять музыкантов. За небольшую плату (от 50 копеек до 1 рубля, в зависимости от имущественного статуса собравшихся) туда пускались люди определенного круга: офицеры-гвардейцы, купцы, даже «ла-
кеи и прочие люди» [21]. Плату за вход на такие вечера вносили лишь мужчины, для женщин вход был свободным.

риль, которую открывала мать Екатерины, принцесса из Голштейн-Готторпской династии, была одета в бледно-голубые с серебром костюмы домино. Во главе четвертой группы танцевал дядя великой княгини, епископ Любекский, в желтом с серебром костюме.

В крупных городах начиная с 30—40-х гг. XVIII в. танцевальные вечера устраивались не только для аристократии, но и для средних слоев населения. Устроителем мог стать кто угодно — офицер, зажиточ-

ный купец, ремесленник. Нужно было снять зал для танцев, получив на это разрешение в полиции, нанять музыкантов. За небольшую плату (от 50 копеек до 1 рубля, в зависимости от имущественного статуса собравшихся) туда пускались люди определенного круга: офицеры-гвардейцы, купцы, даже «ла-
кеи и прочие люди» [21]. Плату за вход на такие вечера вносили лишь мужчины, для женщин вход был свободным.

Непременной частью придворных вечеров со времен Петра II стали карточные игры. Впервые азартная карточная игра появилась в Российском государстве еще в начале XVII столетия, в царствование Михаила Федоровича, но широко не распространилась. Согласно «Уложению» царя Алексея Михайловича от 1649 г. игра в карты наказывалась столь же сурово, как и грабежи, воровство и прочие тяжкие преступления, — тюрьмой

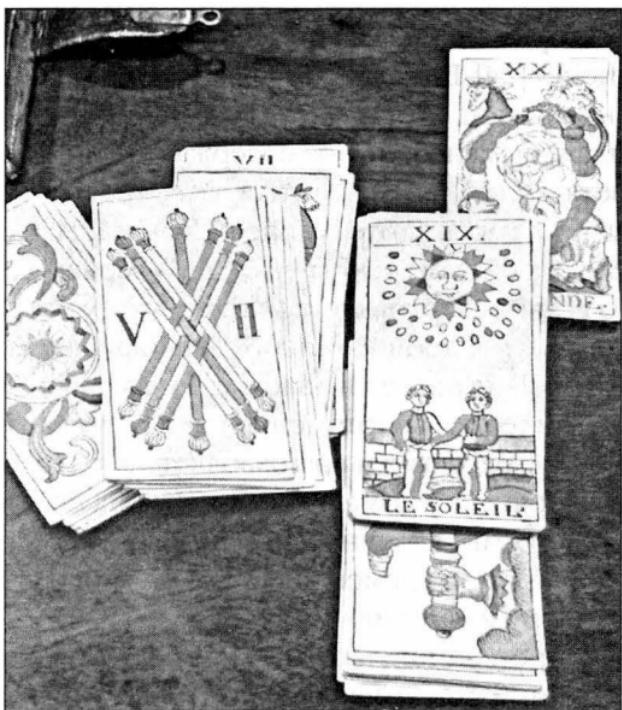

Неизвестный художник.
Портрет царя
Михаила Федоровича

с конфискацией имущества в пользу царской казны, кнутом, «урезанием» ушей, рук, даже смертной казнью.

При Петре Великом карточная игра перестала быть тяжким преступлением и постепенно превратилась в светское развлечение. Игра в карты запрещалась во время военных действий, на корабле во время плавания, поскольку отвлекала от дела и становилась причиной постоянных ссор и драк. Но поскольку сам Петр карт не любил, предпочитая им шахматы, карточные игры не вошли в моду даже в дворянской среде.

Популярность игра в карты получила в царствование Петра II и при Анне Иоанновне, которая сама играла с охотой, предпочитая выигрышу сам процесс игры. По рассказам современников, императрица часто прощала проигравшим долги, сама проигрывала, награждая таким образом за верную службу. В связи с распространением при дворе азартных карточных игр она выпустила указ, который предписывал, чтобы «никто из верных наших подданных... как в деньги, так и на пожитки, и на дворы, и на деревни, и на людей ни в ка-

Игральные карты, XVIII в.

кую игру отнюдь не играли» [24]. Наказание для нарушителей заметно смягчилось со времен Алексея Михайловича и Петра Алексеевича: картежников ожидали лишь денежный штраф или месячный арест.

Фаворит Анны Иоанновны граф Эрнст Иоганн Бирон был чрезвычайно азартным игроком, карты стали второй после лошадей его страстью. По воспоминаниям современников, Бирон не мог остановиться и постоянно повышал ставки, вынуждая делать то же самое и своих партнеров по игре: «Он не мог провести ни одного вечера без карт и вел крупную игру, а так как он часто выигрывал, это ставило в затруднительное положение тех, кого он выбирал себе в партнеры» [13]. Отказать всесильному фавориту было практически невозможно — его боялись.

При императрице Елизавете Петровне игра в карты становится обязательным ритуалом и превращается в принадлежность дворянского быта. Картежниками были многие из приближенных Елизаветы. Об игре в доме графа А.Г. Разумовского вспоминает великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина II): «В большой зале, находившейся посреди дома Алексея Григорьевича, с утра до вечера играли в фараон, и по большой цене» [24]. Ей самой Елизавета специальной статьей расхода выделяла на игру в карты большие суммы денег, хотя и назначила весьма небольшое содержание.

Елизавета Петровна выпустила указ, фактически поощряющий игру в карты, хотя и запрещающий азартные игры, в том числе карточные: «Объявляется во всенародное известие <...> Во всякие азартные игры, то есть, в фарон, в квинтич и тем подобные и в прочие всякого звания игры, на деньги и на вещи, никому и нигде (исключая во дворцах Ея Императорского Величества апартаменты) ни под каким видом и предлогом не играть; а только позволяет употреблять игры в знатных дворянских домах, только ж не на большие, но на самые малые суммы денег, не для выигрышу, но единственно для препровождения времени, яко то: в ломбер, в кадрилью, в пикет, в контру, в памфил» [24].

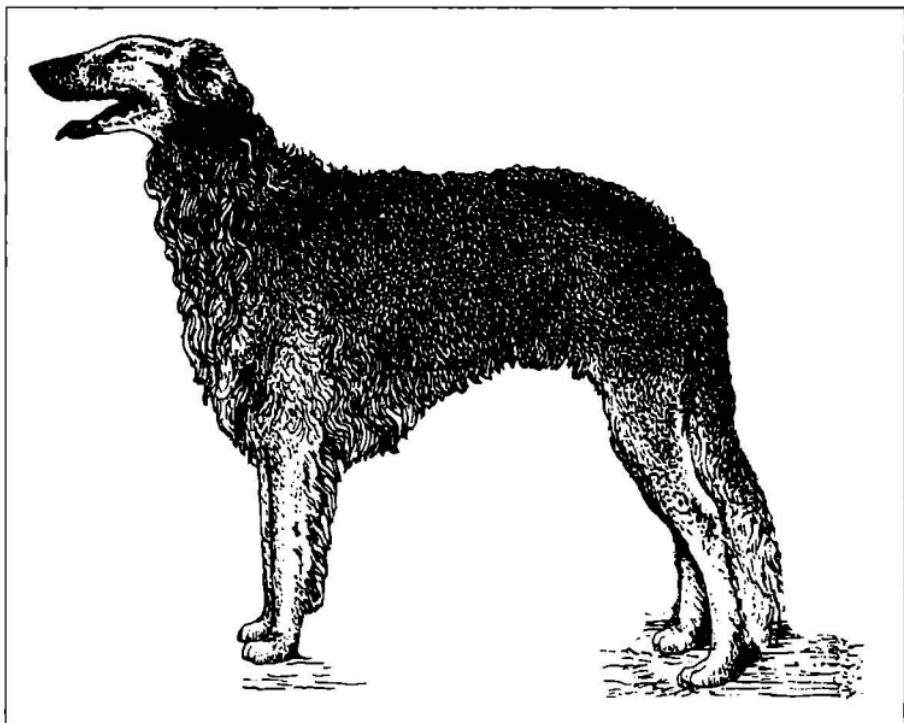
Для государственной казны в России игральные карты были постоянной статьей дохода уже с середины XVIII в., поскольку их ввозили из Германии и Франции и облагали таможенным сбором.

Псовая охота

Охоту во всех ее разновидностях любили многие русские цари и царицы. Екатерина II увлекалась соколиной охотой, Елизавета — птичьей (на тетеревов); Петр II был знатоком и любителем псовой охоты с гончими или борзыми; фаворит Екатерины II граф А.Г. Орлов любил все виды охоты. Для царских охот отводились специальные угодья, где запрещалось преследовать и убивать дичь кому-либо другому: Измайлово, Коломенское, Царское Село, Гатчина, Ораниенбаум. Охота происходила по особому ритуалу, подчинялась специальным правилам. Важной составляющей охоты был пир.

Содержать полную комплектную псовую охоту было делом очень дорогим: на некоторых псарнях насчитывалось до 1000 собак — гончих и борзых. Кроме того, необходим был большой штат псарей, кареты и лошади.

В XVIII в. был распространен классический вариант псовой охоты — без стрелкового оружия, только с собаками. От участников такой охоты требовалось умение хорошо ездить

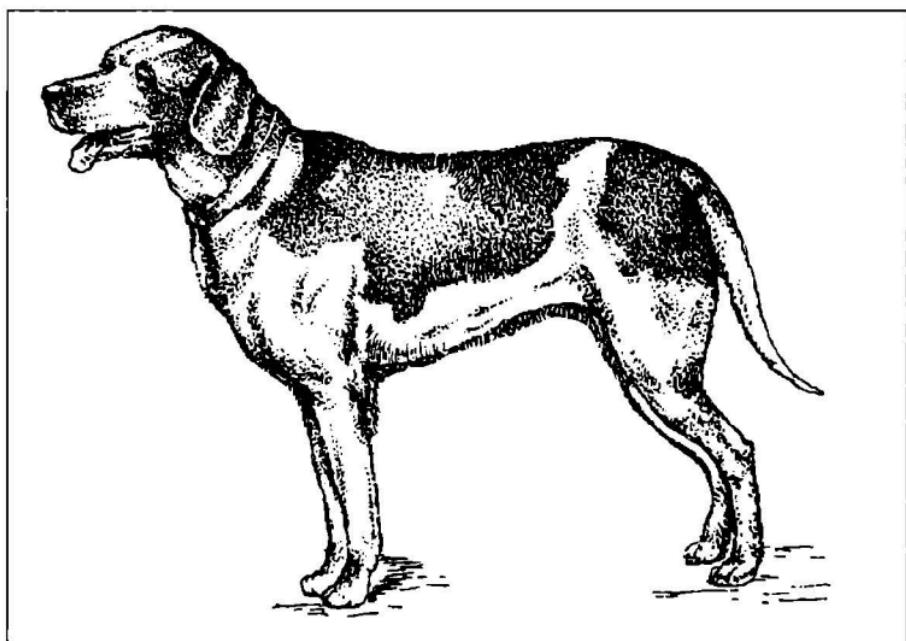

Русская псовая борзая

верхом, внимание, прекрасный слух, чтобы распознать лай собак, поднявших зверя. Часто охотой увлекались женщины, поскольку большой силы для этого не требовалось. Охотники пускали гончих по следу, и те гнали зверя из леса на свободное от деревьев пространство. Здесь на него спускали свору борзых, которые завершали охоту травлей.

На охоте использовались специально обученные лошади, не боявшиеся звериного запаха. Добычей на псовой охоте были зайцы, лисы и волки, причем добить матерого волка считалось большой удачей. Борзые хватали волка с разных сторон так, что тот не мог вырваться. Охотник должен был либо заколоть его кинжалом прямо с лошади, либо взять живьем, для чего волка требовалось «сострунить»: всунуть ему в пасть рукоять арапника и туда затянуть челюсти ремнем. Волка подвешивали на длинный шест, стянув лапы ремнями.

Правила организации и проведения псовой охоты возникли в России в XVII в. (в 1635 г.) и с тех пор не менялись. «Регул, принадлежащий до псовой охоты» Х.-О. Фонлессина вплоть до конца XVIII в. (в 1780 г. его копировали и переиздавали) оставался единственным «пособием» по псовой охоте. Книга содержит сведения об обязанностях ловчего («доез-

Русская легкая гончая

жачего»), руководящего стаей гончих, о правилах езды на лошадях для охоты; об охотничьих собаках: породах, разведении и содержании, об основных приемах лечения собак и лошадей. Классическая псовая охота лишь в XIX в. сменилась подружейной, — во время которой гончие выгоняли зверя не на борзых, а на охотников с ружьями.

Шуты ее величества

Шуты развлекали русских монархов уже в эпоху Алексея Михайловича, однако значение их в сравнении с прочими увеселениями правящей особы оставалось невелико вплоть до воцарения Анны Иоанновны. В этот период российской истории шуты становятся обязательной и даже необходимой составляющей придворных торжеств. Анну часто называли «императрицей карлов».

В этом увлечении сказалось в известной степени влияние западных культурных традиций: Анна Иоанновна воплощала многие качества русской барыни и курляндской принцессы. Увеселения, связанные с шутами, были разнообразны. Более всего в этот век расцвела театра и театральности жизни императрица обожала, когда шуты разыгрывали какие-либо сценки. Обычно такие представления сводились к драке шутов, которых заставляли таскать друг друга за волосы и царапаться до крови. Но бывали и другие игры: «Иногда она (Анна Иоанновна. — Ред.) приказывала им всем становиться к стенке, кроме одного, который бил их по поджилкам и через то принуждал их упасть на землю» [8].

В шуты набирали не только карликов («карлов») или умственно отсталых, как это было принято в Европе, но и нередко дворян. Конечно, такой дворянин не занимал формально должности придворного шута, но на деле обязан был разными дурачествами «утешать», то есть забавлять государыню. Часто дворянин играл роль шута по принуждению — в наказание за какой-либо свой проступок, расстроивший императрицу. Нравы той эпохи позволяли унизить представителя дворянского сословия, поставив его на одну доску с дураками. Однако эти же нравы нисколько не препятствовали тому, чтобы иные родовитые представители знатных семейств са-

ми стремились покривляться перед императрицей, чтобы угодить ей. Такими шутами при Анне Иоанновне были Рюриковичи и Разумовские. Из неугодных дворян в числе шутов оказался князь М.А. Голицын, получивший прозвище Квасник.

В историю вошла шутовская свадьба в «Ледяном доме» (зимой 1740 г.) князя Голицына-Квасника и карлицы Бужениновой. Однозначных мнений об этом случае нет; историки нашли сразу несколько свидетельств этого события, которые сходятся лишь в одном: Голицын-Квасник был в немилости у императрицы, и потому подвергся такому публичному осмеянию. Князь Голицын принадлежал к старинному дворянскому роду, и факт потешной его свадьбы достаточно красноречиво говорит о положении русского дворянина еще в первой половине столетия.

Одним из устроителей свадьбы шутов был кабинет-министр Анны князь А. Волынский: именно с его «тяжелой рукой» принял участие в свадьбе придворный «пиит» В.К. Тредиаковский. Поэт, не желавший принимать участие в играх шутов, был избит кабинет-министром. В день свадьбы поэт был доставлен под стражей ко двору и читал, ряженный в «харю» (маску), свои стихи новобрачным. Между прочим, брак шутов оказался вполне счастливым. Супруга родила князю двух сыновей.

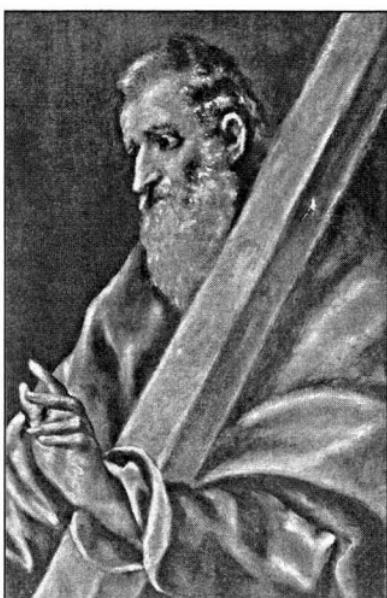
«Карлы» — придворные шуты (рисунок, XVIII в.)

Общественные развлечения

При Петре I в России появились два вида общественных увеселений и торжеств: фейерверки и триумфальные шествия (триумфы). В то время фейерверк и иллюминации проводились только в столичных городах России — в Петербурге и Москве. Начиная со второй четверти XVIII в. их стали устраивать по всей России, причем не только в городах и частных усадьбах, но даже в духовных обителях.

Фейерверк и иллюминация являлись обязательными атрибутами некоторых праздников. Кроме Нового года это были различные династические события, например дни рождения представителей дома Романовых, дни тезоименитства (именины); дни коронации и восшествия на престол; дни свадеб и помолвок членов императорского семейства. При Анне Иоанновне был учрежден ежегодный календарный порядок проведения фейерверков, который гласил: «...в Новый год, також в день рождения быть фейерверку и иллюминации, а во дни восшествия на престол и тезоименитства иллюминациям и ракетам без фейерверка» [25].

Фейерверками отмечались события государственного масштаба — победы русской армии и заключение мира. Некоторые из таких событий праздновались дважды, например, фейерверками в столицах два года подряд отмечался день Полтавского сражения (27 июня 1725 г. и 1726 г.), день заключения Ништадтского мира между Россией и Швецией (1721), а также заключение Абосского мирного договора со Швецией (18 августа 1743 г.). В течение нескольких лет отмечался фейерверками и иллюминацией день Андрея Первозванного (30 ноября), первого проповедника христианства в Приднепровье, считавшегося покровителем России, Петра I и новой российской столицы.

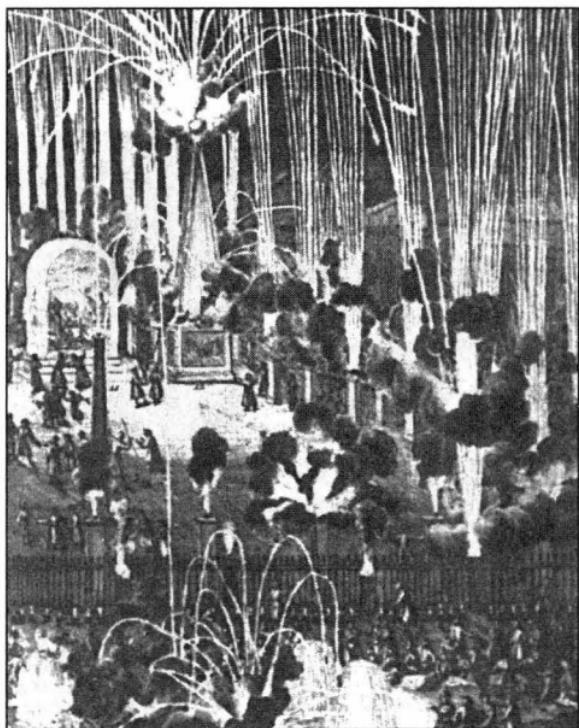

Эль Греко. Апостол Андрей

В отличие от петровского времени, когда фейерверки были делом государственным, в XVIII в. возможность устраивать «огневую потеху» получили и некоторые частные лица: А.Д. Меншиков при Екатерине I и Петре II, Б.Х. Миних при Анне Иоанновне, графы Разумовские при Елизавете Петровне.

Устройством фейерверков и иллюминаций занималась Канцелярия главной артиллерии и фортификации, при которой сформировали специальный штат фейерверкеров и мастеровых, занимавшихся обслуживанием празднеств. Каждое такое зрелище требовало длительной и трудоемкой подготовки, поэтому уже в 30-х гг. XVIII столетия часть обязанностей по подготовке фейерверков перешла к ученым Академии наук, среди которых были специалисты по античной истории, мифологии, литературе, европейской и отечественной культуре и истории. Ученые-академики принимали участие в важнейшей части подготовки зрелища — разработке общей концепции и проектировании фейерверка.

За несколько (обычно — два-три) месяцев до торжества в Академию наук из Канцелярии артиллерии и фортифика-

Фейерверк в Петербурге (гравюра, XVIII в.)

ции поступала так называемая «промемория» (памятка) с распоряжением разработать концепцию предстоящего фейерверка, а также составить его подробный проект. Ученые Академии наук обязаны были, кроме того, предусмотреть меры безопасности при проведении фейерверков, а также решить некоторые технические вопросы, например подбор типов ракет и специальных составов для получения огней всевозможной расцветки и причудливой формы. Проект передавался в Артиллерийское ведомство Канцелярии, затем императору или императрице для окончательного утверждения. Среди составителей проектов было немало немцев (математик Х. Гольдбах, историк Х. Крузиус), поэтому в подготовке принимали участие русские переводчики-стихотворцы, обязанностью которых был перевод поэтических подписей и девизов к фигурам иллюминации на русский язык.

Важной составляющей фейерверка была сопровождавшая зрелище музыка, которая подчеркивала композиционно важные моменты и отмечала смену огненных картин: «Пушки с трубами и литаврами не только... начало и окончание всему делают, но и порядок и разделение показывают» [25].

В числе разработчиков проектов фейерверков были выдающиеся российские ученые того времени: первый действительный член Петербургской академии наук (адъюнкт) математик, литератор, переводчик В.Е. Агадуров; отвечавший за разработку проектов в течение почти полувека (с 1738-го по 1785 г.) писатель, поэт, переводчик, гравер Я.Я. Штелин, почетный член Мадридской и Лондонской академий, Геттингенского исторического института, Лейпцигского общества свободных наук; известный русский фейерверкер М.В. Данилов — ему удалось изобрести «зеленый огонь, который по всему свету не найден еще и поднесь» [21].

В течение 15 лет участие в разработке проектов праздничных фейерверков принимал М.В. Ломоносов, с 1741 г. в качестве переводчика и автора собственных подписей и девизов, а затем и как автор проекта. В 1760 г. к подготовке проекта был привлечен драматург А.П. Сумароков.

Разработка проекта и подготовка фейерверка требовали много времени, усилий и ресурсов, материальных и человеческих. Так, например, в подготовке фейерверка в Петербур-

Набережная Невы (гравюра, XVIII в.)

ге по случаю дня рождения императрицы Анны Иоанновны приняли участие 2000 человек, подготовительный период занял десять недель, при проведении фейерверка сгорело несколько сотен пудов топленого сала.

Для проведения фейерверков требовалось особое место. В Москве это был фейерверочный комплекс на Царицынском лугу, позже — площади перед императорскими резиденциями в бывшей Лефортовской слободе. В Петербурге в 1732 г. был сооружен специально предназначенный для проведения «огненной потехи» Иллюминационный театр на Стрелке Васильевского острова.

Он представлял собой сооруженный над Невой большой помост на 1000 свай. Для его обслуживания во время фейерверков требовалось 600 обученных «огненному делу» рабочих.

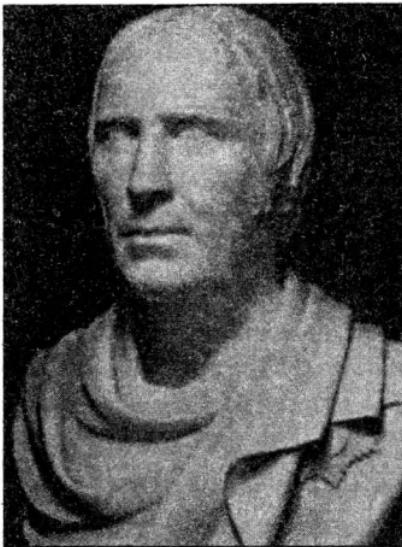
Вынесение помоста для «огневой потехи» в Неву уменьшало число несчастных случаев. Кроме того, стрелка Васильевского острова была видна из многих мест города, в том числе — из окон Зимнего дворца, фасады которого обращены к Неве. Иллюминационный театр на стрелке был разобран при Екатерине II в 1764 г. Кроме него на Васильевском острове располагался с 1749 г. еще один помост для проведения фейерверков — перед Меншиковским дворцом на набережной Невы.

Однако, несмотря на все предосторожности, фейерверки были причиной многочисленных разрушений. Так, например, при проведении фейерверка по случаю коронации Анны Иоанновны в 1735 г. в Академии наук было разбито 244 стекла, повреждены потолки; пожар, возникший на крыше «академических палат», удалось потушить с большим трудом. Кроме того, полностью сгорел дом баронов Строгановых.

Несмотря на подобные неприятности, фейерверки и иллюминации пользовались большой популярностью. В дни фейерверков город преображался. Дома украшались горящими в окнах свечами, вензелями, приветствиями монарху, сосновыми ветками; въездным воротам придавали вид триумфальных арок. Указ от 1737 г. гласил: «...в иллюминацию горение в окнах свеч иметь во всех домах, которые имеются по берегам Большой Невы и других рек вокруг плацов и по всем улицам (кроме самых подлых...) <...>» [25]. В Москве украшение домов необходимо было дополнительно согласовывать с городской магистратурой.

Высокое качество и занимательность российских фейерверков отмечали иностранцы. Например, датчанин Педер фон Хавен называл российский фейерверк «несравненнейшим», а шотландец Дж. Кук писал, что «...ничего подобного ... никогда не видела Европа» [25].

Информация о предстоящем публичном увеселении публиковалась в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Академия наук издавала хорошо иллюстрированные брошюры с описанием будущего фейерверка и подробным объяснением аллегорий и символики огненных картин — на русском, немецком и французском языках тиражом до 1000 или более экземпляров. Брошюры раздавали дипломатам иностранных держав, часть из них рассылали русским дипломатам, небольшая часть тиража поступала в продажу.

Барон Строганов
(гравюра, XVIII в.)

Пожар в Петербурге (гравюра, XVIII в.)

При проведении фейерверков травмы (чаще всего ожоги) получали не только пиротехники, но и зрители. Нередко происходили и смертельные случаи. 28 декабря 1756 г. возник пожар в фейерверочной лаборатории на Литейной в Петербурге. В ядовитом дыму задохнулись насмерть несколько мастеровых.

В 1738 г. принцессы Елизавета и Анна Мекленбургские наблюдали фейерверк из окна Зимнего дворца. Разрывом одного из фейерверочных снарядов выбило оконное стекло вместе с рамой, осколки стекла поранили шею и правую щеку Елизаветы. Придворный лейб-медик Иоганн Лесток насчитал потом 11 кровоточащих порезов. Принцесса Елизавета проявила в этот момент мужество, однако никогда более не испытывала «склонности к фейерверкам» [25].

При императрице Екатерине I в моде была морская тематика фейерверков (корабли, корабельные снасти, морские пейзажи, русалки, Нептун — глава морей и вод и прочее), как дань памяти Петру I. Когда Екатерина I лежала при смерти, а наследник еще не был назван, имевший большую власть и влияние при дворе А.Д. Меншиков участвовал в составлении и обсуждении проектов фейерверков. По его замыслу именно из фейерверка народ должен был узнать имя наследника российского престола — царевича Петра, внука Петра I. Он

предложил изобразить в иллюминационных картинах увенчанный короной якорь, врытый в землю. Рядом должен был быть изображен молодой человек, держащий в одной руке глобус и циркуль, в другой — веревку, привязанную к якорю. Изображение символизировало бы долгую болезнь Екатерины I, спасением от которой станет царевич Петр. Проект фейерверка был отклонен, однако Меншиков реализовал его позднее — в царствование Петра II, в фейерверке 28 апреля 1728 г. на Царицыном лугу в Москве.

В эпоху императрицы Елизаветы в разработке многих проектов огненных празднеств, как уже упоминалось, принимал участие М.В. Ломоносов. Он, например, разработал сюжет новогодней иллюминации в честь наступления 1753 г. — закрытый храм римского бога Януса (по традиции, его двери закрывались только во время мира в стране) с видами обеих столиц России (Московским Кремлем и Петропавловской крепостью). Девизом картины было изречение: «Военной укротив во всей Европе шум».

Огненные картины, разработанные М.В. Ломоносовым, подробно представляли и внутреннюю политику Елизаветы. Так, в проекте фейерверка и иллюминации 5 сентября 1754 г. Ломоносов предполагал показать внутренние государственные реформы императрицы: изменение системы судопроизводства, расцвет наук и искусств, городское строительство, отмену внутренней таможни.

Монета с изображением Петра II

Триумфы или триумфальные шествия — праздничное действо по случаю военной победы и великих заслуг перед отечеством — сформировалось в России еще во времена Петра I. Необходимым атрибутом этого празднества было введение триумфальных арок по ходу движения торжественной процессии. В послепетровскую эпоху праздник приобрел смысл шествия по случаю коронации. Появляются и местные, локальные триумфы, например при посещении города правителем страны.

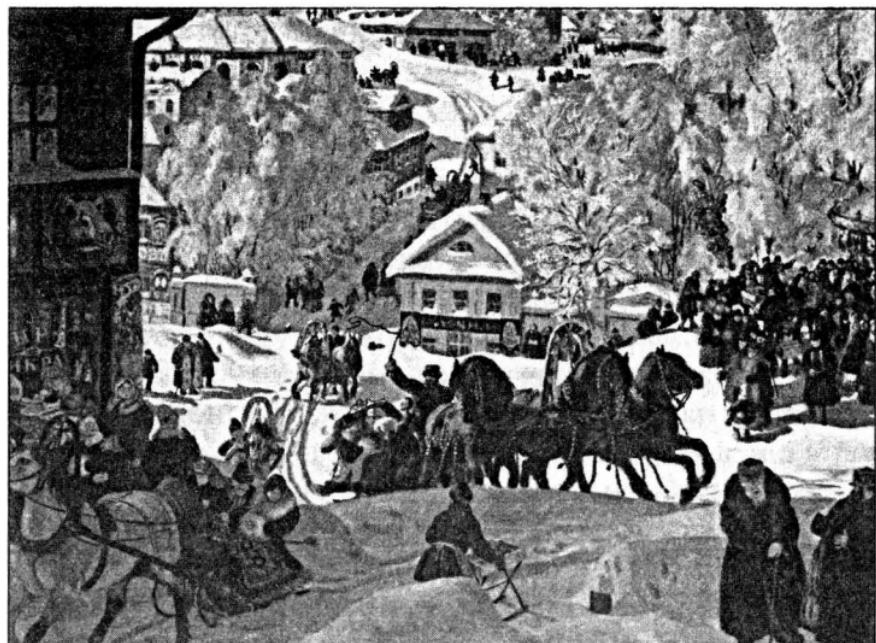
Сюжетное оформление триумфальных арок тесно связано с личностью монарха, поскольку коронация нового монарха — главная причина их строительства. В росписях, рельефах прославляются личные добродетели нового монарха, его (ее) действия и заслуги перед страной. Поэтому в оформлении арок появляются аллегории возросшего благосостояния страны, ее мощи и величия, подчеркивается божественное благоволение к роду Романовых и его представителю на троне России.

Триумфальные арки первой половины XVIII в. — это в основном расписанные под мрамор временные деревянные сооружения. Во второй половине века архитекторы разрабатывают проекты монументальных долговременных триумфальных арок (например, у Красных ворот в Москве, перестроенных в камне по проекту архитектора Д.В. Ухтомского в 1753—1757 гг., но разобранных в годы реконструкции). К разработке проектов триумфальных арок привлекаются лучшие мастера России (архитекторы, резчики по дереву и камню, скульпторы и т. д.). Только в период с 1727 г. (коронование Петра II) по 1742 г. (коронация Елизаветы) в Москве были построены 8 триумфальных арок.

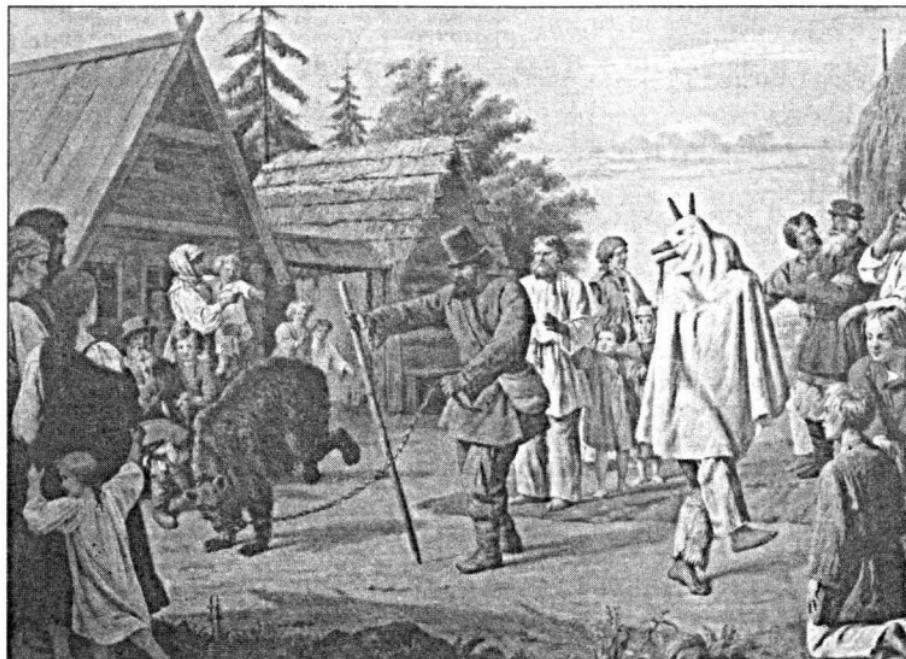
Своеобразным театрализованным действом, собиравшим большое количество зрителей, в XVIII в. становятся публичные казни. Очень частые в первой половине столетия (в годы царствования Екатерины I и Анны Иоанновны), они прекратились в России с воцарением Елизаветы Петровны, отменившей смертную казнь. В России казни совершались с особой жестокостью: это были средневековые способы (четвертование, колесование, сажание на кол и т.п.). Так, в правление Анны Иоанновны были публично казнены в Новгороде князья Долгорукие; под Петербургом — А. Волынский, архитектор П. Еропкин, советник А. Хрущев и другие.

Популярными развлечениями в России в XVIII в. были масленичные гулянья, катание с ледяных гор, кулачные бои. Летом на смену салазкам приходили качели в виде длинной доски, лежащей на круглом чурбане, либо веревочной петли на перекладине. Их изображения можно встретить на лубочных картинках XVIII столетия.

Любимым занятием в праздники для мужчин-простолюдинов были жестокие кулачные бои. Сначала в рукопашный бой вступали юноши, подростки. Когда бойцы раззадоривались, в ход шли подручные предметы. Различались два вида кулачных боев — поединки и «стенка на стенку». Победителем считался самый выносливый, сильный и храбрый боец. В XVIII в. в Петербурге кулачные бои проводились на Адмиралтейской стороне, на Аптекарском острове и в некоторых других местах города и собирали большие толпы — как участников, так и зевак. В связи с повсеместным распространением этой потехи кулачные бои были регламентированы: по приказу генерал-полицмейстера Петербурга отводились специальные места для боев, участники должны были записаться в Главной полицмейстерской канцелярии и выбрать из своего числа командира — сотского.

Б.М. Кустодиев. Масленица. Фрагмент

Вожак с медведем (Ф. Рисс. Скоморохи в деревне)

На праздничных ярмарках устраивались также представления кукольного театра (на Рождество — вертепа), медвежья потеха. На ярмарочных площадях в городах и богатых селах строились балаганы, качели и карусели, торговые палатки. Всенародные развлечения на Руси сопровождались обильными едой и питьем.

Выступлениями дрессированных медведей руководили «вожаки»-дрессировщики. Медведям подпиливали зубы, чтобы они не поранили человека, и вставляли в ноздри кольцо, за которое медведя водили на цепи. Чересчур свирепым, «дуршливым» медведям выкалывали глаза. Дрессировщик приучал медведя выполнять различные действия: кувыркаться, садиться, ложиться, вставать по приказу, кланяться, танцевать (кружиться на задних лапах около вожака). Иногда вожак боролся с медведем, что порой оканчивалось помятыми боками, переломами, сильными ушибами и царапинами.

В деревнях и городах России все от мала до велика участвовали в праздновании масленицы и предрождественских святочек. Характерной приметой этих праздников было ряжение. Ряженые разыгрывали шуточные сценки, часто непристойные, проказничали. Костюмы и маски («хари») ряженых

готовились заранее. Древний смысл ряженья — магическое действие с целью увеличения жизненных сил людей и плодородия скота, земли, природы.

Жизнь — театр

Культуре XVIII в. свойственна театральность, проявлявшаяся в ритуалах и праздновании древних календарных праздников. Царь Алексей Михайлович способствовал организации при своем дворе профессионального театра. При Анне Иоанновне, активно вводившей западные культурные традиции в придворную культуру, вошли в моду театрально-музыкальные постановки, так называемые «оперы-серии» («серьезные») на героические и мифологические сюжеты.

С 30-х гг. XVIII столетия в России стали регулярными гастроли иностранных театров. Первую оперу на русской сцене поставил в 1736 г. в Петербурге итальянский композитор Франческо Арайя. Вместе с итальянской оперой в России появился и балет, первые балетные сектакли ставили итальянские и французские труппы.

В елизаветинское время в России гастролировали лучшие европейские труппы из Германии, Италии, Франции. Был издан Указ о повсеместном разрешении театров — появились многочисленные частные домашние театры во многих городах России. Единственным условием при создании домашнего театра было, «токмо чтоб при тех вечеринках никаких не-порядков и противных указам поступков, и шуму, и драк не происходило, а на русских комедиях в касающеся до духовных персон платье не наряжались бы и по улицам в приличном к комедиям, ни в каком, наряжаясь, не ходили и не ездили» [15]. Ставились пьесы русские, переводные, а также на немецком, французском и итальянском языках (Корнеля, Расина, Мольера, Лопе де Веги). В 1756 г. по указу императрицы Елизаветы в Петербурге открылся первый публичный русский театр, который возглавил А.П. Сумароков.

Александр Петрович Сумароков (1717—1777) получил прозвище «северного Расина» и «отца российского театра». Первая его публикация — две «поздравительные оды в первый день нового го-

Неизвестный художник.

А.П. Сумароков

да 1740 от Кадетского корпуса сочиненные через Александра Сумарокова». Ко времени обучения в Корпусе относятся и первые опыты Сумарокова в драматургии. В Сухопутном шляхетном корпусе был организован первый в России собственный театр, в котором в качестве актеров, постановщиков и сценаристов-драматургов выступали сами кадеты. Такое времяпрепровождение приветствовалось педагогами и начальством корпуса: «...во отвращение худой компании каждую неделю один раз в свободные часы учредить бал и концерт» [15].

В 1747 г. была напечатана первая трагедия А.П. Сумарокова «Хорев», написанная им еще в бытность кадетом Сухопутного шляхетного корпуса. Эта трагедия имела огромный успех в России и оказала влияние на становление национального театра в России.

После «Хорева» в 1750—1751 гг. в императорском дворце кадетами корпуса были поставлены пьесы Сумарокова «Гамлет» (переделка Шекспира со счастливым концом), «Синав и Трувор», «Артистона», «Тресотиниус». Постановки заслужили одобрение Елизаветы Петровны, которая в знак особого расположения иногда сама помогала актерам наложить грим и одеться к выступлению.

В 1755 г. Сумароков поставил первую русскую оперу «Цефал и Прокрис» на музыку Франческо Арайя. Его любимым жанром были квазисторические пьесы, наводящие зрителя на размышления о российской истории. Образцами для подражания в области трагедии ему служили произведения Расина и Вольтера.

Сумароков много и очень продуктивно работал. О быстроте его пера говорит авторская пометка на одной из комедий («Тресотиниус»): «...зачата 12 января 1750 года, окончена января 13 года 1750» [15]. Среди поэтических произведений Сумарокова особого внимания заслуживают сатиры и басни.

Недолгое время (около года) А.П. Сумароков издавал собственный журнал «Трудолюбивая пчела», имевший большой успех. Название журнала точно отражало отношение самого издателя к творчеству.

Противниками Сумарокова были М.В. Ломоносов и В. Тредиаковский. Сумароков написал несколько эпиграмм, пародий и «вздорных» од, подражая одилическому стилю М.В. Ломоносова. В то же время среди его друзей и соратников были поэт и директор Московского университета М.М. Херасков, поэт и драматург В.И. Майков, автор первой шуточной литературно-полемической поэмы в России «Бой стихотворцев» Я.Б. Княжнин.

Кроме публичного русского театра Сумарокова в Москве был устроен Оперный дом (с 1759 по 1761 г.), открытый «для дворянства и всей публики». Руководил театром итальянец Ж.-Б. Локателли, который ввел систему абонементов на ложи для самых знатных посетителей оперы. Оперный дом скоро прекратил свое существование, однако внес оживление в культурную жизнь Москвы, распространил интерес к музыке и театру среди москвичей. Некоторые участники труппы Локателли стали учителями танца и вокала в дворянских семьях.

Изящная словесность «Эпохи дворцовых переворотов»

В российской литературе XVIII в. ознаменовался расцветом классицизма. Это время преобразований и реформ не только в политической сфере, но и в сфере изящной словесности и науки, время формирования новой русской литературы, время рождения российской науки.

Немцы, приехавшие в Россию, изучали русский язык сами и обучали ему своих детей. В 1731 г. В.Е. Ададуров опубликовал грамматику русского языка на немецком языке. Позже грамматика Ададурова была напечатана в шведском варианте (1750). При российской Академии наук работало постоянное Российское собрание, членом которого был В.К. Тредиаковский. Собрание разрабатывало русскую научную терминологию. (В конце века, в 1783 г., оно было переименовано в Российскую академию, ставшую центром по

А.Д. Кантемир
(гравюра, XVIII в.)

изучению русского языка и словесности.)

В XVIII в. в России стремительно развивалось переводческое дело — не все ищащие знаний и стремящиеся расширить культурный кругозор были хорошо знакомы с древними (греческим и латинским) и новыми европейскими языками. Первый русский член Российской академии наук В.Е. Ададуров сформулировал правила для переводчиков, которые требовали, во-первых, точности и полного совпадения перевода с оригиналом; во-вторых, отсутствия грамматических ошибок в переводе и соблюдения норм русского языка.

Нормы литературного русского языка начали складываться лишь в конце XVII в. Вытеснялись местные говоры, старославянский язык постепенно утрачивал свое значение, однако продолжал оказывать влияние на язык художественной прозы и поэзии.

В XVIII в. на русский язык были переведены многие произведения древних и современных авторов художественной и научной литературы. А.Д. Кантемир перевел с греческого оды Анакреонта, с французского — «Персидские письма» Ш. Монтескье; В.К. Тредиаковский — исторические сочинения француза Роллена («Древняя» и «Римская история»); ученик М.В. Ломоносова Н.Н. Поповский — оды Квинта Горация Флакка с латинского, философскую поэму «Опыт о человеке» А. Попа и трактат Дж. Локка «О воспитании детей» с английского. В процессе их работы развивался русский литературный язык: «Нет такой мысли, — сказал Н.Н. Поповский в речи в честь открытия Московского университета 26 апреля 1755 г., — кою бы по-российски изъяснить было невозможно» [26].

Кроме переводной в эти годы создавалась и оригинальная российская литература. Феофан Прокопович выпустил трак-

тат «О поэтическом искусстве», в котором, опираясь на опыт французских классицистов (прежде всего на «Поэтическое искусство» Буало), разрабатывал теоретические основы русской литературы нового времени. Он подчеркивал главные функции поэзии, образовательную и воспитательную: «Поэты сочиняют хвалы великим людям и память о их славных подвигах передают потомству... Затем многие поэты поведали о тайнах природы и о наблюдении над движением небесных светил... великий светоч ума человеческого — философия — либо рождена, либо вскормлена поэзией... Из произведений поэтов мы познаем и гражданский, и военный образ жизни... При этом поэты прививают добродетели душе, искореняют пороки и делают людей, раз они избавлены от вожделений, достойными всяческого почета и хвалы» [26].

Прокопович говорил о необходимости стройной и соразмерной системы стиха, называл искусство стихотворного размера важнейшим свойством поэзии, а стихотворную форму — «триумфальной колесницей» поэзии. Примеры в его трактате взяты из античной литературы, которую он считал образцом для подражания — в жанрах, формах, размерах и в искусстве изображения. В своей творческой практике он использовал либо русский тонический стих, либо античные метры и латинский язык.

До 30-х гг. XVIII в. в русском стихе господствовала тоника, основанная на счете ударений в строке: на любое (обычно нечетное) число слогов в стихе должно было приходиться определенное количество ударений.

Новая русская поэзия начинается с М.В. Ломоносова, он же, по сути дела, своими трудами заложил фундамент и современного литературного русского языка. Михайло Ломоносов родился осенью 1711 г. (точная дата рождения не из-

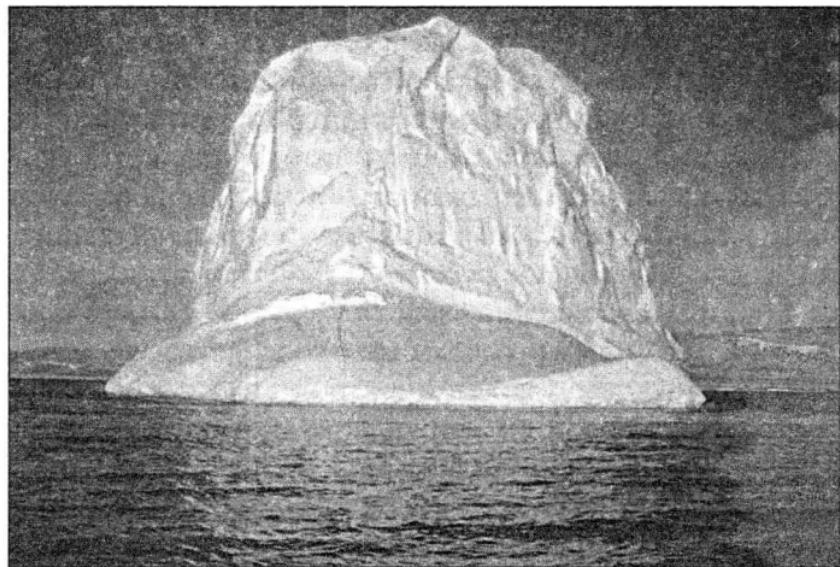
Б.Е. Ададуров (силуэт, XVIII в.)

вестна) в деревне Мишанинской, под Холмогорами на Курострове, в 80 км от Архангельска. Родителями мальчика были черносошный крестьянин Василий Дорофеевич Ломоносов и дочь дьяка Елена Ивановна Сивкова, которые, судя по записям переписных книг, обвенчались в конце 1710 г.

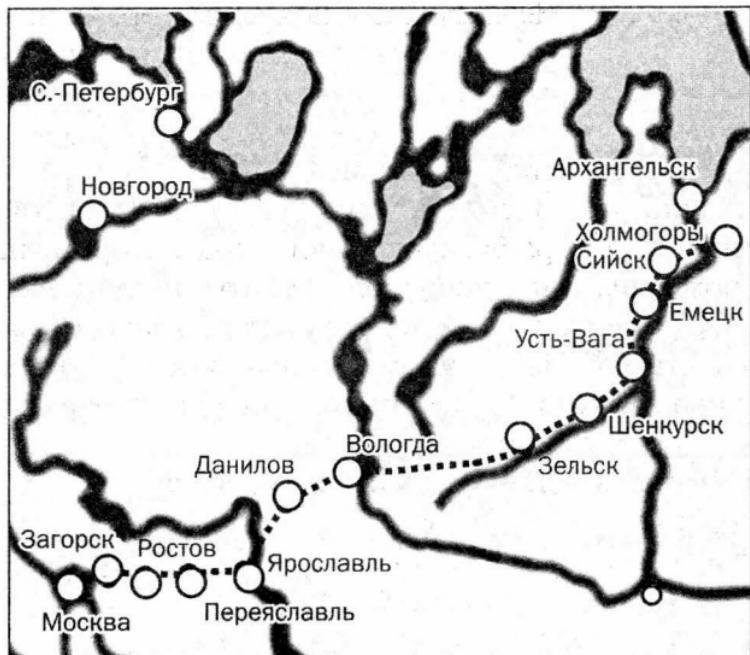
Михайло оказался первым ребенком зажиточного крестьянина помора Василия Ломоносова, которому на момент рождения сына исполнился 31 год, и единственным мальчиком в семье. Отец будущего ученого отличался наблюдательностью, большим умом и сильной волей. Занявшихся морским промыслом, он первым из поморов стал строить суда, используя в конструкции отдельные элементы, присущие конструкциям западноевропейских кораблей.

Сын унаследовал ум отца, но обладал еще большей любознательностью. Наблюдения за айсбергами, полярными сияниями и морскими животными пробудили в нем интерес к естественным наукам. Знаменитые красотой своего слога северные «старины» — былины в пересказе поморов — послужили источником интереса к русскому языку.

Ломоносов быстро пристрастился к чтению и вскоре прошел все книги, которые имелись дома, а также у знакомых (самыми цennыми приобретениями он считал «Грамматику» Мелентия Смотрицкого и «Арифметику» Леонтия Магницко-

Айсберг на Белом море

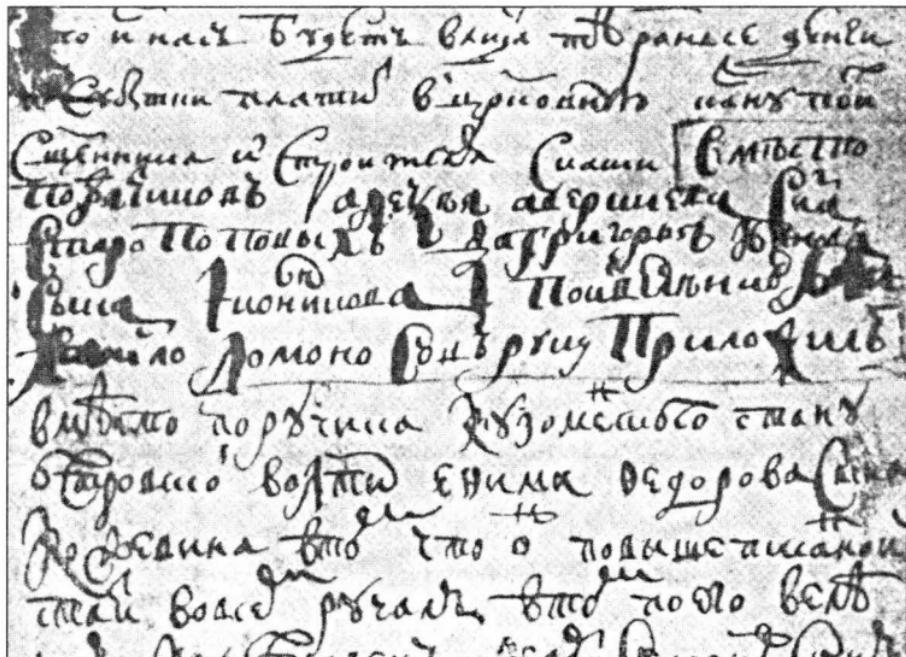

Путь М.В. Ломоносова из Холмогор в Москву

го). Накапливаемые знания Ломоносов с ранних лет приучился использовать практически. Он помогал поморам заполнять деловые бумаги, читал старикам вслух книги, учил малышей счету.

Тех знаний, которые можно было получить в небольшой деревне, для Ломоносова оказалось недостаточно. С 1723 г. он тайно подслушивал учителей, читавших лекции в Холмогорском училище, чтобы научиться говорить «по-латыни», поскольку латынь была в ту эпоху международным языком науки. (У юного Ломоносова не было в достаточном количестве бумаги, поэтому часть заметок он делал на белой подкладке своего кафтаны.)

Ближе к 19 годам Михайло уже вынашивал план порвать с семьей и бежать в Москву, чтобы поступить в Славяно-греко-латинскую академию. Отец словно угадал устремления своего первенца и решил им воспрепятствовать, попытавшись женить сына, но тот «жениться не похотел, притворил себе болезнь» [27]. Зимой 1730 г. он ушел с «караваном с мерзлою рыбой» [27], сначала сказав караванному приказчику, что хочет посмотреть на Москву, а позже признавшись, что возвращаться домой не намерен.

Образец юношеского почерка Ломоносова (1725)

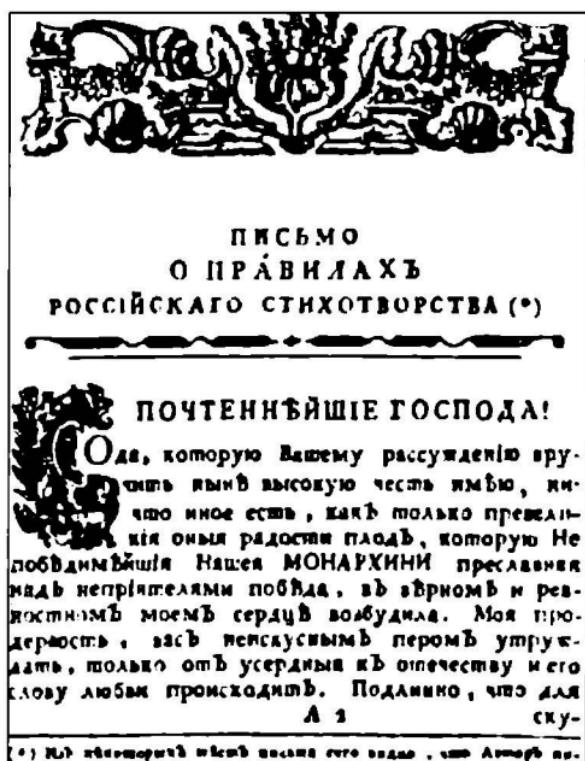
В Москве приказчик направил молодого человека к знакомому монаху из Заиконоспасского монастыря, и тот поспособствовал поступлению Ломоносова в Заиконоспасское училище, откуда в январе 1731 г. он перешел в Славяно-греко-латинскую академию. Несмотря на насмешки со стороны других учеников («смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латыни учиться» [28]), Ломоносов не утратил желания заниматься.

В 1735 г., проявив усердие и немалые способности, он был отмечен преподавателями как лучший ученик и направлен для продолжения обучения в Петербургский академический университет, откуда его в том же году командировали в Германию. Во время обучения за границей молодой Ломоносов впервые открыл в себе поэтические способности и занялся переводами с французского. После возвращения в Россию Михаил Васильевич получил должность адъюнкта академии и приступил к серьезным исследованиям, охватывавшим разные отрасли знания, включая русскую словесность.

В августе 1739 г. он выпустил «Письмо о правилах российского стихотворства», где обосновал создание стройной силлабо-тонической системы российского стихосложения. Ломоносов отмечал, что русская поэзия только начинается,

призывал поэтов учитывать особенности языка русского, его «изобильность» и «скучность», и тщательно отбирать образцы для подражания — из стихотворной практики древних и новых европейских поэтов брать лишь самое лучшее и русскому языку соответствующее.

Идея, которая легла в основу нового стихосложения, была простой и понятной: поэт обязан учитывать, что «в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки» [26]. А поскольку русский язык обилен двусложными и многосложными словами, это позволяет «без всяких нужды» ввести в русский стих не только хореи, но и ямбы, и трехсложные размеры (дактили и анапесты). «Письмо» Ломоносова говорит и о необходимости использовать в русском стихе и более вольную рифму: не только женскую, но и сочетание женской и мужской, а также трехсложные — дактилические рифмы: «оное столь же приятно и красно, коль в других европейских языках» [26].

«Письмо о правилах российского стихотворства» (гравюра, XVIII в.)

Из необработанного языкового материала-сырца, существовавшего в российской культуре до него, М.В. Ломоносову удалось создать язык, который принято называть литературным. Ломоносов разделил между собой «простой российский язык» и церковно-славянский. По степени заимствования слов и выражений из церковно-славянского языка он выделил в русском языке три «слога» или «стиля»: высокий, низкий и средний. Каждый «стиль» предназначен для своих целей, для выражения своего особого содержания. Высоким стилем писались оды, гимны, низкий, включавший в себя многочисленные заимствования из иностранных языков, из просторечья, даже диалектов, и наиболее близко стоявший к разговорному языку, использовался в комедиях.

Такое разделение соответствовало духу классицизма, господствующему в российской литературе XVIII столетия, и жестко определяло иерархические отношения «стилей», жанров, родов литературы. Реформы Ломоносова в поэзии и языке дали значительное развитие русской литературе, вплоть до XVIII в. остававшейся еще средневековой. В то же время строгие рамки классицистической системы не давали развиваться новым, уже распространившимся в Европе жанрам, например роману. Тем не менее своими теоретическими трактатами и поэтической практикой Ломоносов за два десятка лет произвел в отечественной изящной словесности значительный прорыв, тогда как в европейской культуре аналогичный процесс проходил в течение полутора-двух столетий.

Титульный лист «Краткого руководства по красноречию...»
М.В. Ломоносова (1748)

обращается к достоинствам совершенных монархов, в число которых он искренне ставил и императрицу Елизавету Петровну, а также к античному искусству. Однако каждая ода этого поэта была гораздо более емкой по своему содержанию. В произведениях Ломоносов воспевал могущество России, славу русской истории, красоты родной природы — от Балтики до Тихого океана:

*Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной [27].*

Чтобы сохранить эту красоту, чтобы способствовать «приращению наук» и процветанию искусств, по мнению Ломоносова, необходимо мирное сосуществование России и других государств. Поэтому он взывает к монархам — и в первую очередь к Елизавете Петровне — с призывом прекратить войны, «распрям положить конец» [27].

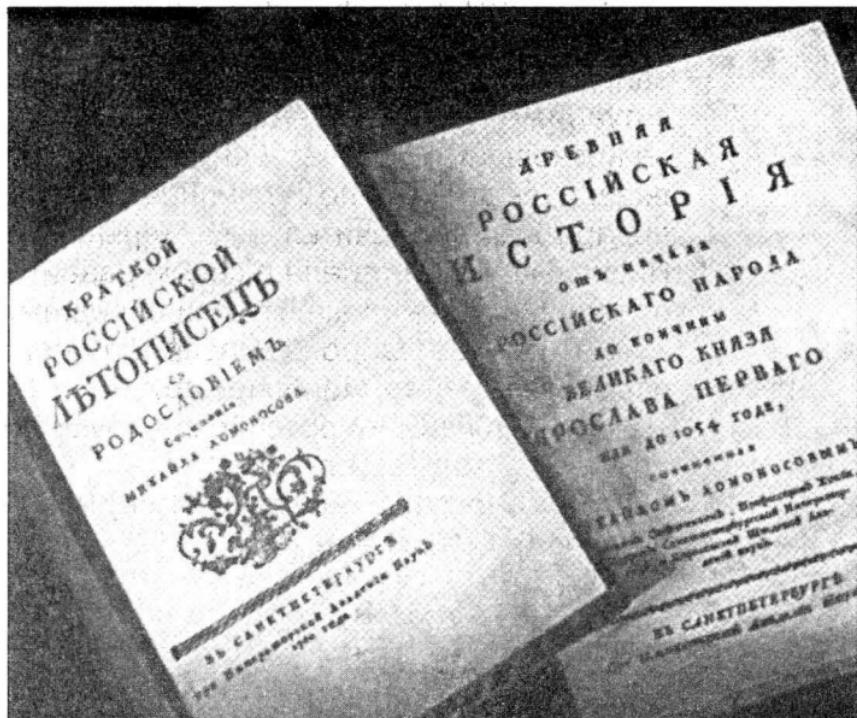
РОССИЙСКАЯ НАУКА

Именно в XVIII в. зарождается российская наука в ее классическом виде — обладающая целями, методом и программой. Первоначально движение научной мысли происходило слабо и робко, не без помощи западноевропейского опыта. Но эта ситуация сохранялась недолго. Всего за несколько лет отечественная наука оказалась достаточно сильной, чтобы подарить миру значительные открытия. Нисколько не отставала в своем развитии от теории и практика: в России середины XVIII в. получает широкое распространение изобретательство. Наиболее ярким явлением в истории российской науки того времени стала деятельность М.В. Ломоносова, с которого берет начало русское Просвещение.

Историческая наука

Ранний опыт исторического анализа приводится в древнейшей русской летописи, известной как «Повесть временных лет». Автор этой летописи — монах Киево-Печерского монастыря Нестор — недвусмысленно сформулировал свою позицию по ряду спорных исторических вопросов, причем живо полемизировал с неизвестными ныне оппонентами, которым, надо полагать, принадлежали противоположные суждения. Всплеск исторической мысли наблюдается в XVII в., что объясняется стремлением объяснить события Смуты и церковного раскола. Несмотря на это, исторической науки в России не существовало вплоть до XVIII в.: история России писалась, осмысливалась, но не исследовалась систематически и целенаправленно.

Первая попытка научного подхода к познанию прошлого Отечества была предпринята при Петре I. По царскому приказу дьяка, директор московской типографии Федор Поликарпович Поликарпов написал «Историю России» и еще не-

Титульные листы исторических сочинений М.В. Ломоносова

сколько книг исторического содержания (впрочем, главное сочинение не понравилось Петру I и не было издано).

Этот робкий опыт послужил толчком к дальнейшим изысканиям, которые приходятся на елизаветинское время. Крупнейшими фигурами той поры в области истории являлись действительный статский советник Василий Никитич Татищев, которого справедливо называют одним из первых историков, и Михаил Васильевич Ломоносов. Татищев написал обширный труд по истории Российского государства с древнейших времен до современной ему эпохи. Та же Татищеву принадлежит честь создания первой в истории мировой науки методики проведения археологических раскопок, что является очень важным достижением, поскольку сама археология в то время пребывала в зачаточном состоянии.

Ломоносову принадлежит ряд сочинений, касающихся внутренней и внешней политики в Киевской Руси. Ломоносов одним из первых осознал важность истории как идеологического оружия против русофобов на Западе. Он отчетливо видел, что многие европейцы неправильно понимают историю России, а это негативно сказывается на престиже империи в международных отношениях.

Особенно опасной ученый находил «норманнскую теорию», созданную немецкими историками Г.-Ф. Миллером и А.Л. Шлëцером. В «норманнской теории» древние славяне бы-

ли представлены примитивным народом, который вел звериный образ жизни до тех пор, пока на Русскую землю не пришли норманны (варяги) и не построили здесь города и не создали государство, получившее название Киевской Руси.

Всегда пылкий Ломоносов негодовал, такого унижения национального достоинства русских он перенести не мог: «Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то он бы Россию сделал толь бедным народом, ка-

Г.-Ф. Миллер (силуэт, XVIII в.)

ким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен» [29]. В целях защиты чести Отечества Ломоносов решился на крайнюю меру. Он, пользуясь своими связями, запретил широкое хождение сочинений Миллера и Шлётцера в России: всего несколько экземпляров этих книг имелось в библиотеке при Академии, причем разрешено пользоваться ими было лишь узкому кругу специалистов.

Примечателен живой интерес Татищева и Ломоносова к эпохам, предшествовавшим становлению Киевской Руси. Обоих историков интересовали далекие времена, когда у славян еще не было своего государства. Пытались ученые раскрыть и тайну происхождения славян, заглянуть в дославянскую эпоху. В то время взгляды светил мировой науки на происхождение народов отличались крайним примитивизмом и наивностью. Многие ученые отталкивались в своих суждениях от старинных легенд. Татищев и Ломоносов поступили иначе.

В частности, Татищев критически рассмотрел гипотезу о происхождении русских от человека по имени Рус, братьями которому приходились Лях и Чех — предки поляков и чехов. Татищев совершенно резонно рассудил, что от одного человека не может произойти целое «племя» и что легенда всего лишь подчеркивает братство разных славянских народов. Далее Татищев выдвинул предположение, что имена Рус, Чех и Лях могли носить знатные племенные вожди, по которым их народы получили прозвание русов, ляхов (поляков) и чехов. Сегодня подобные рассуждения тоже кажутся весьма наивными, но для XVIII столетия это был принципиально новый виток в развитии научной мысли.

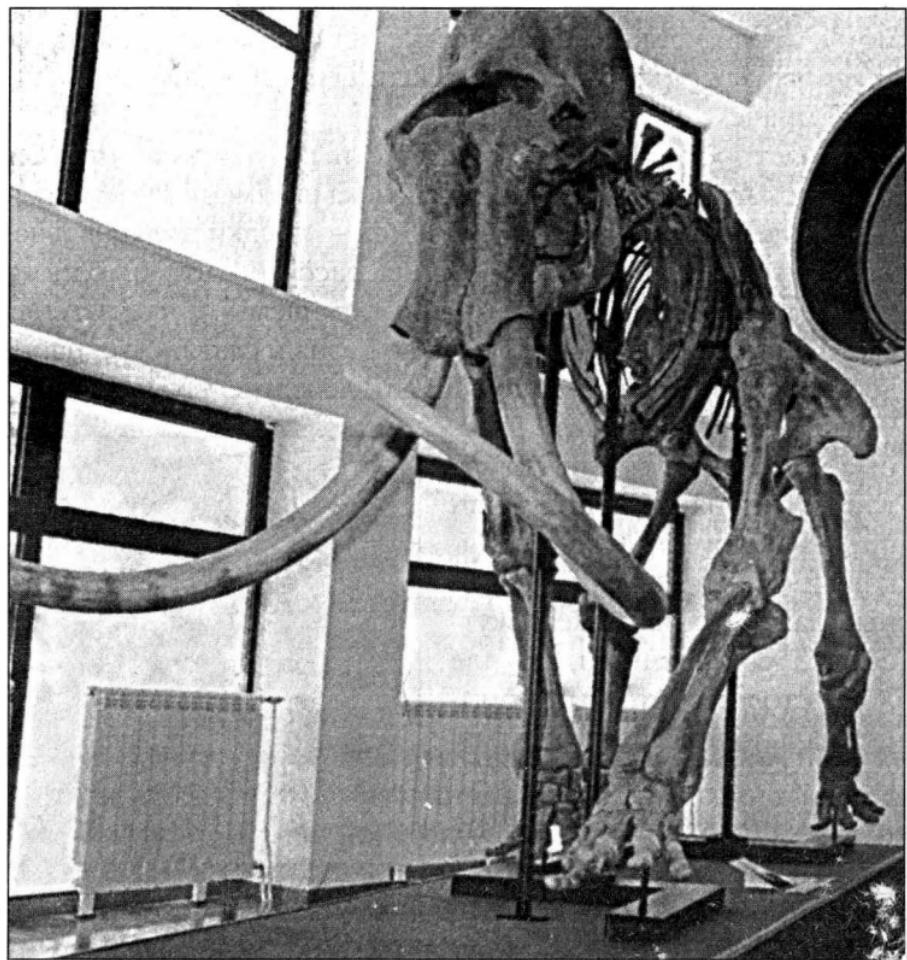
Другим важным достижением в исследованиях дописьменной истории человечества следует признать пристальное изучение условий, в которых происходило развитие чело-

А.Л. Шлётцер (гравюра, XVIII в.)

веческого общества. Например, Татищев первым попытался дать строго научное объяснение происхождению остатков мамонтов. До него западные ученые выдвигали различные фантастические версии по этому вопросу, в том числе доказывали, что кости мамонтов принадлежат слонам, которых завез с собой в Европу во время завоевательных походов Александр Македонский.

Татищев указал на то, что «слоновые» кости рассеяны по чрезвычайно большой территории, а это никак не согласуется с данными о походах Александра Великого. Более того, среди костного материала многочисленны остатки молодняка, а молодые особи были совершенно не нужны прославленному греческому полководцу. Татищев, опираясь на извест-

Скелет мамонта (современная фотография)

ные ему факты, делает смелое предположение: мамонты жили в Европе и Сибири задолго до эпохи Македонского, они — соседи ранних людей, живших во времена Ноя.

Наличие «слонов» на севере Татищев объясняет тем, что «земля имела иное положение, то есть к солнцу прямой угол, по которому по всей земле всегда равноденствие» [30]. Вторил историку и Ломоносов, который как геолог доказывал, что в бытые времена на Земле «великие жары бывали» [30].

Для середины XVIII в. это очень смелые мысли: в то время мало кто мог представить, что в прошлом наша планета выглядела как-то иначе и жизнь древних племен протекала в условиях, резко отличающихся от современных.

Научным подвигом можно назвать уже одно то, что Ломоносов и Татищев назвали скелеты мамонтов «слоновыми»: многие ученые мужи из Европы в то время склонны были видеть в них остатки великанов. Палеозоология — наука о древних животных — зародилась лишь на рубеже XVIII—XIX вв. в трудах французского естествоиспытателя Ж. Кювье. Впрочем, эта смелость в построении гипотез объясняется значительным успехом естественных наук в России.

Медицина в новое время

Возросший интерес к человеку в первой половине XVIII в. стал причиной того, что «эпоха дворцовых переворотов» оказалась временем, когда в России зародилась не только история, но и научная медицина, которая находилась на стыке естественных и социальных наук. Медицина существовала на Руси с древнейших времен — но исключительно как совокупность практических навыков по защите здоровья человека. Говорить о наличии медицинских исследований, включая теоретические изыскания, можно лишь имея в виду отдельные периоды русской истории, когда у власти оказывались князья, покровительствовавшие наукам. С наступлением Смуты (начало XVII в.) из-за политической нестабильности и затяжного экономического кризиса эта отрасль знания постепенно угасла.

Естественно, у истоков отечественной медицины первоначально стояли иностранцы, приглашенные на службу

Н. Бидлоо (с гравюры XVIII в.)

в Россию. Одним из основоположников русской медицинской науки принято считать голландца Николая Бидлоо, выпускника Лейденского университета. Он был приглашен в Россию еще в 1706 г. Петром I и проработал здесь до самой смерти (1735 г.).

По инициативе Бидлоо в 1707 г. в России была открыта первая Госпитальная школа. В 1733 г. по ее образцу были основаны еще три аналогичных учебных заведения, а в 1758 г. добавилось четвертое. Две школы были построены

в Петербурге при сухопутном и адмиралтейском госпиталях, еще одна — в Кронштадте при адмиралтейском госпитале, последняя — в Барнауле при Колывано-Воскресенском горнозаводском госпитале. Таким образом, развитие отечественной медицины в первую очередь стимулировалось нуждами армии: для поддержания военной мощи империи требовалось беречь здоровье солдат.

В 1754 г. был зарегистрирован высокий уровень смертности среди бойцов кизлярского гарнизона. Для выяснения причин и проведения экспертизы в Кизляр был направлен врач В.Я. Гевитт. Возвратившись в 1755 г. в Петербург, Гевитт обнародовал отчет, в котором доказывал связь высокого уровня смертности с тяжелыми условиями службы, чрезвычайной антисанитарией в гарнизоне, низким качеством пищи и неудовлетворительным уходом за больными и ранеными в лазаратах.

Во время поездки Гевитта было проведено фактически первое в истории мировой медицины медико-топографическое исследование. Оно планировалось с учетом данных, накопленных русским историком В.Н. Татищевым, который обладал также обширными познаниями в области географии. Как географ Татищев в 1734 г. составил анкету «Предложение с вопросами», которую разослал по провинциальным и губернским канцеляриям Казанской губернии и Сибири. Среди прочих в анкете содержались вопросы, позволяющие выяс-

нить условия, в которых проживает население этих регионов страны. Такие данные были необходимы ученому, чтобы выяснить, какие природные и экономические факторы способствуют естественному приросту численности населения, а какие препятствуют, в значительной степени повышая смертность.

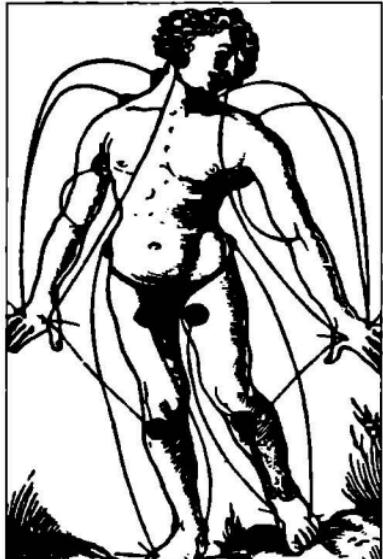
Инициатором исследования Гевитта и составителем программы исследований, которые тот должен был провести, был тогдашний президент медицинской коллегии П.З. Кондоиди. Он разработал и внедрил рациональную систему организации здравоохранения и медицинского образования в Российской империи. До его назначения президентом медицинской коллегии в 1753 г. отечественная медицина существовала по тем принципам, которые были заложены Бидлоо.

Однако Бидлоо работал в стране, в которой еще только предстояло внедрять зачатки европейских медицинских взглядов и методов. Поэтому предложенная им система здравоохранения не могла использоваться долго: она была выгодна лишь на начальном этапе, а затем оказалась неудобной и даже хаотичной.

Так, профессиональная подготовка врачей длилась неопределенный по продолжительности срок — обычно 7 лет, реже 5, что зависело от успеваемости учеников и целей, которые преследовал преподаватель. Ученики овладевали знаниями главным образом на практике, слабо занимаясь теорией: будущие врачи ухаживали за больными, выполняли несложные операции, несли дежурства, проводили перевязки и т. д. Практические занятия дополнялись посещением анатомического театра, где иногда устраивались «репетиции», то есть тренировочные операции на трупах.

Здание Академии наук
в Санкт-Петербурге
(современная фотография)

Старинная схема расположения точек пережатия сосудов при кровотечении

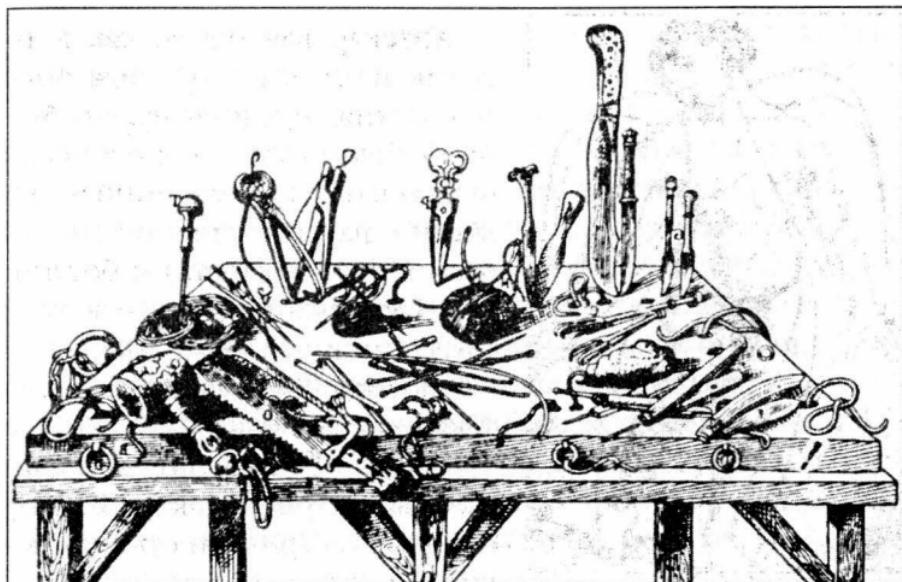
питалях, занятия с трупным материалом были практически невозможны).

Основательно овладеть теоретическими знаниями будущим врачам было трудно не только из-за нехватки специалистов: в России катастрофически не хватало учебников. Долгое время заниматься приходилось по «лекционам» — конспектам лекций и бесед с преподавателями. Первые учебники появились лишь в 1740-х гг., причем в весьма ограниченном количестве. Тогда же в госпитальных школах началось преподавание латинского языка. Вплоть до этого времени студенты не изучали латынь (медицины набирали себе в ученики главным образом семинаристов, которые уже знали основы). Однако и с началом преподавания профессионального языка медицины занятия проводил не квалифицированный педагог, а наиболее преуспевающий в учебе «студиоз».

Созрела объективная необходимость в реформировании медицинской службы. В середине XVIII в. Кондоиди приступил к радикальному изменению существовавших до него порядков. В первую очередь, пользуясь своими обширными полномочиями, он изменил систему медицинского образования. Он ввел семилетнее обучение по научно разработан-

Аптекарская наука, как в то время называлась будущая фармакология, представляла собой необобщенную теоретически формальную сумму знаний из области фармакогнозии (науки о свойствах лекарств) и ботаники. Изучалась она также в ходе практических работ: «студиозусы» посещали так называемые аптекарские огороды.

Трупы поставлялись в госпитальные школы редко, поэтому о форме и строении органов человеческого тела студенты судили главным образом по рисункам (до 1735 г., когда указом Анны Иоанновны была разрешена аутопсия — вскрытие умерших в гос-

Стол с медицинскими инструментами
(из средневекового трактата)

ной программе с обязательной сдачей экзаменов. Программа включала в себя физиологию, педиатрию, гинекологию и акушерство. Образовательный процесс был дополнен клиническим изучением пациентов (с составлением истории болезни и т. д.).

Кондоиди во множестве выписывал из Европы медицинские журналы, учебники и справочные пособия. Ему удалось получить ассигнования на закупку большого количества литературы, составившей основной фонд первой русской медицинской библиотеки, открытой в 1756 г. Последние годы жизни (с 1755-го по 1760-й) Кондоиди посвятил организации школ «повивального искусства» (родовспоможения).

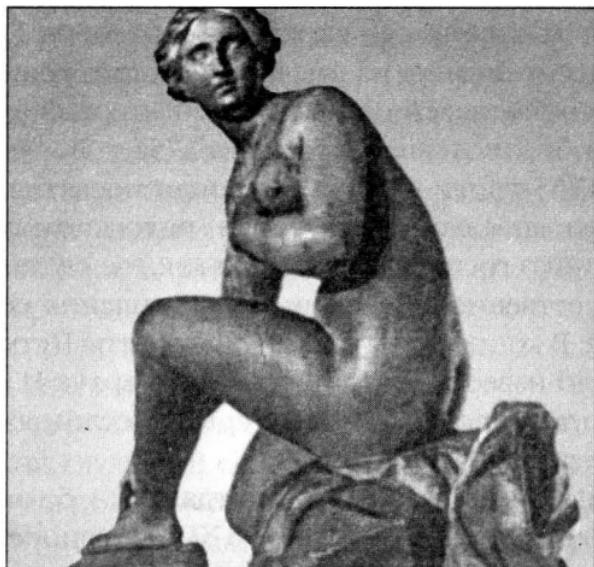
Выпускники госпитальных школ многое сделали для развития отечественной медицины и укрепления ее научного авторитета. В конце царствования Елизаветы Петровны всей Европе было известно имя московского врача И.Л. Данилевского, который провел одно из первых исследований социально-гигиенического характера.

Традиции гигиены на Руси всегда были более развиты, чем на Западе. Известно, что даже в XVIII в. европейские аристократы пользовались «блохоловками» — носили на себе полоски меха, который должен был отвлекать блох, досаж-

давших знатным господам. В отличие от русских они редко посещали бани. В богатых домах и даже дворцах (например в прославленном Версале) не имелось туалетов: нормой жизни вельмож считалось справлять нужду на улице, а в непогоду — в камин или на ковер.

На Руси издавна существовала традиция посещать баню, а в доме любого состоятельный семейства непременно имелась уборная. Русская баня служила не только местом для омовений, но и своеобразной лечебницей: в баню шли, чтобы закалять организм или изгонять из него разную «хворь». Знатоки банного дела во время пребывания в парной прибегали к особой массажной технике — хвощеванию с помощью веников (веник подбирался из веток того дерева, которое обладало большей целебной силой против конкретного недуга).

Из гигиенических соображений в начале XVIII в. властями был издан ряд указов о надзоре за пищевыми продуктами — условиями их хранения и продажи. Вполне закономерно, что гигиеническая наука оформилась именно в России, где существовали для этого необходимые предпосылки. Данилевский, опираясь на накопленный уже опыт, стремился распространить гигиенические нормы и здоровый образ жизни на все слои населения.

Купальщица (скульптор И.В. Кузнецов)

Ученый стремился сделать гигиену четко организованной и обязательной, вывести за рамки традиции, создать науку, предметом которой стало бы здоровье всего общества. Эту мысль он наглядно развернул в докторской диссертации «Государственная власть — самый лучший врач, или О наилучшем медицинском управлении».

В своем труде Данилевский доказывал, что ответственность за соблюдение народом гигиенических норм лежит преимущественно на государстве, которое обязано принимать меры по улучшению условий жизни населения, заботиться о здоровье каждого из своих граждан. Он описал все важнейшие социально-гигиенические мероприятия, которые следует проводить властям, чтобы снизить заболеваемость и смертность, повысить рождаемость.

В числе наиболее значимых из них ученый называл повышение санитарно-гигиенической культуры населения, считая санитарное просвещение лучшим способом профилактики заболеваний и борьбы с ними. Более всего Данилевского беспокоила забота о подрастающем поколении. По мнению врача, государство должно взять под свой контроль эту область здравоохранения, способствуя организации родовспоможения и охраны здоровья детей. Труд московского врача в 1760 г. был опубликован в немецком городе Геттингене.

В XVIII в. понятия инфекции не существовало: хотя микроорганизмы были открыты с помощью микроскопа еще в XVII столетии (голландцем А. ван Левенгуком в 1676 г.), этих «анимакулусов» — буквально «зверьков» — никто не связывал со страшными эпидемиями, уносящими тысячи жизней. При этом меры гигиены многим казались надуманными, бессмысленными и бесполезными.

Прогрессивные взгляды Данилевского опередили медицинскую мысль XVIII в. и произвели настоящую революцию в мировой науке. Трактат русского медика был включен в сборник наиболее важных медицинских сочинений «Delecta opuscula» («Лучшие сочинения»), составленный известным австрийским просветителем и клиницистом И. Франком. Популяризация Франком принципов русской гигиены способствовала тому, что европейские ученые открыли существование инфекционных заболеваний.

Портрет и подпись-автограф
И. Франка (гравюра, конец
XVIII в.)

Развивая идеи Данилевского, Франк углубился в другую отрасль знания — политическую экономию, где стал одним из родоначальников принципиально нового направления — камерализма. Прежде экономисты разделялись на две группы в соответствии с принятыми у каждой из них приоритетами ценностей: меркантилисты видели источник богатства в деньгах, физиократы — в сельскохозяйственном и мануфактурном производстве.

Создавшие новое направление в этой науке камералисты провозгласили главным богатством каждого государства «многочисленное и здоровое население» [27], то

есть достаточное количество рабочих рук и здоровье участвующего в производстве населения. Согласно идеям камералистов правительство, чтобы сделать свою страну богатой и процветающей, обязано ввести службу «медицинской полиции», охраняющей здоровье трудящегося населения. Настольной книгой камералистов стало девятитомное сочинение И. Франка «Полная система медицинской политики», которое он писал с 1799 по 1819 г. Таким образом, идеи русской медицины привели к появлению в Европе совершенно нового взгляда на ценность человеческой жизни, здоровья человека, нового принципа оценки общественных отношений.

Для русской медицины первой половины XVIII в. вообще характерно опережение мировой научной мысли в некоторых отраслях знания. Например, на Западе прозекторская служба сложилась лишь после 1761 г., что связано с работой профессора практической медицины Падуанского университета (Италия) Дж. Морганьи. До него трупный материал изучался в моргах лишь для общего ознакомления с анатомией человека и для овладения хирургическими приемами.

Основываясь на отдельных наблюдениях предшественников и собственном опыте, Морганьи доказал, что трупный

материал подсказывает причину болезни, приведшей к смерти, надежнее, чем другие методы медицины. Он назвал вскрытие способом понять природу болезни. Свои взгляды Морганы изложил в трактате «О местонахождении и причинах болезней, обнаруженных путем рассечения» (1761), в котором предложил наиболее эффективный метод аутопсии, описал правила корректного составления протокола вскрытия и сведения всех накопленных протоколов в целостную систему. Таким образом выявляется место, где обычно гнездится недуг (в представлении Морганы каждая болезнь склонна выбирать в организме определенное место, где и вызывает характерные изменения тканей или целых органов).

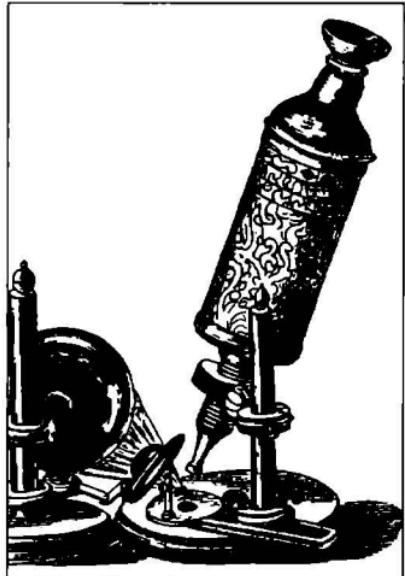
Спустя несколько лет успехи патологической анатомии, вооруженной методом Морганы, привели к возникновению при госпиталях и моргах особой прозекторской службы, которая занималась уточнением диагноза по трупному материалу.

Однако в России прозекторская служба начала складываться уже в 1730-е гг., что связано с появлением в 1735 г. «Генерального регламента о госпиталях». Согласно этому документу вскрытие трупов (пусть даже более редкое в сравнении с европейскими моргами и лечебницами) проводилось в том числе и в целях уточнения диагноза и накопления материалов о проявлении разнообразных болезней.

Другим существенным достижением российского здравоохранения является открытый в середине столетия (в 1758 г.) в Барнауле горнозаводский госпиталь, который был создан в связи с необходимостью восстановления здоровья работников — преимущественно крепостных, трудившихся на металлургических и прочих горных заводах. Понятия производственных заболеваний тогда в мировой науке еще не

Портрет и подпись-автограф
Дж. Морганы
(гравюра, XVIII в.)

Микроскоп.
(гравюра XVIII в.)

существовало. Оно возникнет лишь ближе к концу XVIII в., тогда же в Европе начнет активно пропагандироваться охрана труда. Таким образом, российская медицинская наука значительно раньше, чем на Западе, обратила внимание на высокую заболеваемость среди рабочих фабричного производства и на специфику их болезней.

Российские власти в первой половине XVIII в. не только не препятствовали развитию медицины, но, напротив, принимали активные меры к увеличению числа врачей и повышению качества их услуг. Например, им-

ператрица Анна Иоанновна в 1737 г. издала указ, который предписывал магистратам крупнейших городов государства, не считая столиц, содержать за счет городской казны так называемых городовых врачей. Вскоре такие врачи появились в Твери, Пскове, Великом Новгороде и Ярославле, а к 1756 г. еще в 26 городах (впрочем, указ предполагал, что городовых врачей должны иметь 56 городов).

Естественные науки и изобретательство

Перед первым поколением русских ученых открывалось обширное поле деятельности. Справиться со стоявшими перед ними задачами на первых порах было невозможно без помощи западных ученых. Не случайно поэтому среди ученых того времени было много иностранцев. В Академию наук входило немало почетных иностранных членов, в том числе деятели французского Просвещения Вольтер и Д. Дидро, немецкий философ И. Кант, немецкий писатель и поэт, ученый-естественноиспытатель И.В. Гете, американский государственный деятель, автор трудов по экономике, электричеству, изобретатель молниепровода Б. Франклин и другие.

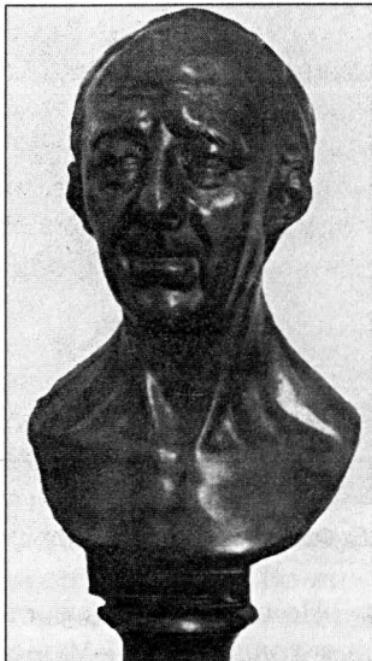
Но несмотря на это, русская наука воспринималась отечественными учеными как нечто вполне самостоятельное. К слову, большинство западных ученых, приезжавших по приглашению в Россию вести различные изыскания, старались способствовать прогрессу как мировой, так и российской науки, видели своим долгом приумножить славу Петербургской академии.

Действительным членом Академии наук был швейцарец Л. Эйлер (1707—1783), автор более 800 работ по разным научным дисциплинам, от астрономии и физики до кораблестроения и теории музыки. Несмотря на свои разносторонние интересы он снискал мировую славу как математик. Самые знаменитые его труды посвящены математическому анализу, геометрии и теории чисел, даже современной тригонометрии.

В России в разное время в XVIII столетии работали математики Х. Гольдбах и Г. Бюльфингер, участвовавший в создании Физического кабинета при Российской АН. Много сделал для развития русской науки работавший в Петербурге физик Д. Бернулли, именем которого назван один из законов гидродинамики (науки о движении жидкостей).

В числе прочих знаменитых иностранцев, которые какое-то время занимались учеными изысканиями в России, следует назвать доктора К.Ф. Вольфа, одного из основоположников эмбриологии (наука о зародышевом развитии) и основателя учения об индивидуальном развитии организмов — онтогенезе. Существует обоснованное предположение, что Вольф оказался первым ученым, который в истории отечественной медицины осуществил переливание крови.

В середине XVIII в. в России активно проводились исследования по электричеству, организованные лифляндцем Георгом-Вильгельмом Рихманом и Михаилом Васильевичем

Л. Эйлер (бюст, XIX в.,
с портрета работы
Ж.-Д. Рашетта)

Б. Франклин

Ломоносовым. Оба ученых уделяли особое внимание атмосферным электрическим явлениям, а для проверки своих идей ставили опыты в лаборатории.

В первой половине XVIII в. учение об электричестве находилось в зачаточном состоянии, а теории атмосферного электричества не существовало вовсе. Лишь в 1716 г. знаменитый английский физик И. Ньютона попытался обосновать волновавшую многих гипотезу о том, что молния — это огромной величины электрическая искра.

Но страсти начала столетия быстро улеглись после опытов голландца П. Мушенбрека, изобретателя «лейденской банки» (конденсатора). Мушенбрек пришел к заключению, что молния не имеет ничего общего с электричеством. Раболепие перед авторитетами в ученых кругах было столь велико, что никто не подумал спорить с выдающимся физиком. На исследования американца Б. Франклина в Европе просто не обратили внимания. Лишь один «чудак» — француз Т. Далибар в мае 1752 г. отважился проверить справедливость Франклина и попытался сконструировать громоотвод.

Эти опыты привлекли внимание Рихмана, который в том же году начинает проводить собственные эксперименты. Он построил «громовую машину» для наблюдения электрических явлений в лабораторных условиях и снабдил ее электрометром собственной конструкции. Электрометр показывал наличие тока в электроде как во время грозы, так и во время работы «громовой машины». Рихман приходит к выводу, что «электрическая материя одинакова с громовою материей» [27].

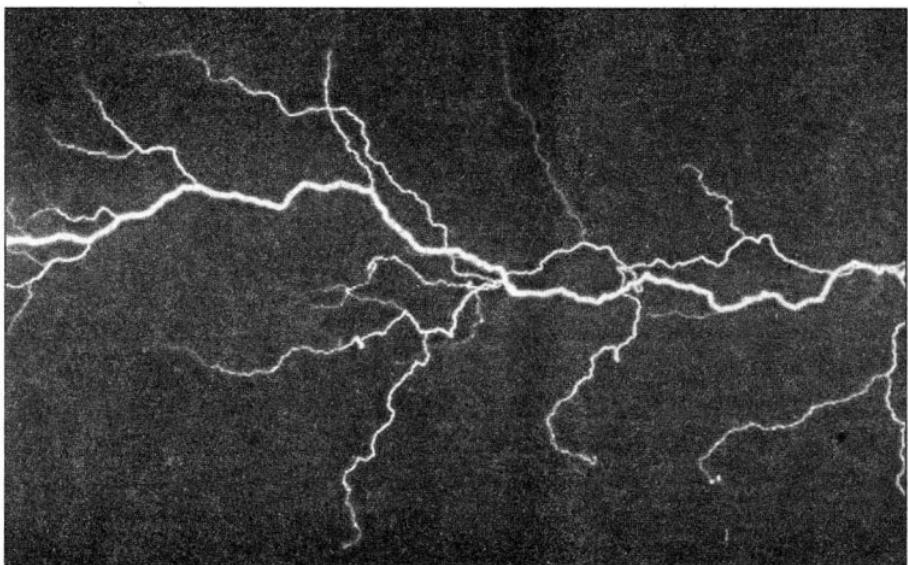
Рихман заметил ряд явлений, которые, по его мнению, указывали на тесную связь электричества и магнетизма, а также свидетельствовали о существовании вокруг наэлектризованных тел, как бы сказал современный физик, электрического поля. Однако дальнейшие исследования, призванные подтвердить справедливость гениальной догадки,

проводены не были. Великие открытия, совершившие переворот в науке, произошли лишь почти спустя сто лет после исследований Рихмана. Причиной этого была трагическая смерть ученого.

Рихман оказался одним из тех, кто принес свою жизнь в жертву науке. 26 июля 1753 г. он с Ломоносовым присутствовал на заседании Академического собрания, когда на небе показалась грозовая туча. Поскольку заседание все равно подходило к концу, Рихман и его друг попросили отпустить их и побежали к своим лабораториям, чтобы воспользоваться благоприятной возможностью изучать «электрическую материю».

Эти наблюдения были очень опасны. Во-первых, оба исследователя имели смутное представление о свойствах электрического разряда, а значит, не могли себя защитить. Во-вторых, оборудование лабораторий оставляло желать лучшего. Из-за нехватки средств невозможно было заказать постройку машины по чертежам, так что ученые собрали свои устройства самостоятельно, используя любые оказавшиеся под рукой материалы. Например, Ломоносов употреблял в качестве проводника топор.

По свидетельству художника И. Соколова, который намеревался изобразить опыты Рихмана на гравюре, ученый, про-

Разряд молнии (современная фотография)

верив показания электрометра, решил, что гроза еще далеко. Поэтому Рихман обращался с техникой без опаски. Он слишком близко подошел к шесту, предназначенному для «стекания» атмосферного электричества, и в этот момент «из прута, без всякого прикосновения, вышел бледно-синеватый огненный клуб, с кулак величиною, шел прямо ко лбу г. профессора, который в самое то время, не издав ни малого голосу, упал назад на стоящий позади его у стены сундук» [27]. По всей видимости, естествоиспытателя убила шаровая молния.

Ломоносов, узнав о гибели Рихмана спустя несколько минут после трагедии (ему послали с горькой вестью одного из слуг ученого), был сокрушен горем, однако поспешил написать письмо своему покровителю И.И. Шувалову. Главной целью письма было просить графа о материальной помощи вдове Рихмана, но между строк читается и другая цель — спасти начинания смелого физика. Ломоносов боялся, что придворные бюрократы, которые всячески мешали Рихману в работе, теперь попытаются запретить исследования электричества. Ломоносов желал, чтобы «сей случай не был протолкован противу приращения наук» [27].

Ученый оказался прав в своих опасениях. Даже покровительствовавший Академии граф М.И. Воронцов «ненавидел электрическую машину» [27]. Ломоносову с большими трудностями удалось продолжить дело Рихмана. Передовые ученые того времени (Л.Эйлер и другие) поддержали Ломоносова и приняли многие идеи Рихмана.

Открытие русскими Аляски

Академия наук разработала проекты и осуществила многочисленные экспедиции на север России. Значительным достижением стало путешествие натуралиста и ботаника И.Г. Гмелина по Западной и Восточной Сибири (в 1733—1743 гг.), результатом которого явился четырехтомный труд «Флора Сибири». Гмелин, немец по происхождению,

подорвал здоровье в этой экспедиции, был вынужден бросить работу в России и отправиться лечиться на родину. Многие русские ученые не поверили в болезнь Гмелина и негативно отнеслись к его поступку.

Ломоносов, хорошо знавший Гмелина, полагал, что тот просто совершил ошибку. Он посыпал Гмелину письма, в которых настойчиво убеждал ученого одуматься и вернуться в Россию, чтобы отработать весь срок по контракту, поскольку в противном случае тот может серьезно навредить собственной репутации. Немецкий ученый продолжил работу, оставаясь в Германии, он обрабатывал собранный в экспедиции материал и отсыпал отчеты в Петербургскую академию наук. Его наиболее важный труд «Флора Сибири» был написан именно таким образом.

Кроме того, Академия организовала первую и вторую (Великую Северную) Камчатские экспедиции под руководством офицера русского флота, датчанина по происхождению, Витуса Беринга (1725—1730, 1732—1741), участники которых исследовали, описали и нанесли на карту Тихоокеанское побережье Северо-Восточной Азии и побережье Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея.

Путешествие Беринга, которого русские мореходы называли «Витязем» по звунию с именем, было запланировано еще Петром I, подписавшим 23 декабря 1724 г. указ о снаряжении экспедиции с целью окончательно выяснить, соединяется ли Азия с Америкой. Плавание началось 8 июня 1728 г. в Нижнекамчатске, куда путешественники добирались наземным путем через всю Сибирь. В ходе первой экспедиции было описано побережье Чукотки и открыт остров Диомида (входящий, как позже выяснилось, в состав архипелага, впоследствии названного островами Гвоздева). Главная задача не была выполнена

Путешествие
В. Беринга

из-за плохих погодных условий: наличия или отсутствия сухопутного моста между континентами определить не удалось. После окончания путешествия Беринг разработал план дальнейшего исследования северных районов Сибири и поиска морского пути в Америку.

Вторая Камчатская экспедиция, исследуя возможный морской путь в Японию и Америку, открыла Северо-Западное побережье Северной Америки и составила его научное описание. Исследователи получили неопровергимые доказательства того, что Америка и Азия разделены водной преградой (проливом, впоследствии названным в честь Беринга). Помощник Беринга А.И. Чириков составил первую карту северной части Тихого океана (Северной Пацифики).

В Великой Северной экспедиции принимал участие русский мореплаватель В.В. Прончищев (1702—1736), руководитель Ленско-Енисейского отряда. Вместе с ним в плавании участвовала его супруга — первая полярная путешественница Т.Ф. Прончищева.

В ходе Второй Камчатской экспедиции естествоиспытатель Г.В. Стеллер (1709—1746) изучил животный и растительный мир Алеутских и Командорских островов, Аляски и Камчатки. Он описал ряд неизвестных и малоизвестных научному

миру морских млекопитающих (сивучей, каланов, северных морских котиков) в фундаментальном труде «О морских животных».

Стеллер — первый и единственный натуралист, который видел в естественной среде обитания морскую корову, полностью истребленную в эпоху первоначального исследования и освоения Севера (в середине XVIII в.). Это животное, родственное дюгоням и ламантинам, получило название по имени первооткрывателя — «стеллерова корова». Среди исчезнувших представителей животного мира, которых наблюдал и описал Стеллер на острове Беринга, —

Окновый баклан
(реконструкция
по зарисовкам Стеллера)

очковый (стеллеров) баклан, через сто лет также полностью истребленный.

Это путешествие закончилось трагически для Беринга. 20 июня 1741 г. его судно («Святой Петр») во время бури было выброшено на сушу и серьезно повреждено. Корабль пришлось полностью перестраивать. Сам Беринг заболел и скончался, так и не вернувшись в Петербург. Командование принял на себя лейтенант С. Ваксель.

Спустя несколько дней обновленный «Святой Петр» вновь оказался на воде, и моряки добрались до Петропавловска, куда немногим ранее прибыло второе судно экспедиции — корабль Чирикова «Святой Павел», матросам которого тоже пришлось испытать и непогоду, и голод. Чириков составил первое в истории географии описание Командорских и Алеутских островов. В этой экспедиции он потерял несколько человек из своей команды, которых 15 июля отправил за пресной водой на берег Америки. Высланные Чириковым две шлюпки двигались на огни, видневшиеся в тумане, после чего бесследно пропали. Существует предположение, что моряки обнаружили старинный поселок русских промышленников, в существование которого верят многие историки. Спустя много лет (в 1793 г.) потомков, возможно, именно этих промышленников видел английский капитан Дж. Ванкувер.

Событием в истории российского изобретательства стала отливка в 1733—1735 гг. гигантского колокола, получившего название «Царь-колокол». Он и сегодня является самым большим колоколом в мире. Императрица Анна приказала отлить чудо-колокол, по ее распоряжению началась подготовка. Отливку поручили Ивану Федоровичу Моторину, потомственному московскому мастеру литейного дела.

Он уже имел опыт работы с большими колоколами: изготовленный им «Набатный колокол» весом почти в две тонны висел на Царской башне кремлевской стены. В 1731 г. был составлен окончательный проект, выбрано место отливки — десятиметровую литейную яму подготовили между Чудовым монастырем и колокольней Ивана Великого. Стены ямы укрепили дубом и кирпичом, установили глиняную болванку с формами будущего колокола, который должны были украшать надписи и рельефные изображения. На подготовитель-

Царь-колокол (фотография, XIX в.)

ные работы и утверждение проекта Московской сенатской конторой ушло три года.

Отливка Царь-колокола заняла целый год. После смерти мастера Ивана Моторина в 1735 г. отливку закончил его сын Михаил, который с самого начала участвовал в работе в качестве помощника. По распоряжению нового мастера (Моторина-младшего) были подготовлены дополнительные печи для плавления металла, в распоряжении литейщиков было 20 416 кг нового металла, множество обломков от старых колоколов, запас красной меди и олова для получения качественной бронзы.

Но через 2 дня после начала плавки вышли из строя печи, металл потек на землю. При введении в процесс запасных печей произошел взрыв, который уничтожил все деревянные конструкции. Наконец 25 ноября 1735 г. работа над огромным колоколом весом почти в 202 т, высотой и диаметром более 6 метров была завершена.

Еще год потребовался для украшения чудо-колокола. Однако в результате возникшего в Кремле сильного пожа-

ра находившийся в литейной яме колокол был сильно поврежден, когда его поливали водой (в нем обазовалось десять трещин, а от тела колокола откололся кусок весом около 11 т).

Знало XVIII столетие и другие поразительные изобретения. Еще в царствование Петра I в 1724 г. русский купец Гре-

Лишь в XIX столетии Царь-колокол подняли из литейной ямы и возвели на постамент. Этим проектом руководил французский архитектор О. Монферран. Имя художника, разработавшего декор, который украшает колокол, не сохранилось.

бенщиков основал в Москве первую фарфоровую фабрику. Он проводил опыты по изготовлению фарфора и фаянса, правда безуспешные. По заданию царя агенты пытались выведать секрет производства фарфора в Германии, но тоже неудачно. Не помогли и приглашенные из-за границы специалисты. Разрешить проблемы, связанные с организацией нового производства, удалось Дмитрию Ивановичу Виноградову (ок. 1720—1758), сведущему в химии, горном деле, минералогии.

Он родился в Суздале, специальную подготовку получил в Германии, в Саксонии, где работали известные химики и горные мастера. Вместе с Ломоносовым и Р. Райзером он был направлен туда по распоряжению Анны Иоанновны в 1736 г. и получил диплом «бергмейстера» (горного мастера). Виноградов разработал технологию производства, оптимальный состав фарфоровой массы, специфику обжига готового фарфора. На опыты ушел весь остаток жизни — начиная с 30 января 1746 г., когда ученый приступил к работе, и до его смерти в августе 1758 г.

Работа русского изобретателя фарфора тоже связана с тайной, как и многое в истории производства фарфора. Виноградов зашифровывал записи рецептуры фарфора, использовав сокращения и иностранные языки — итальянский, латинский, древнееврейский.

Уже в марте 1753 г. «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали объявление, извещавшее, что фабрика принимает заказы от частных лиц на фарфоровые табакерки. Это свидетельствует о том, что опыты Виноградова оказались

успешными. Русский фарфор был создан в результате долгого научного поиска, на основе анализа данных многочисленных опытов.

В работе принимал участие и М. Ломоносов, правда, его вклад в исследование и разработку технологии изготовления фарфора был незначителен. Но история распорядилась несправедливо: имя Д.И. Виноградова было практически забыто, об изобретателе русского фарфора не вспомнили при создании Императорского фарфорового завода, который был назван в честь М.В. Ломоносова.

Горное дело в России на протяжении XVIII в. оставалось лишенным развитой теоретической базы. Оно представляло собой некую сумму прикладных знаний, пока еще не упорядоченных, не выстроенных в систему, фактически пребывавшего на уровне ремесла. Впрочем, винить в этом именно русских ученых нельзя, поскольку в Западной Европе горное дело в XVII в. находилось не в лучшем состоянии. Лишь в Германии на горных выработках близ города Фрейберга в середине XVIII в. стали практиковаться первые в мире горные инженеры.

Золотая табакерка инкрустированная уральскими самоцветами (XVIII в.)

Становление русской геологической мысли в XVIII в. связано с «золотой лихорадкой», охватившей рудознатцев Урала. В 1740-х гг. здесь удалось открыть несколько золотоносных месторождений. Заинтересованные в дальнейшей планомерной разведке богатств в недрах Уральских гор чиновники Берг-коллегии попытались организовать «рудяной сыск» на научной основе. Президент Берг-коллегии И.А. Шлаттер в своем выступлении в 1745 г. сформулировал лозунг, под которым должна была протекать дальнейшая работа его учреждения: «Благословенная Россия, которая такие великие сокровища в своих недрах заключает; да процветает в тебе совершенная горная наука!» [27].

Не только золото было двигателем прогресса. В начале 1740-х гг. в Северном Предуралье была обнаружена нефть. Промышленник Ф. Прядунов в 1745 г. принял разрабатывать нефтяное месторождение на реке Ухте, где построил завод по производству керосина. Его завод стал одним из первых в мире нефтеперерабатывающих производств.

Далеко не все проблемы на пути российской науки и изобретательства были обусловлены нехваткой денежных средств и специалистов. Значительные помехи для их развития создавали чиновники — бюрократы и просто завистники. Среди ретроградов нередко оказывались и видные деятели культуры: одних толкала на противостояние прогрессу убежденность в его бесполезности, а других — личная неприязнь к конкретным ученым.

Шувалов и Воронцов покровительствовали наукам, поскольку были типичными «новыми дворянами», промышленниками. Они заранее просчитывали возможные доходы для казны от химических производств, фарфоровых и стекольных заводов, новых рудников. Разумовские, представители землевладельческой аристократии, смысла многих открытий и изобретений не понимали, поэтому вмешивались в работу академиков и старались лишить их финансовой поддержки для продолжения изысканий.

Сторонником Разумовских, еще более убежденным во вреде промышленности, был известный русский писатель-классицист А.П. Сумароков. Он видел выгоды индустриально-

го переворота, начинавшегося на Западе, осознавал пользу от отмены крепостничества, однако для России признавал возможным лишь особый путь развития — сохранение прежних аграрных отношений на основе крепостного труда. Против промышленников он писал язвительные стихи, из-за чего в конце концов поссорился с Ломоносовым:

Скажу не ложно:

Возможно

*Так делать золото из молока, как сыр,
И хитростью такой обогатить весь мир,
Лишь только я при том одно напоминаю:*

Как делать, я не знаю [27].

Русский поэт и филолог академик В.К. Тредиаковский выступал против прогресса уже потому, что за «приращение наук» работал Ломоносов. Оба деятеля культуры открыто враждовали, поскольку Ломоносов находил поэзию Тредиаковского устаревшей и вычурной, с чем сам Тредиаковский, разумеется, не соглашался и, в свою очередь, выискивал изъяны в стихах Ломоносова. Тредиаковский написал несколько прозаических и стихотворных произведений, в которых выставил в самом ней выгодном свете труды академиков, заинтересованных в росте промышленного производства. Так, в прозаическом памфлете «О мозаике» Тредиаковский утверждает, что создание и производство цветных стекол — это не более чем новый способ выкачивать из Академии деньги на пустяки.

Впрочем, покровители наук и искусств нередко сами вредили своему же делу, когда пытались натравить друг на друга ученых и литераторов, чтобы устраниТЬ неугодных им людей. В частности, граф И.И. Шувалов находил вредным для дворянства творчество одного из последователей Сумарокова — Ивана Перфильевича Елагина, адъютанта А.Г. Разумовского. Елагин несколько раз высказы-

И.П. Елагин
(с гравюры XVIII в.)

вался против промышленников, чем задел Ломоносова. Шувалов рассчитывал руками ученого покончить с «сумароковским лагерем». Однако расчеты графа не оправдались. Ломоносов согласился написать памфлет на Елагина, однако лишь посмеялся над некоторыми вздорными суждениями противников, но никак не «уничтожил» их:

*Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него вреда отнюдь не чают.
Когда зошлова хула мне не вредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?* [27].

Несмотря на всевозможные трудности, благодаря деятельности Академии наук Россия была подготовлена к вступлению в эпоху Просвещения, которая приходится на вторую половину XVIII в. Члены АН совершенствовали технологические процессы, разрабатывали теоретическую базу для новых производств, публиковали книги, издавали в 1728–1742 гг. первый в России литературный и научно-популярный журнал «Комментарии», который в переводах знакомил читателей с немецкой и английской литературой того времени, публиковал статьи по истории, естественным наукам, теории искусств и философии. Наиболее существенный вклад в дело просвещения принадлежал, конечно, энциклопедисту Михаилу Васильевичу Ломоносову, изменившему сам метод научного мышления.

Предтеча русского Просвещения

Открытия и исследования Михаило Ломоносова относятся к различным областям человеческого знания, как естественнонаучным, так и гуманитарным — химии, физике, оптике, астрономии, геологии, географии, истории, литературе. Многое он сделал для развития русского языка, столь же велики его заслуги и в области естествознания, и в деле просвещения в целом. Большой заслугой Ломоносова считается создание им учения о тепловом движении частиц. Восприняв атомистическую теорию, Ломоносов развил ее и приложил к различным направлениям физики и химии. Своими исследованиями он предупредил появление таких дисциплин, как термодинамика, молекулярная химия и ряда других. Атомизм

Ломоносов (фрагмент гравюры
Э. Фессара и Х. Вортмана, 1757)

до Ломоносова существовал уже несколько тысяч лет, однако все еще в той примитивной, зачаточной форме, которую ему придали создатели этого учения — древние греки.

Ломоносов от поэтических рассуждений о природе частиц перешел к изучению свойств самих частиц и особенностей их взаимодействия, опираясь на наблюдение разнообразных физических явлений. Античные мыслители пытались вообразить себе частицы и их качества по природным телам. Ломоносов отказался от древнего философского метода познания и перешел к анализу явлений с использованием экспериментальной проверки своих предположений.

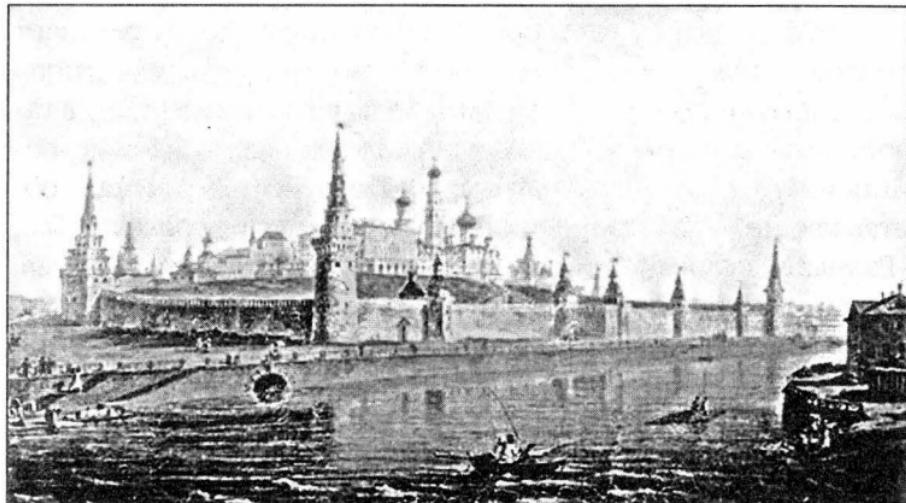
В основу новой теории атомизма он положил гипотезу о том, что наряду с атомами («элементами») существуют частицы другого рода — «корпускулы». Под этим названием Михаил Васильевич понимал то, что сейчас называют молекулами. Движение молекул он объяснял законами механики и предполагал, что оно может быть описано математическими уравнениями. Самому Ломоносову не удалось найти эти уравнения, несмотря на все старания. Это было сделано только в XX в. с появлением квантовой механики и новых разделов математики (хотя окончательного решения задача не получила до сих пор).

Согласно идеи Ломоносова движение частиц определяет тепловые явления и переходы веществ из одного агрегатного состояния в другое — из твердого в жидкое, из жидкого в газообразное. Одним из первых трактатов на эту тему стало сочинение «О нечувствительных физических частичках, составляющих тела природы». В одной из последующих работ, «Размышлении о причине теплоты и холода», он утверждал, что температура тел зависит от скорости движения молекул.

До этого европейская наука объясняла тепловые явления «невесомыми материями», к помощи которых наука часто прибегала, сталкиваясь с затруднительными вопросами. Утверждалось, например, что существуют «тепловая материя» и «материя холода». Ломоносов доказал, что тепло и холод — не две разные материи, заполняющие тела, а два проявления молекулярного движения. Когда скорость молекул падает, температура тел снижается; возрастание скорости частиц за счет поступления к ним энергии приводит к повышению температуры.

Ломоносов предсказал открытие явления абсолютного нуля, сделанное лишь в начале XX в.: «То же самое движение может настолько уменьшиться, что наконец тело достигнет совершенного покоя, и никакое дальнейшее уменьшение движения невозможно. Следовательно, по необходимости должна существовать наибольшая и последняя степень холода» [28]. Сегодня доказано, что действительно существует наименьшая температура ($-273,16^{\circ}\text{C}$), при которой движение частиц полностью прекращается.

Осознавая, что некоторые его выводы трудны для понимания, Ломоносов часто прибегал к вольным литературным образам, оживлявшим сухой научный текст. Так, невозможность увидеть движение частиц Ломоносов популярно объяснял, прибегая к аллегории леса. В ветреную погоду человек, стоящий очень далеко от леса, не видит, как качаются ветви деревьев: для такого наблюдателя древесные кроны сливаются в сплошную зеленую массу. Однако тот же наблюдатель прекрасно знает, что эта однородная на вид масса на самом деле представляет собой скопление подвижных ветвей. Точно так же из-за ничтожно малых размеров частиц и незначительных расстояний между ними человек не в состоянии

Москва в XVIII в. (М.Н. Воробьев. Вид Московского Кремля)

увидеть «корпускулы» и совершаемые этими частицами колебания.

Наличием молекул ученый обосновывал упругие свойства тел, до него объяснявшиеся с помощью введения в науку неопределенного понятия «невесомая материя упругости». Полемизируя с существующей научной традицией, Ломоносов утверждал, что упругие свойства связаны со столкновениями тех самых «корпускул», из которых состоят физические тела. Эти взгляды сформировались у Михаила Васильевича в молодом возрасте: работу над «молекулярными» трудами он начал сразу по возвращении из-за границы. В частности, сочинение «Размышление о причине теплоты и холода» вышло из-под пера ученого в 1744 г.

Открытия Ломоносова послужили фундаментом для современной физики и химии. В научном наследии ученого есть открытия, которые до сих пор не утратили своего значения. Крупнейшее из них — открытие закона сохранения количества материи, который в наше время формулируется как закон сохранения массы вещества и широко применяется в химии. Ломоносов с помощью оригинально поставленных экспериментов доказал, что прежние представления о течении химических реакций глубоко ошибочны. Любая химическая реакция подчиняется четкому правилу: количество вещества, вступившего в реакцию, равно количеству вещества, образовавшегося в процессе реакции.

В 1756 г. на конференции в Академии наук Ломоносов прочел доклад, в котором подробно осветил этот вопрос и рассказал о своих экспериментах: «Делал опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать, прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере» [28].

По характеру заявления можно предположить, что изначально опыт ставился с целью доказать отсутствие в природе «материи огня», проникающей в тела, нагревающей и меняющей их массу. Существование такой материи утверждал английский химик Р. Бойль, известный как автор одного из газовых законов (закон Бойля — Мариотта).

Однако в своих выводах на основе эксперимента Ломоносов пошел дальше. Он доказал, что изменение массы веществ, участвующих в реакции, происходит лишь тогда, когда какие-то продукты реакции оказываются неучтеными посредством лабораторных методов.

Герметический сосуд (запаянная банка Ломоносова) не пропускал вещество извне и не давал улетучиться продуктам реакции. Поэтому масса содержимого банки оставалась по-

Памятник М.В. Ломоносову в Санкт-Петербурге

стоянной: количество атомов-«элементов» в ней не изменилось. Современной науке известны случаи нарушения закона сохранения массы, но происходит такое лишь при ядерных превращениях. В области химии этот закон неизменен.

Мысль о сохранении вещества неотступно преследовала Ломоносова. До Михаила Васильевича французским математиком XVII в. Р. Декартом было обнаружено сохранение момента количества движения. Ломоносов выдвинул очень важную гипотезу — он предположил, что сохраняется и вещество, и движение.

Сегодня наука доказала справедливость его гипотезы: в различных реакциях и взаимодействиях сохраняются энергия, масса, заряд, количество движения и т. д. Если какая-то из этих величин претерпевает изменения, то это происходит за счет изменений другой, связанной с ней величины. Материя количественно неизменна, неуничтожима. Ломоносов придал своему закону следующую формулировку: «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения» [28]. Эта исчерпывающая формулировка появилась уже в 1748 г., то есть в самом начале изучения им проблемы сохранения массы и движения.

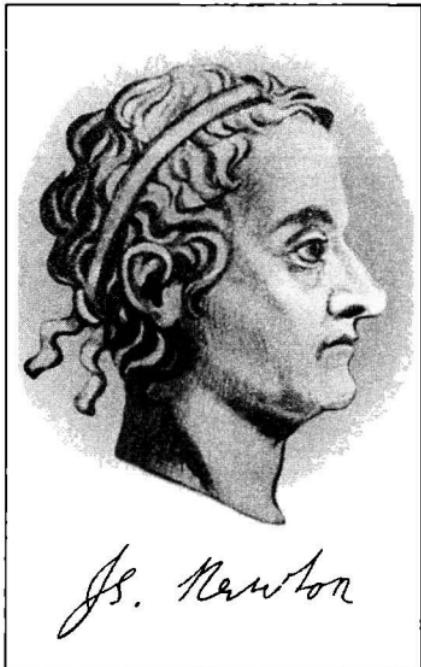

Здания Академии наук, Кунсткамеры и Зоологического музея в Санкт-Петербурге (современная фотография)

Введенное Ломоносовым представление о неуничтожимости материи послужило основой для многочисленных открытий в области физики. Этот универсальный закон уже сам Ломоносов использовал для борьбы с ложными теориями. В частности, ученый опровергал господствовавшее в науке мнение о «действии на расстоянии», то есть действия, которое может передаваться без какой-либо физической среды. Ломоносов решил задачу методом «от противного»: он сначала предположил, что действие передается между телами без физического носителя (среды), но в результате пришел к заключению, что закон сохранения вещества в этом случае нарушается.

Значение его вывода трудно переоценить. Вся современная физика руководствуется идеей, что взаимодействия могут передаваться лишь через материальную среду, через некие носители — поля, частицы и т.д. Если возможность материальной передачи между телами исключена, то никакого взаимодействия наблюдать не будет. В середине XVIII в. ученые не знали о существовании полей и субатомных частиц, поэтому выступить против неверной теории мог лишь человек, намного опередивший свою эпоху, каким и был Михаил Васильевич Ломоносов.

Ломоносов разрабатывал учение о свете и цвете, он первым указал на то, что человеческий глаз воспринимает лишь три области спектра — красную, желто-зеленую и голубую (синюю). Прочие цвета и оттенки человек не видит, но как бы домысливает: они являются следствием смешения основных цветов. При этом, будучи атомистом, Михаил Васильевич отрицал корпускулярную теорию света, предложенную Ньютона. Он находил доказательства в пользу волновой теории.

Портрет и подпись-автограф
И. Ньютона (гравюра, XVIII в.)

Сегодня известно, что правы обе теории. Свет можно рассматривать и как поток частиц, и как электромагнитные волны. Однако в ту пору волновая теория подвергалась гонениям, так что поиски аргументов в ее пользу отнюдь не были лишними. Представления о двойственности света зародились лишь потому, что физики с равным успехом доказали обе теории. Если бы одна из них была полностью отброшена тогда, в XVIII в., наука не скоро бы отыскала истину.

Занимаясь оптикой, Ломоносов уделял немалое внимание применению оптических устройств в других отраслях знания. Им было сконструировано свыше десятка новых оптических приборов, прежде неизвестных научному миру. В числе этих изобретений — ночезрительная труба, которая позволяла рассматривать удаленные предметы на значительном расстоянии. (Завистники ученого приложили максимум усилий, чтобы Академия в 1756 г. отвергла этот прибор, хотя спустя всего три года академики купили аналогичное устройство у англичан.)

Как ученый-оптик Ломоносов уделял особое внимание астрономии. Среди историков распространено мнение, что именно астрономия подарила миру Ломоносова. В Холмогорах за некоторое время до его рождения жил архиепископ отец Афанасий (Алексей Артемьевич Любимов), который страстно увлекался астрономией. Священник имел телескоп

Здание МГУ имени М.В. Ломоносова на Моховой
(современная фотография)

для наблюдений за звездным небом, выписывал из-за границы книги и приборы. Молва об удивительном человеке ходила еще много лет после его смерти в 1702 г. Ломоносов, конечно, слышал об отце Афанасии, и это, как утверждают многие современные исследователи, подстегнуло интерес юноши к наукам.

Одним из первых крупных исследований Ломоносова в области астрономии стало изучение природы кометных хвостов. До сих пор ученым точно неизвестно, что представляет собой это образование, хотя вещества «косматых звезд», как называли их в XVIII в., уже подверглось анализу посредством оборудования с борта автоматических межпланетных станций. Естественно, и Ломоносов не сумел объяснить причин поразительного явления. Однако он отсеял заведомо ошибочные мнения и нашел правильное направление для дальнейших исследований.

Во времена Ломоносова наибольшей популярностью пользовалась кометная гипотеза И. Ньютона. Русский ученый весьма уважал научные заслуги английского физика, однако не мог согласиться с упрощенным объяснением природы кометного хвоста, состоящего якобы из паров. Ньютон предполагал, что кометный хвост образуется в процессе испарения кометы, приближающейся к Солнцу. Ломоносов выступил против этого упрощения: «Бледного сияния и хвостов [ко-

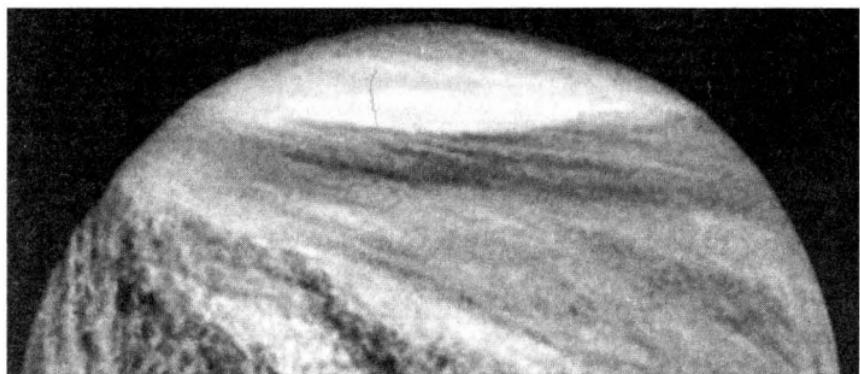
Комета Галлея (современная фотография)

метных] причина недостаточно еще изведана, которую я без сомнения в электрической силе полагаю». В целом Михаил Васильевич оказался прав. Приближаясь к Солнцу, ядро кометы разрушается под действием высокой температуры, но не испаряется, а распадается на два потока — пыли и заряженных (электрических) частиц.

Для астрономических исследований Ломоносов сконструировал зеркальный телескоп (рефлектор). В ходе систематических наблюдений за звездным небом ученому удалось сделать крупное открытие — обнаружить атмосферу на Венере. Это произошло в 1761 г., когда астрономы всей Европы следили за прохождением Венеры по диску Солнца, но никто, кроме Ломоносова, не придал значения явлениям, которые при этом наблюдались.

Венера обращается вокруг Солнца, как и Земля, но на меньшем расстоянии. В телескоп можно периодически наблюдать, как планета проходит в космическом пространстве между Землей и Солнцем. Оба объекта различимы глазом в виде дисков — большого солнечного и малого планетного.

Ломоносов обратил внимание на то, что в момент приближения Венеры к солнечному диску вокруг планеты возник едва заметный светящийся ободок, а планетный диск утратил четкость контуров. Такой же ободок наблюдался и при выходе планеты с диска Солнца, на этот раз более отчетливо: «появился на краю Солнца пупырь, который тем явственнее учинялся, чем ближе Венера к выступлению приходила» [28]. Ломоносов сделал смелый, но единственно верный вывод: «Планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою

Облака в венерианской атмосфере (современная фотография)

таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного» [28].

До этого открытия представление о том, что другие планеты являются объектами, подобными по своей природе Земле, казалось многим фантастическим. Единственным доказательством этой теории служили горы и кратеры на Луне. Обнаружение воздушной оболочки у Венеры показало, что эта планета так же сходна с Землей, как и Луна. Открытие положило начало целенаправленному изучению условий других миров и тем самым способствовало возникновению планетологии.

В результате наблюдений за Солнцем Ломоносов первым из ученых понял, какова природа этого космического тела. В Европе вплоть до XIX в. в научных кругах бытовало мнение, будто бы Солнце — это планета со светящимися облаками, под которыми находится твердая поверхность, заселенная разнообразными растениями, животными и, возможно, даже разумными существами. Ломоносов счел подобные гипотезы неверными и обрисовал совершенно другую картину, которая позднее вполне подтвердилась астрофизиками:

*Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к Солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возвретъ,
Тогда б со всех открылся стран
Горящийечно Океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят* [28].

Ученый на 200 лет опередил развитие мировой научной мысли. Современники на Западе не поняли и не оценили вклада русского мыслителя в прогресс естествознания. Исключением оказался математик Эйлер, с которым Ломоносов состоял в переписке. Прославленный математик, пораженный научной интуицией Ломоносова, высказался о нем следующим образом: «Он пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые поныне не знали и

Л. Эйлер (рисунок с гравюры XVIII в.)

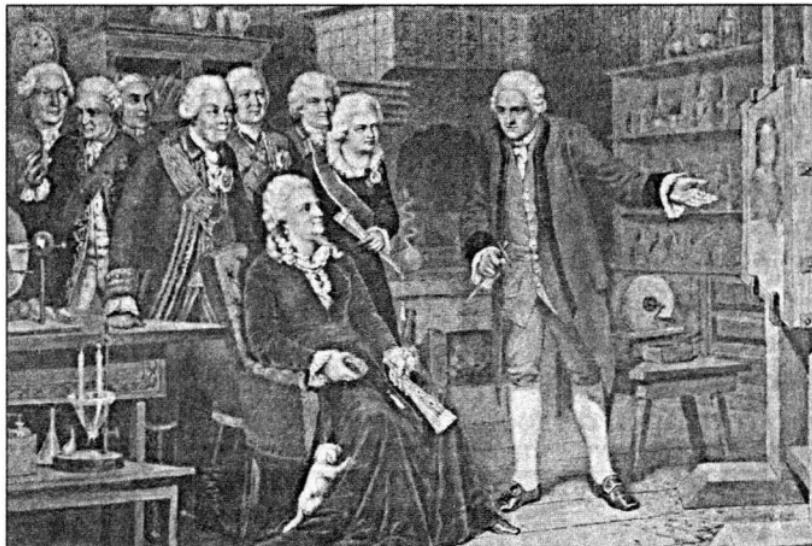
истолковать не могли самые остроумные люди... Желать должно, чтобы и другие академики в состоянии были произвести такие открытия, какие показал г-н Ломоносов» [28].

Ломоносов, как известно, не был кабинетным ученым, его теории основываются не на рассуждениях, а на опытных исследованиях. Создав теоретическое руководство по металлургии, Ломоносов-практик пытался в своих опытах возродить секрет старины булатной стали. Он теоретически объяснял происхождение многих полезных ископаемых,

минералов, а на практике возродил секрет производства многоцветной смальты и искусство мозаики, создавал со своими учениками мозаичные картины.

Сразу после открытия в 1748 г. химической лаборатории Ломоносов приступил к решению важной задачи — он намеревался раскрыть секрет изготовления «золотых рубинов», как называли рубиновое стекло, в которое добавлены соединения золота. Золотые рубины умели изготавливать лишь древние ассирийцы за 2000 лет до н. э. (Считается, что драгоценное стекло вновь научились получать в Германии в XVII в., но со смертью мастера секрет вновь был утерян.) Ломоносов блестяще справился с поставленной задачей. Европейцам удалось повторить его опыты лишь спустя почти сто лет, в 1840-х гг.

Очень важное значение для России имела просветительская деятельность Ломоносова, направленная «к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества» [27] (из письма М.В. Ломоносова к графу И.И. Шувалову летом 1754 г.), ориентированная на прогресс науки и вовлечение в него все большего числа людей, приобщение России к научному знанию и образованности. По инициативе Ломоносова в 1755 г. был создан Московский университет, состо-

А.Д. Кившенко. Екатерина II с вельможами в кабинете Ломоносова.

явший из трех факультетов — юридического, медицинского и философского.

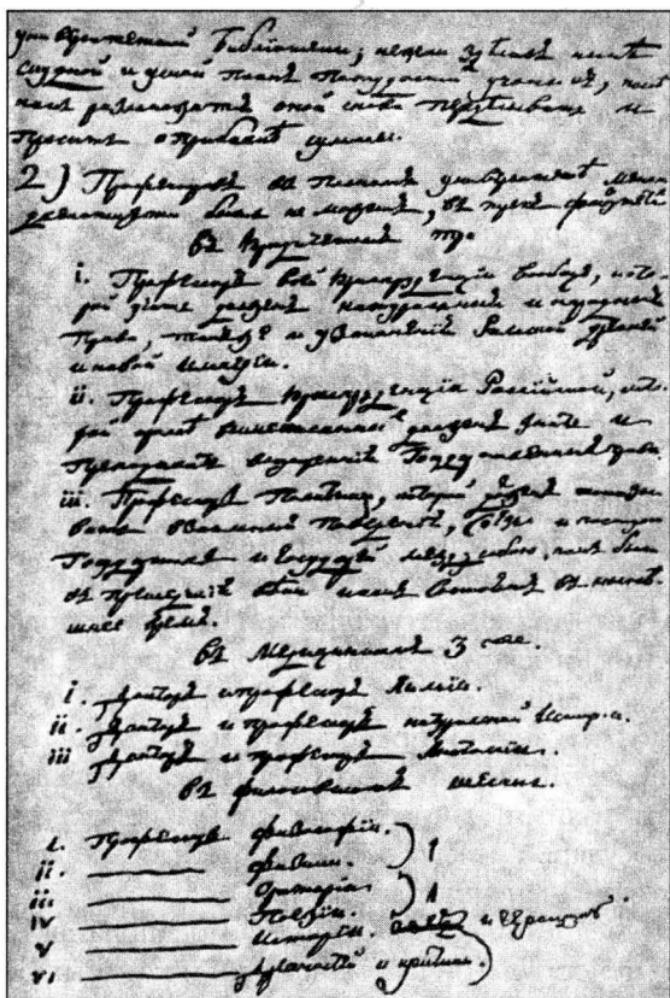
Как следует из разработанного Ломоносовым плана, создание первых двух факультетов преследовало практические цели. Юридический должен был дать России достаточное число образованных юристов, политиков и дипломатов, без которых невозможно государственное развитие страны, ни внешнее, ни внутреннее.

Ломоносов определил, что при факультете обязательно должны быть: «I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи. II. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права. III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время» [27].

Проект медицинского факультета предполагал развитие в России отечественной фармацевтики и научных основ лечения человека на базе анатомии, изучения свойств природных веществ и их влияния на организм человека, наконец, на умении составлять лекарственные смеси. Для этого при фа-

культе должны работать: «I. Доктор и профессор химии. II. Доктор и профессор натуральной истории. III. Доктор и профессор анатомии». Третий факультет — философский, призван был способствовать рождению в России нового поколения широко образованных людей гуманитарного склада, от которых во многом зависит культурный уровень страны. Это обеспечивалось наличием «I. Профессор(а) философии. II. — физики. III. — оратории. IV. — поэзии. V. — истории. VI. — древностей и критики» [27].

В «Письме И.И. Шувалову» говорится о необходимости выделения государством достаточных сумм на образование: для

Письмо И.И. Шувалову об учреждении
Московского университета

поддержки российских профессоров и содержания малоимущего студенчества, на создание библиотеки и лабораторий: «...несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольноное число. <...> Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки. <...> Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах» [27]. Очень важно и то, что Ломоносов боролся за преподавание предметов на русском языке и сам оказался первым преподавателем, который читал лекции по-русски.

Ломоносов видел важность и доуниверситетской ступени образования, предлагая создать гимназию при будущем университете, которая давала бы студентам необходимую подготовку и помогала бы отбирать уже на этом уровне талантливых молодых людей: «При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян <...>» [27].

Позже Ломоносов настаивал на необходимости популярных лекций, рассчитанных на широкую публику. Уже на нескольких первых лекциях ученый обнаружил у слушателей такой неподдельный живой интерес, что обратился к своим воспитанникам — университетским и тем, которые еще не принадлежали к этому миру, — со стихами, ставшими очень быстро знаменитыми:

*О Вы, которых ожидает
 Отчество от недр своих
 И видеть таковых желает,
 Каких зовет от стран чужих.
 О, Ваши дни благословенны!
 Дерзайте ныне ободренны
 Раченьем Вашим показать,
 Что может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российской земля рождать [28].*

Вспыльчивый, часто несдержаный Ломоносов тем не менее умел разговаривать с властью имущими. Своей увлеченностью он приучал многих дворян уважать науки и помышлять о благе России. Под влиянием Ломоносова находился И.И. Шувалов. Фаворит Елизаветы Петровны, взявшийся по-

Граф К.Г. Разумовский
(с барельефа работы
неизвестного мастера)

кровительствовать Михаилу Васильевичу, вскоре стал его учеником. Письма Ломоносова Шувалову полны наставлений, советов, пояснений и т. д. Шувалов впитывал знания, которыми делился с ним великий ученый, и, узнавая нужды науки и особенности научного поиска, учился искусству организации образования и исследовательской деятельности.

Во многом благодаря Ломоносову Шувалов стал, по сути дела, первым в истории России

министром просвещения (хотя такого титула, конечно, в то время не существовало). Под влиянием Ломоносова, хотя и в меньшей степени, оказался К.Г. Разумовский, который тоже оказывал поддержку Академии и, в частности, отстаивал перед бюрократами необходимость изысканий, которые проводились в химической лаборатории.

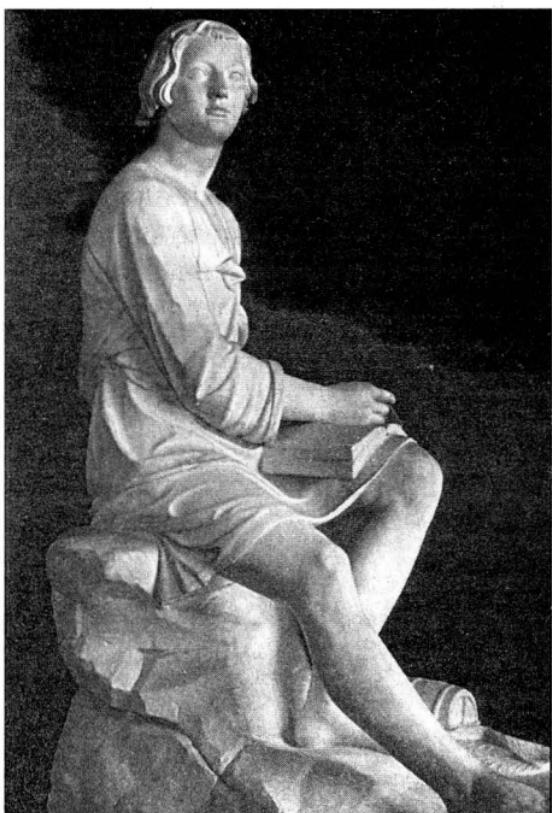
Некоторые историки высказывают предположение, что многие мысли Ломоносова оказали существенное влияние на императора Петра III. Михаил Васильевич еще в 1760 г., до восшествия Петра на трон, заявлял, что связывает с новым государем прогресс наук в России. О существовании переписки великого князя и академика ничего не известно, но Петр Федорович много знал о Ломоносове, читал его сочинения и ряд своих постановлений явно согласовывал с программой ученого.

Петр, сначала великий князь, а затем император, инициировал исследования быта российских народов, запланировал указ о веротерпимости и взял курс на прекращение Семилетней войны (вопреки политике канцлера А.П. Бестужева-Рюмина).

Все эти важные начинания были идеологически обоснованы научными сочинениями и письмами Ломоносова. Вполне возможно, проводником мыслей Михаила Васильевича выступал И.И. Шувалов: через графа Петр III узнавал об идеях ученого, которые были близки ему по духу.

Нельзя согласиться с современниками Петра III, которые утверждали, что он ненавидел православие. Он был достаточно равнодушен ко всем религиям, поскольку полагал возможным разумную их «реформацию». Идея реформации православия, а именно — некоторых православных обрядов, была подсказана императору, по всей видимости, опять-таки Ломоносовым. Ученый предлагал передвинуть церковные праздники и посты, чтобы «меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие» [28]. По мнению Ломоносова, в христианской обрядности много лишнего, бессмысленного и даже вредного: «Богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу» [28].

Резкий нрав Петра приводил к серьезным перегибам: великий князь был готов при сопротивлении со стороны духо-

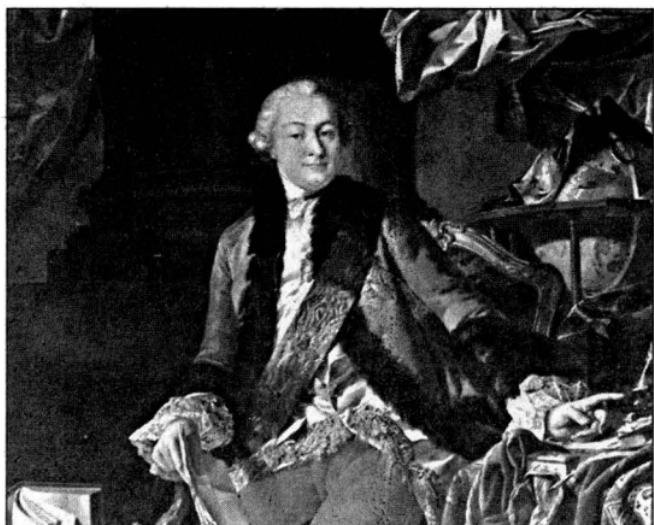

*Отрок Ломоносов на берегу моря
(скульптор А.А. Иванов)*

венства обрить попам бороды. Ломоносов понимает несерьезность такого подхода к церковной реформе и откликается веселым «Гимном бороде» (1757), которым, однако, дает понять, что от своих идей не отступится и что попов ему нисколько не жаль. (Выросший среди старообрядцев, Ломоносов, возможно, имел несколько преувеличенное представление о пороках духовенства.)

Исключителен вклад ученого в развитие российской геологии, его труды в этой области впоследствии стали отправной точкой для многих выдающихся отечественных геологов. Глубоким занятиям геологической наукой Михаил Васильевич посвятил преимущественно последние годы своей жизни (после 1755 г.), хотя уделял ей внимание и до этого. Достаточно вспомнить, что именно она была одним из любимейших предметов будущего ученого во время обучения за границей.

Год 1755-й стал знаменательной вехой в истории всей европейской геологии, что связано с землетрясением в Португалии, которое произошло в ночь на 1 ноября (в канун Дня Всех Святых) и охватило все «Гишпанские берега». Сильнее всего пострадала столица Португальского королевства — город Лиссабон, который оказался почти полностью разрушенным. Под руинами погибло около 100 тыс. жителей.

Ж.Л. де Велли. Портрет И.И. Шувалова

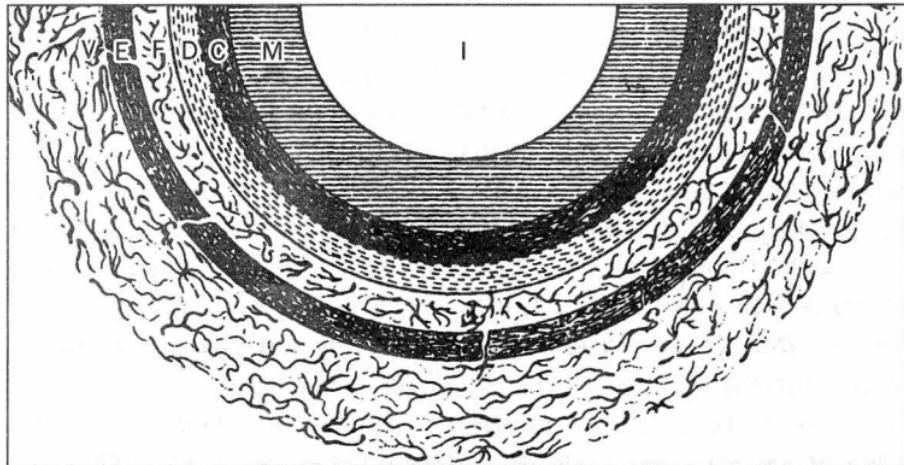
Это катастрофическое событие обсуждала вся Европа. Ломоносов увлекся проблемой землетрясений, и это позволило ему основательно заняться решением геологических проблем, которые давно занимали его. Исследования историков показали, что на взглядах Михаила Васильевича оказались его детские и юношеские впечатления от наблюдений за приморскими скалами и формированием отложений на берегах Белого моря. Пытливый ум едва научившегося читать подростка позволил сделать ценные наблюдения, которые впоследствии пригодились взрослому ученому.

Юный Михайло, уходя на промыслы, не раз видел места, где обнажалось морское дно. Позднее он узнал, что геологические силы меняют со временем облик земной поверхности. Скалы разрушаются, моря мелеют и отступают, в то время как на других участках Земли происходит рождение новых гор или наступление соленых вод на сушу: «Нередко случается, что превысокие горы от ударов земного трясения разрушаются и широким расседшейся земли жерлом поглощаются... Напротив того, в полях восстают новые горы, и дно морское, возникнув на воздух, составляет новые острова» [27].

В уме ученого сложилась стройная картина развития планеты, претерпевающей многочисленные превращения по причине борьбы стихий. Вся история Земли для Ломоносова была чередой «всемирных потопов» и прочих катаклизмов. Тем самым ученый предвосхитил идеи, которые овладеют умами естествоиспытателей лишь спустя сто лет.

Основной причиной всех этих превращений на поверхности Земли Михаил Васильевич называл глубинные процессы в недрах планеты. Он полагал, что внутри Земли непрерывно бушует «пламень», сила которого столь велика, что этот пожар может вызывать землетрясения и сопутствующие изменения на земной поверхности.

Все эти смелые идеи имели огромное значение, т.к. не носили характер пустого умствования. В то время в Европе многие естествоиспытатели тщетно пытались вообразить устройство Земли и написать ее историю, однако совершенно иначе рассматривал свою задачу Ломоносов. Он и на сей раз показал себя ученым-практиком. Построение геологических теорий было необходимо ему для того, чтобы понять сущность процессов, приводящих как к катастрофам, так и к об-

Строение Земли в представлении ученых нового времени:
V — атмосфера; E — каменная оболочка; F — воздушный слой
в подземных полостях; D — подземный океан; С — слой
образования металлов; M — слой солнечного вещества;
I — огненное ядро

разованию залежей подземных ископаемых. Михаил Васильевич был уверен: если науке удастся открыть загадки, которые скрывают недра планеты, то появятся способы предсказывать землетрясения и отыскивать металлические руды.

По сути дела, Ломоносов составил программу всей геологической науки на многие века вперед. Объявленные им главные цели геолога («горного мастера») — предсказание подземных катаклизмов и поиск полезных ископаемых — во многом остаются неразрешенными даже в наше время. Современный Ломоносову уровень развития геологической науки не позволял ученному решить им же поставленные задачи. Отдельные теории и гипотезы Михаила Васильевича оказались ошибочными. К таковым, например, относится гипотеза происхождения металлических руд, хотя некоторые ее положения в дальнейшем были научно обоснованы, что служит лишним подтверждением поразительной мудрости интуиции русского ученого.

Михаил Васильевич предполагал, что рудные жилы образуются под воздействием внутренних сил планеты из тех пород, которые уже залегают в ее недрах. В результате землетрясений в пластах пород появляются трещины, заполняющиеся водой, которая вступает в химические реакции с минералами. Руда,

по мысли Ломоносова, является продуктом таких реакций. Верной в этой гипотезе следует считать догадку о том, что рудные жилы возникли в ходе геохимических процессов и в разные периоды земной истории, а не одновременно, как предполагали многие западные ученые того времени.

Таким образом, простительные для человека XVIII столетия заблуждения не помешали ученому делать верные умозаключения. Несмотря на ошибочное представление о подземном пламени, возникшем вследствие горения мощных отложений серы и каменного угля, Ломоносов первым составил строго научную классификацию землетрясений. Она долго применялась отечественными учеными и послужила основой для позднейших, более точных и детальных классификаций. Ключевые принципы ломоносовской классификации признаются верными и в наши дни. Только сегодня ученыe называют видами сейсмических колебаний то, что Ломоносов именовал «видами землетрясений».

Михаил Васильевич выделял четыре вида колебаний земной тверди: 1) «когда дрожит земля частыми и мелкими ударами и трещат стены зданий, но без видимой опасности»; 2) когда поверхность земли, «надуввшись, встает кверху и обратно перпендикулярным движением опускается»; 3) когда «поверхности земной, наподобие волн, колебание бывает весьма бед-

Вулкан Ключевская сопка (современная фотография)

ственno, ибо отворенные хляби на зыблющиеся здания и бледнеющих людей зияют и часто пожирают»; 4) «когда по горизонтальной плоскости вся трясения сила устремляется, тогда земля из-под строений якобы похищается» [27].

Несмотря на то что природные катастрофы представлялись Ломоносову мощной силой преобразования земной поверхности, ученый справедливо полагал, что «изменения поверхности Земли — это длительный, постепенный, не считающийся с течением времени процесс» [27]. Природные катаклизмы не приводят к глобальным изменениям, которые, по мнению Михаила Васильевича, возможны лишь при их постепенном накапливании за многие столетия и даже тысячелетия. Эти идеи в Европе появились только спустя 70 лет после того, как были озвучены в России.

В научных трудах по геологии Ломоносову удалось совместить две концепции, к которым он пришел самостоятельно. Первая из них — плутонизм, созданный шотландцем Дж. Геттоном независимо от Ломоносова. Плутонисты верили в то, что все геологические процессы определяются исключительно вулканизмом и прочими проявлениями действия подземного пламени. Отсюда и название концепции: Плутон — бог подземного мира в римской мифологии.

Уже в конце XVIII в. в противовес плутонизму возникла концепция нептунизма, сторонники которой полагали, что породообразование происходит под действием воды. Слоистые геологические отложения, изобилующие останками допотопных животных, служат свидетельствами грандиозных процессов наноса песков и глин реками и морями. Вода провоцирует химические реакции и участвует в рождении землетрясений. Вулканизм же является редкой случайностью. Плутонисты в дальнейшем долго спорили с нептунистами, даже не подозревая, что великий русский ученый примирил обе концепции.

Симпатизируя плутонизму, Ломоносов вместе с тем отдавал должное силе воды. В его гипотезах есть место для всех геологических сил. Именно с позиций нептунизма (хотя и эту концепцию ученый сформулировал для себя самостоятельно, так как на Западе она существовала в зародыше) Ломоносову удалось объяснить образование почв из перегноя. Это было большим достижением, поскольку до того времени на почву

*Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова*

как особое естественноисторическое тело на поверхности нашей планеты вообще никто из ученых не обращал внимания. Почвоведение начало развиваться лишь в XIX в., причем решающий вклад в становление этой науки принадлежит русским географам, геологам и натуралистам — ученикам Ломоносова и ученикам его учеников.

Михаил Васильевич оказался первым русским ученым, инициировавшим минералогические исследования. Сам он по состоянию здоровья уже не мог выезжать на полевые работы, поэтому в 1761 г. обратился в Сенат с «нижайшим доносением о повсеместном собирании везде минералов» [27], предлагая задействовать горнозаводчиков в составлении обширной коллекции пород и минералов, встречающихся на территории России.

Сенаторы обнародовали обращение ученого, и горнопромышленники согласились помочь Ломоносову. Он получал все больше и больше образцов, готовясь написать обширный труд — «Российская минералогия», который стал бы энциклопедией богатств русских недр. К сожалению, выполнить грандиозный проект ученый не успел.

Ломоносова еще при жизни многие считали противником православия, а после его смерти такой стереотип вос-

приятия ученого лишь укрепился. На самом деле, будучи сыном крестьянина, он был более верующим, чем большинство его завистников и злопыхателей, пытавшихся представить научную деятельность Ломоносова в атеистическом ключе. О противостоянии религии и науки, поддерживаемом такими людьми, Михаил Васильевич писал: «Правда и вера суть две сестры родные, дщери одного всевышнего родителя, никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет» [27]. Нелеп математик, писал Ломоносов, который циркулем пытается измерить Божественную волю, и столь же нелеп церковник, который пытается изучать астрономию по псалтырям.

Разные задачи требуют различных методов работы ума. О Божьей воле можно судить через откровения, которые содержатся в священных книгах. О законах природы необходимо судить, проводя эксперименты. Тайны мироздания, открываемые естествоиспытателем, могут внушать столь же великое почтение к Творцу, как и откровения святых. Эта мысль сквозит во многих одах Ломоносова, где он упоминает божественные деяния:

*Его земля и небеса,
Закон и воля повсеместна,
Поколь нам будет неизвестна
Его щедрота и гроза* [27].

Прагматик и реалист, Михаил Васильевич всегда опирался на то, что уже в наши дни физик С.И. Вавилов назвал «несокрушимым здравым смыслом» [27]. И Ломоносов упорно доказывал коллегам, излишне увлекавшимся веяниями своего времени, что именно так и надлежит мыслить.

Возмущенным церковникам, которым чиновники нашептывали о вреде научной деятельности академиков, Ломоносов отвечал цитатами из «Шестоднева» и других известных религиозных сочинений, в которых описывается сложность и многообразие мира, постижимые разными путями. Так, в оправдание системы мира Н. Коперника Ломоносов приводил слова христианского мыслителя Дамаскина, сказавшего о мироустройстве: «Обаче аще тако, аще же иначе: вся Божиим повелением быша же и утвердишася» [27]. В этой полемике Михаил Васильевич говорил на языке своих оппонентов,

не засоряя речь малопонятной для них, но столь модной тогда научной и философской терминологией.

Михаил Васильевич Ломоносов так и не стал настоящим поэтом, хотя в определенный момент жизни он испытывал желание посвятить себя высокому искусству. Не стал он и ученым, который отрешен от внешнего мира и целиком поглощен мыслями о законах природы. Ломоносов был в первую очередь просветителем — популяризатором знаний. Для него было важно распространять идеи о необходимости науки, привлекать как можно больше людей к делу познания мира, воспитывать в обществе рациональное мышление. Имен-

Памятник на могиле М.В. Ломоносова
(некрополь, XVIII в.)

но поэтому можно говорить, что с Ломоносова начинается русское Просвещение, расцвет которого приходится уже на екатерининскую эпоху.

Конечно, научное творчество Ломоносова не было свободно от ошибок и недоразумений. Известно, например, что он упрямо подвергал сомнению справедливость Ньютоно-вой формулы закона всемирного тяготения, которая сегодня присутствует во всех учебниках физики. Но вместе с тем он никогда не навязывал своего мнения другим, не отстаивал то, чего не мог обосновать и доказать. Многие из его ложных гипотез никогда и не были опубликованы, в чем, несомненно, проявилась научная этика мыслителя.

В правление Екатерины II, в 1764 г., ученый тяжело заболел, силы стали покидать его. Весной 1765 г. в своем последнем письме академику Я. Штелину он написал: «Я вижу, что должен умереть. Спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринимал для пользы Отечества, для приращения наук и для славы Академии» [28]. Ломоносов скончался 4 апреля 1765 г. в возрасте 54 лет.

Деятельность Ломоносова значительно приблизила Россию к европейскому уровню, создала ей репутацию страны науки и образования, которая закрепилась за Россией на последующие столетия. Впоследствии А.С. Пушкин, отдавая дань уважения заслугам великого ученого, назовет его «первым русским университетом» [28].

Заключение

Свержением Петра III закончилась «эпоха дворцовых переворотов». Современные историки не соглашаются с Ключевским в названии, данном этому периоду русской истории, поскольку и в дальнейшем закулисные интриги вокруг трона приводили к появлению заговоров. Последней попыткой дворцового переворота специалисты называют восстание декабристов на Сенатской площади в 1825 г.

С правлением Екатерины II история Отечества перешла на очередной виток, для которого характерны уже другие жизненные реалии — новые мысли, новая политика и даже новая мода. «Галантный век» достигает своего расцвета, на Западе набирает силу Просвещение — в неспокойной Российской империи происходят похожие события, но, как всегда, своеобразные, отличающие русскую историю от европейской.

«Эпоха дворцовых переворотов» оставила последующим поколениям Московский университет, блестящие победы в ряде войн, смелые проекты реформ в разных отраслях государственного управления, а также воспоминания о пышных балах и бесконечных маскарадах.

Приложение

Правящие особы и крупные сановники «Эпохи дворцовых переворотов»

Анна Иоанновна (1693—1740), дочь царя Иоана Алексеевича, российская императрица-самодержица в 1730—1740 гг.

Анна Леопольдовна (1718—1746), дочь Екатерины Иоанновны, регентша в 1740—1741 гг.

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766), граф, канцлер и дипломат

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог Курляндский, фаворит императрицы Анны Иоанновны

Волынский Аркадий Петрович (1689—1740), дипломат, астраханский и казанский губернатор

Екатерина I Алексеевна (1684—1727), Марта Скавронская, жена Петра I, российская императрица-самодержица в 1725—1727 гг.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796), принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, российская императрица-самодержица в 1762—1796 гг.

Елизавета I Петровна (1709—1761), дочь Петра I, российская императрица-самодержица в 1741—1761 гг.

Иван VI Антонович (1740—1764), сын Анны Леопольдовны, российский император в 1740—1741 гг.

Меншиков Александр Данилович (1673—1729), светлейший князь, генералиссимус

Миних Бурхард Кристофф (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал

Остерман Андрей Иванович (1686—1747), граф, дипломат

Петр II Алексеевич (1715—1730), внук Петра I, российский император в 1727—1730 гг.

Петр III Федорович (1728—1762), сын Анны Петровны и внук Петра I, принц Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, российский император в 1761—1762 гг.

Шувалов Петр Иванович (1710—1762), граф, генерал-фельдмаршал

Список литературы

А. Цитируемой

- Ключевский В.О.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. — М., 1989.
- Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725—1825. — М., 1991.
- Сборник Русского Исторического Общества. Т. 58. — М., 1979.
- Цибульников А.М.* Государь ты мой, дитятко. // Знание — сила. 1995. № 7.
- Смерть от неволи. Петр II // Знание — сила. 1992. № 4.
- Анисимов Е.В.* Петр II // Вопросы истории. 1994. № 8.
- Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики. — Л., 1991.
- Павленко Н.И.* Анна Иоанновна. — М., 2004.
- Аспидов Ф., Степанов Д.* Подъем переворот // Родина. 1993. № 7.
- Коняев Н.М.* Подлинная история дома Романовых. — М., 2005.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен до наших дней. — М., 2006.
- Анисимов Е.* Анна Иоанновна. — М., 2004.
- Безвременье и временщики. — Л., 1991.
- Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. — Новосибирск, 1974.
- Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. — М., 1986.
- Мыльников А.* Чужой // Родина. 1993. № 3.
- Гордин Я.И.* Дуэли и дуэлянты. Панорама столичной жизни. — СПб., 1996.
- Панченко А.М.* Русская история и культура. Статьи разных лет. — СПб., 1999.
- Смилянская Е.Б.* Дворянское гнездо середины XVIII века. — М., 1998.
- Татищев В.Н.* История Российской. Т. 1. — М., 1969.
- Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. — Л., 1982.
- Захарова О.* Веселье без перерыва. Балы и маскарады Елизаветы Петровны // Родина. 1995. № 6.

Собственноручные записки императрицы Екатерины II. — М., 1991.

Парчевский Г.Ф. Карты и картежники. — СПб., 1998.

Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века. — М., 2002.

Русская литература XVIII века. 1700—1775: Хрестоматия / Сост. В.А. Западов. — М., 1979.

Лебедев Е. Ломоносов. — М., 1990.

Кудрявцев Б.Б. Биография великана. — М., 1967.

Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. — М., 1950.

Орлов Ю.А. В мире древних животных. — М., 1961.

Б. Используемой

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. — М., 2000.

Базанов В.Г. От фольклора к народной книге. — Л., 1973.

Болотов А.Т. Записки. — СПб., 1871.

Военная энциклопедия: В 5 т. — СПб., 1910.

Волкова И. Русская армия в русской истории. — М., 2001.

Дюпюи Р., Дюпюи Т. Всемирная история войн: в 2 т. — М., 1997.

Залотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия российского флота, XVIII в. — СПб., 2003.

История дипломатии. Т. 1. — М., 1959.

История Югославии: в 2 т. — М., 1963.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1952—1959.

Миних Б.К. Записки. — СПб., 1874.

Морозов А. Ломоносов. — М., 1965.

Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. — Минск, 2002.

Павленко Н.И. Екатерина I. — М., 2005.

Павленко Н.И. Елизавета Петровна. В кругу муз и фаворитов. — М., 2003.

Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. — М., 1908.

Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. — М., 2003.

Рыбаков Б.А. Стригольники. — М., 1993.

Самаров Г. При дворе императрицы Елизаветы Петровны. — М., 1993.

Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. — М., 2003.

Фирсов Н.Н. Петр III и Екатерина II. — Пг., 1915.

В. Дополнительной

Арсеньева Е. Толстая Нан (Императрица Анна Иоанновна). — М., 2006.

Дэвис Н. История Европы. — М., 2004.

Карнович Е.П. Замечательные и загадочные люди XVIII и XIX столетий. — Л., 1990.

Коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны. — М., 2006.

Кто был кто в России от Петра I до Павла I. — М., 2005.

Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX веков. — М., 1990.

Пантеон российских государей. — СПб., 2003.

Сто великих переворотов и заговоров. — М., 2002.

Суслина Е. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. — М., 2003.

Содержание

Предисловие	3
ГЛАВА 1	
БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ ПОСЛЕ СМЕРТИ	
ПЕТРА ВЕЛИКОГО	6
Царствование Екатерины I	7
Россия при Екатерине I	10
Триумф Меншикова	14
Внук Петра Великого на российском троне	16
Россия при Петре II	31
ГЛАВА 2	
«ТЕМНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»	34
Попытка введения	
конституционной монархии — «Кондиции»	35
Правление Анны Иоанновны	48
Россия при Анне Иоанновне	52
Эрнст Бирон	53
Репрессии «темного десятилетия»	61
Регенты при императоре-младенце	65
Дворцовый переворот 1741 года	68
ГЛАВА 3	
ПРАВЛЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ I	72
Елизавета, «дщерь Петрова»	73
Первые шаги	75
Курс на реставрацию	77
Проекты П.И. Шувалова	81
Льготы для дворянства	85
Внешняя политика России	89
Россия в Семилетней войне	93
Православная Церковь в годы царствования Елизаветы I	99
Милосердие к преступникам	102
Люди Елизаветинской эпохи	104
Петр III, наследник трона	108

ГЛАВА 4

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА III	114
Нововведения в законодательстве	115
Император и его подданные	117
Дворцовый переворот 1762 года	119
Петр и самозванцы	123

ГЛАВА 5

КУЛЬТУРА И БЫТ К СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА	128
Золотой век русского дворянства	129
Образование	131
Деятельность И.И.Шувалова	135
Брак и семья. Положение женщины в обществе	138
Мода	140
Отдых и развлечения	145
Псовая охота	155
Шуты ее величества	157
Общественные развлечения	159
Жизнь — театр	169
Изыщная словесность «эпохи дворцовых переворотов»	171

ГЛАВА 6

РОССИЙСКАЯ НАУКА	180
Историческая наука	181
Медицина в новое время	185
Естественные науки и изобретательство	194
Предтеча русского Просвещения	207
 Заключение	233
 Приложение	234
 Список литературы	235

**Серия «История России»
Еременко Мария Александровна
Дворцовые перевороты**

Выпускающий редактор *Фатиева И.Ю.*

Редактор *Ситникова М.А.*

Технический редактор *Егорова Т.Б.*

Корректоры *Антошина В.Н., Дудкина Н.А.*

Художник *Шмырева И.М.*

Серийное оформление обложки:

дизайнер *Печерина Г.В.*

Компьютерная верстка *Бочкарев А.Ю.*

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:

Телефон: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79

E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:

111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,

тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.03.2007 г.

Формат издания 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура FrizQuadrata.

Печ. л. 7,5. Тираж 9 500 экз. Тип. заказ № 4717061

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Екатерина I (из книги «Российский
царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

Петр II Алексеевич (из книги «Российский царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

Анна Иоанновна (из книги «Российский
царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

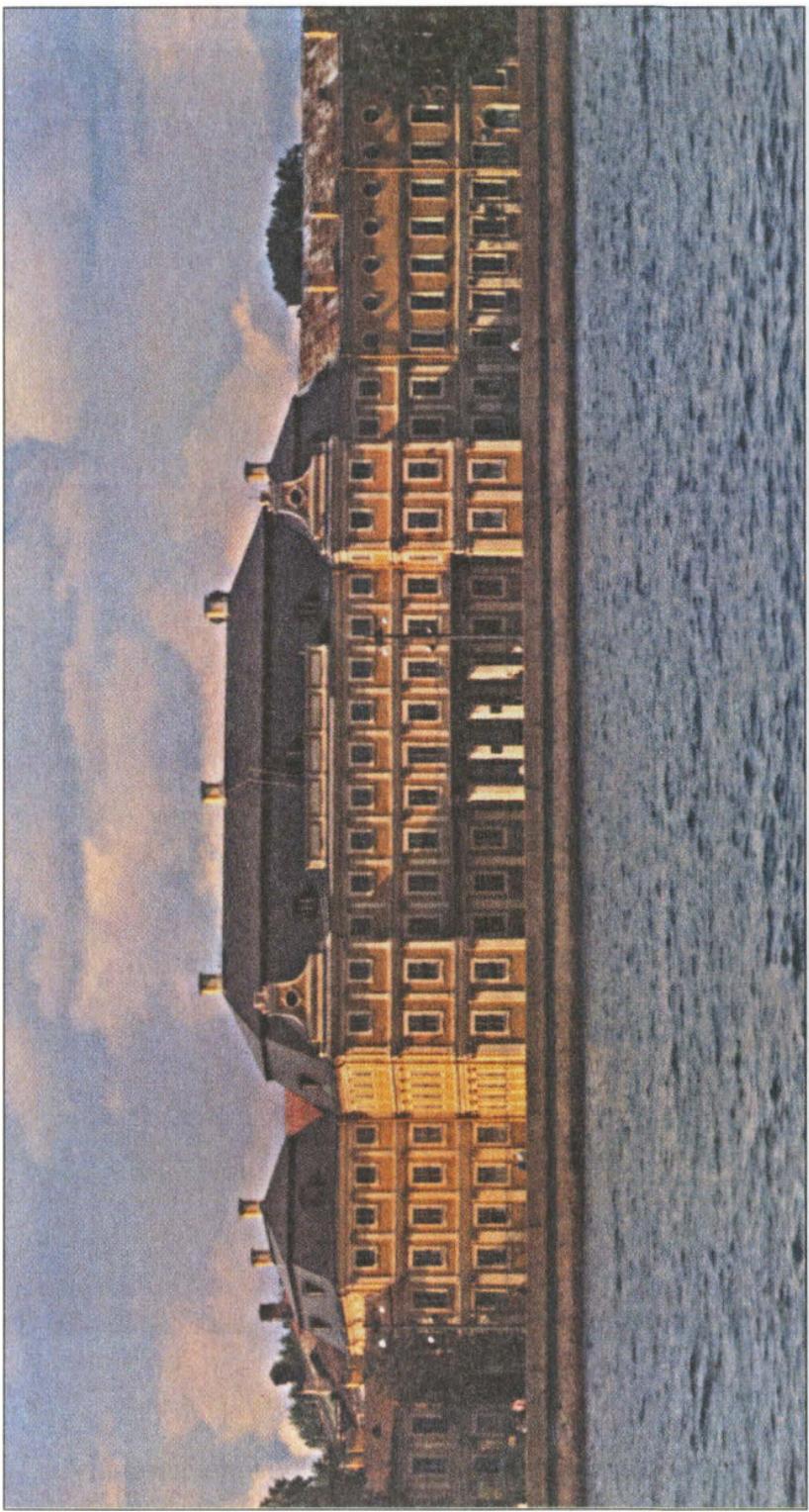
Император Иоанн VI Антонович с матерью Анной Леопольдовной
(из книги «Российский царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

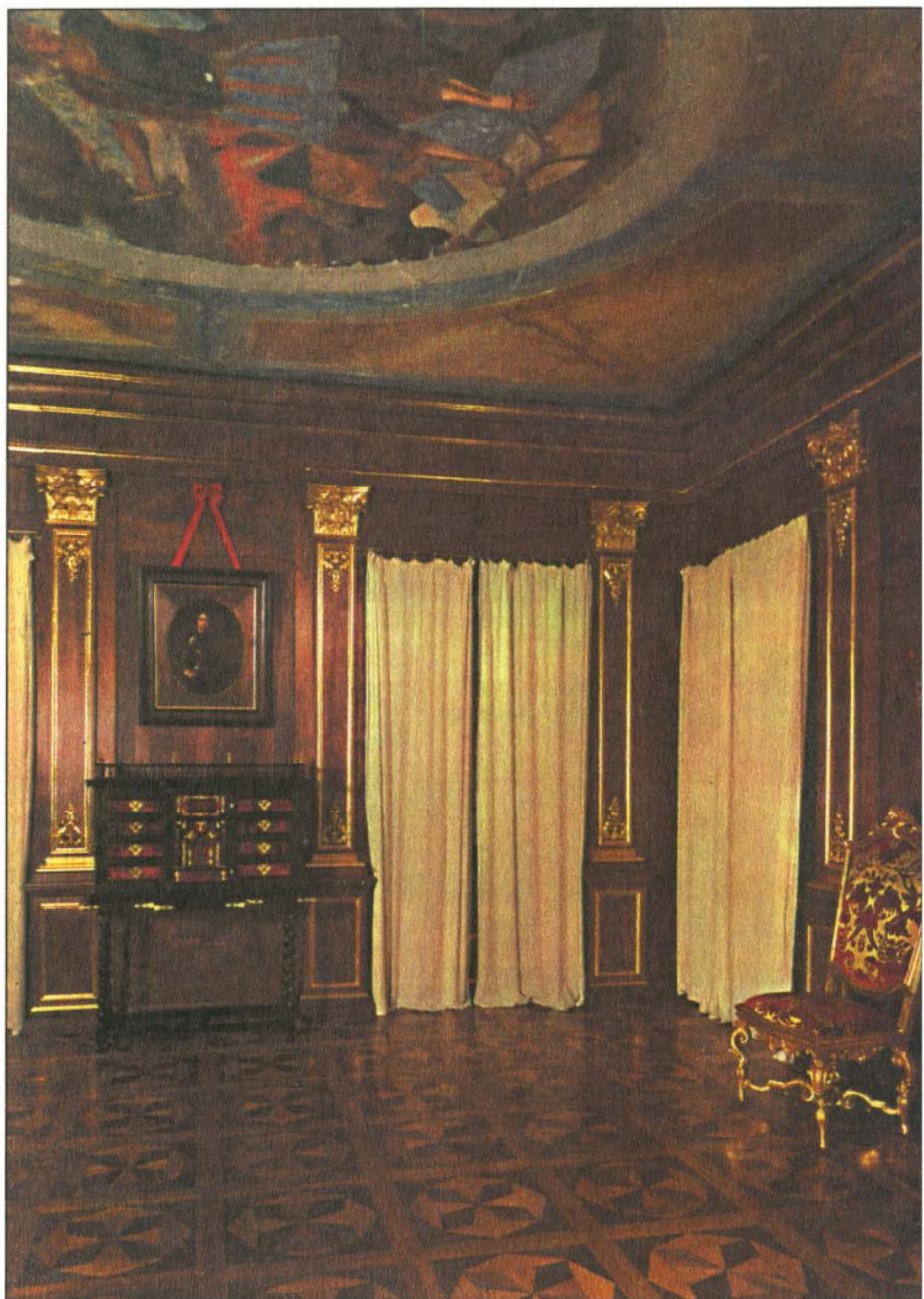
Елизавета Петровна (из книги «Российский
царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

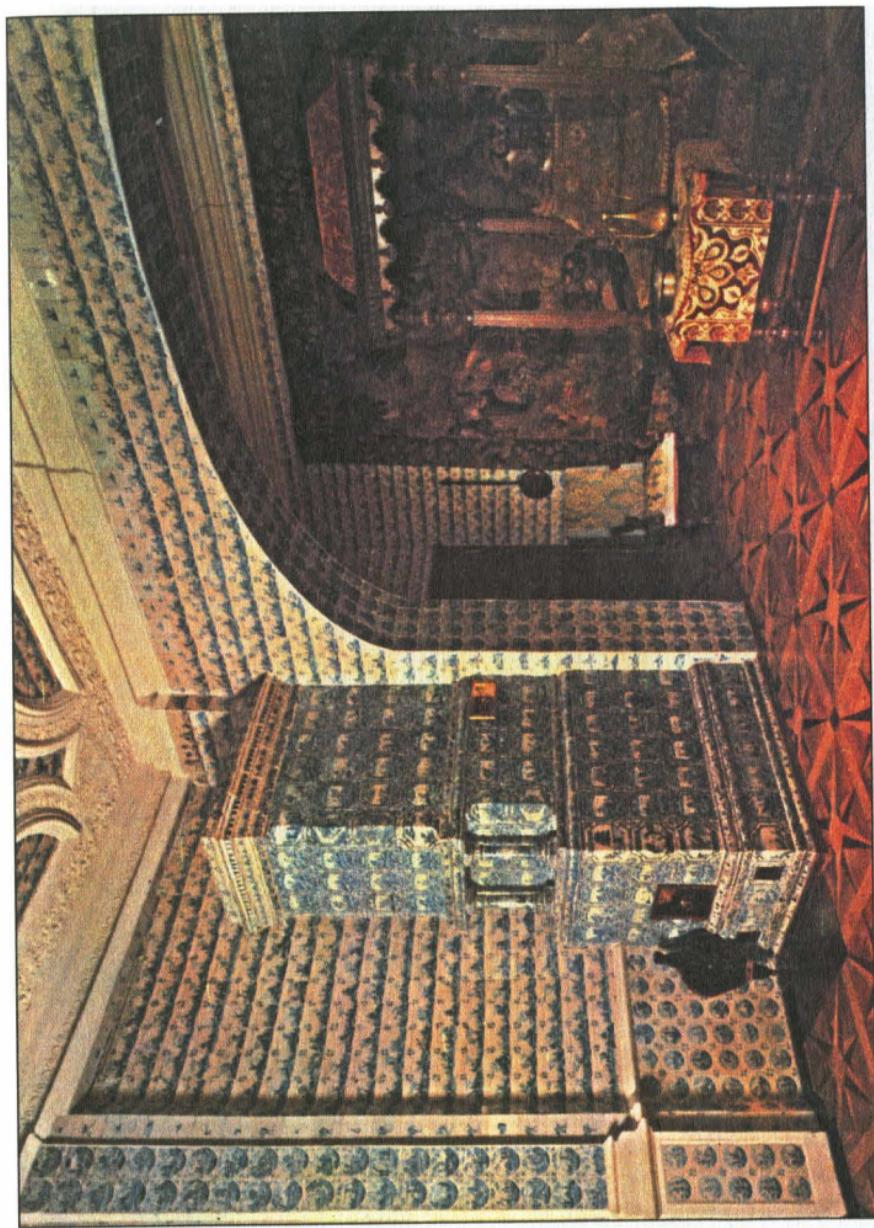
Петр III Федорович (из книги «Российский царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

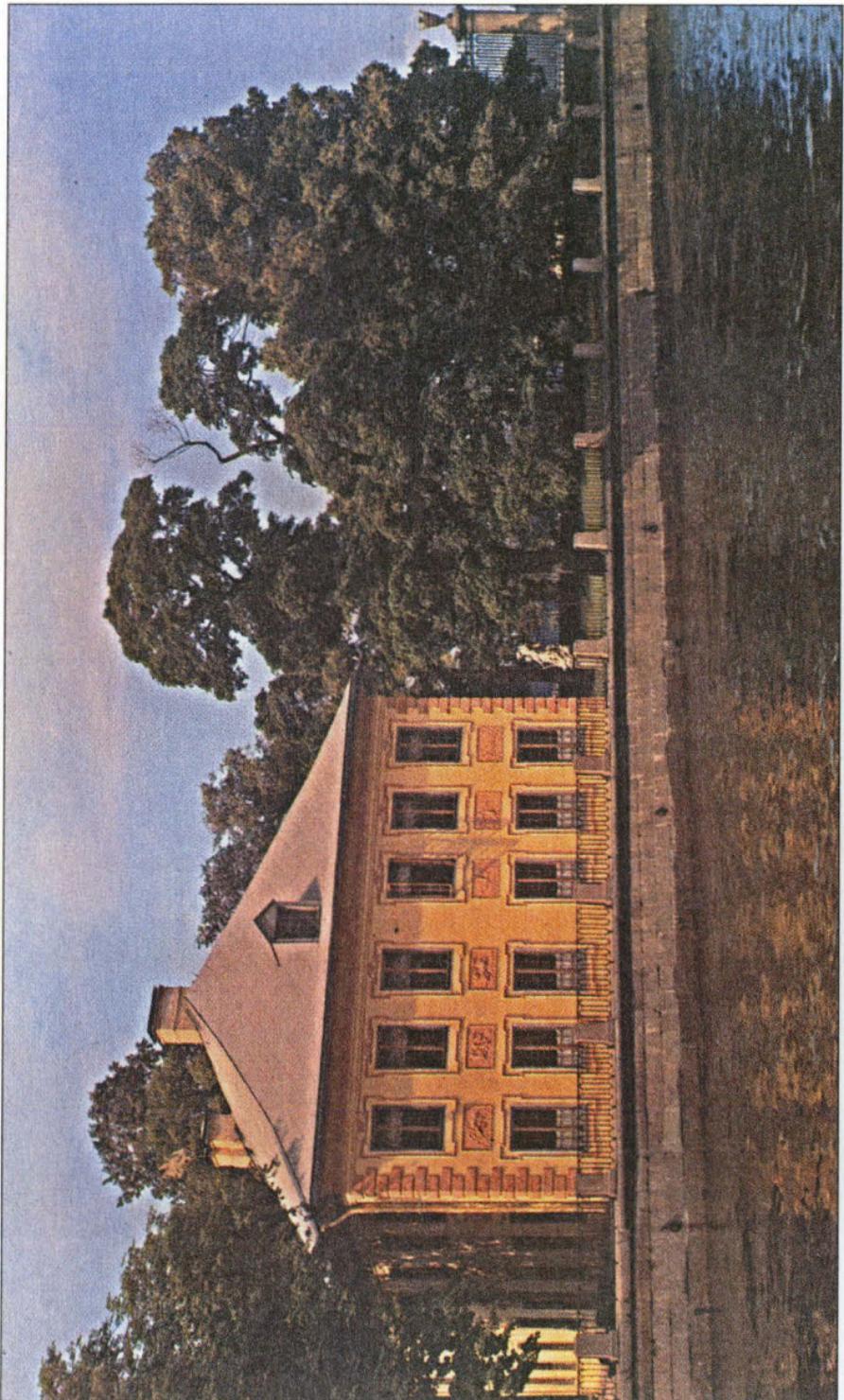
Дворец Меншикова (современная фотография)

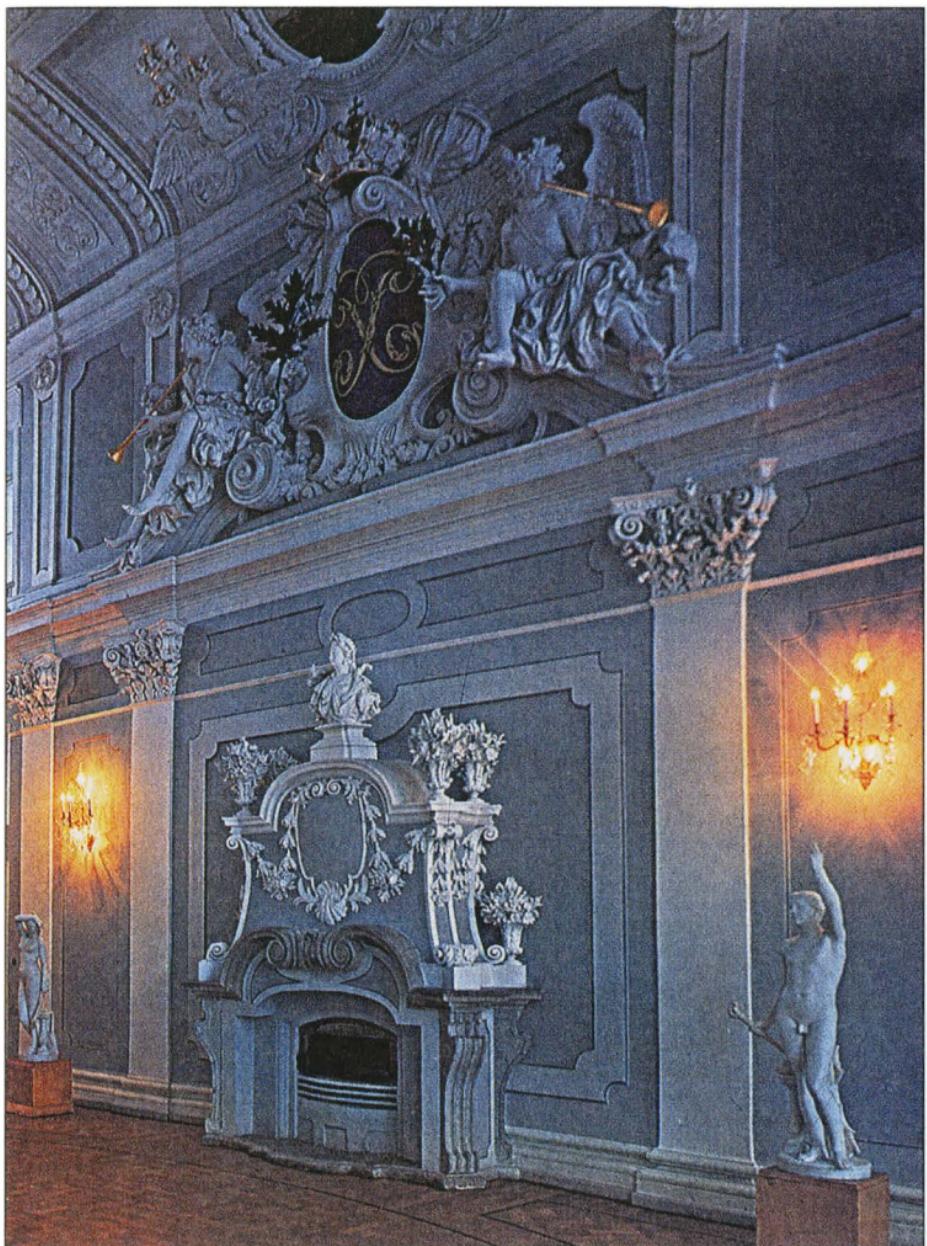
Интерьер углового кабинета во дворце Меншикова
(современная фотография)

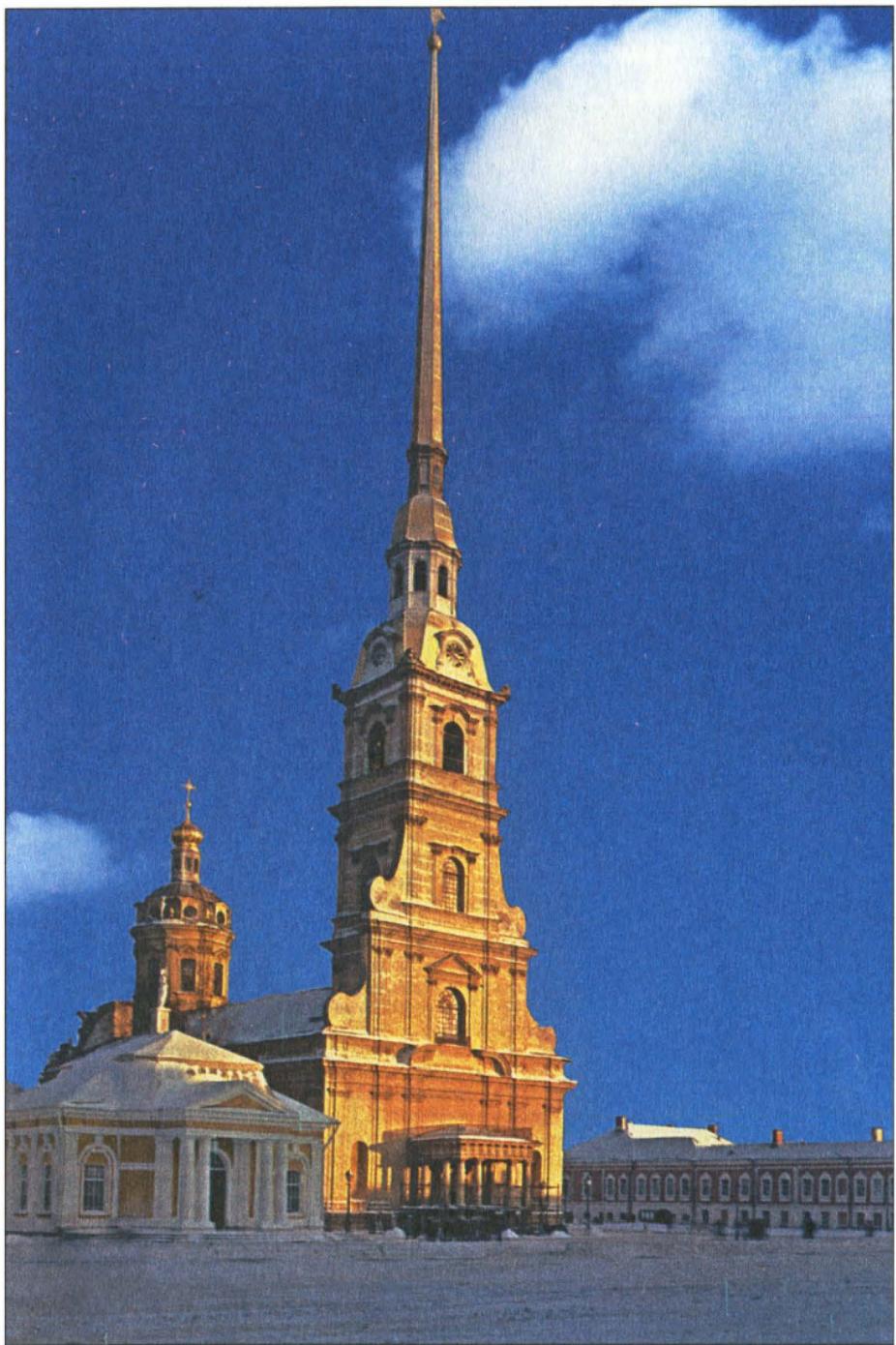
Интерьер жилого помещения во дворце Меншикова (современная фотография)

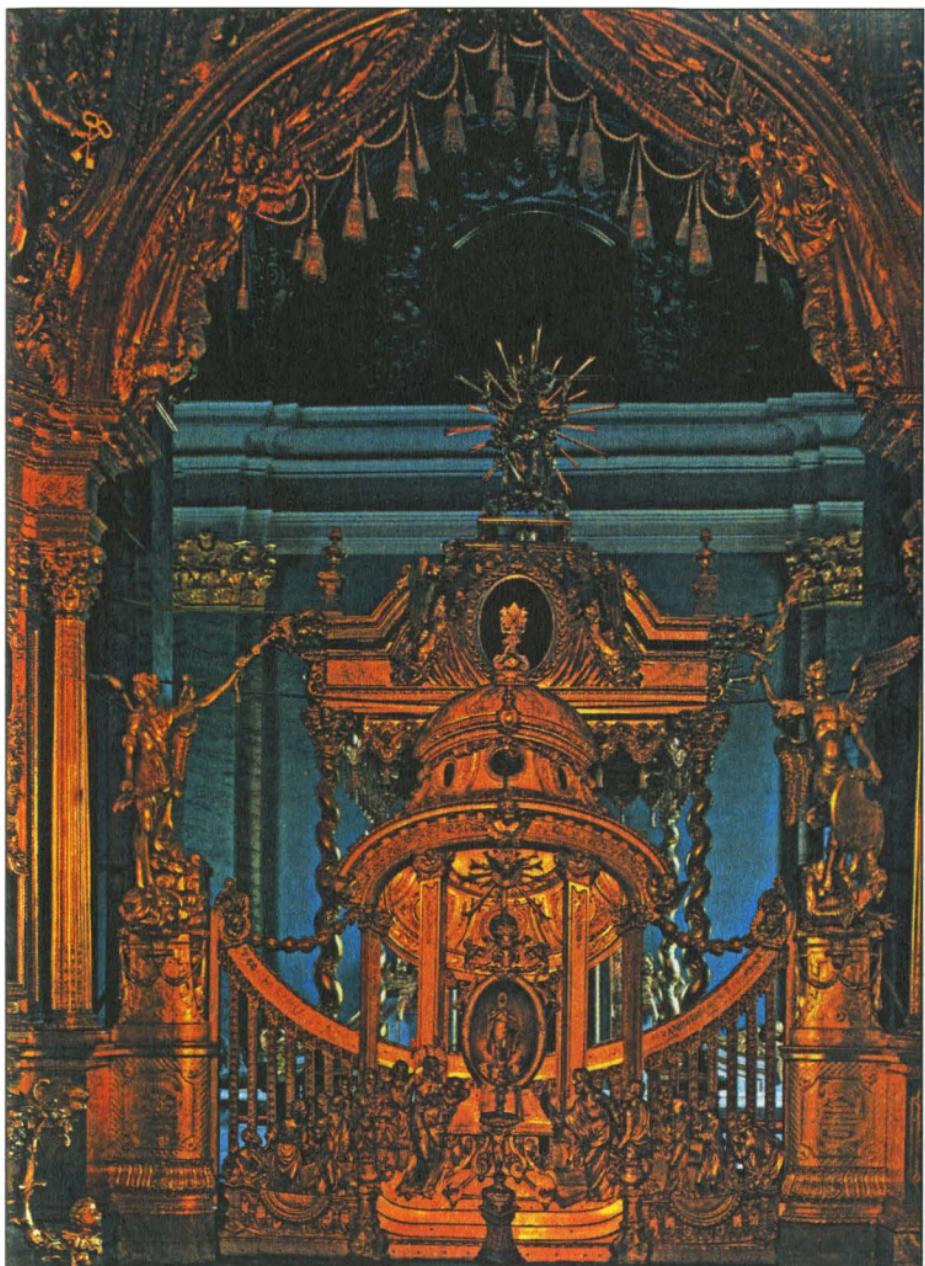
Вид на Летний дворец со стороны Фонтанки (современная фотография)

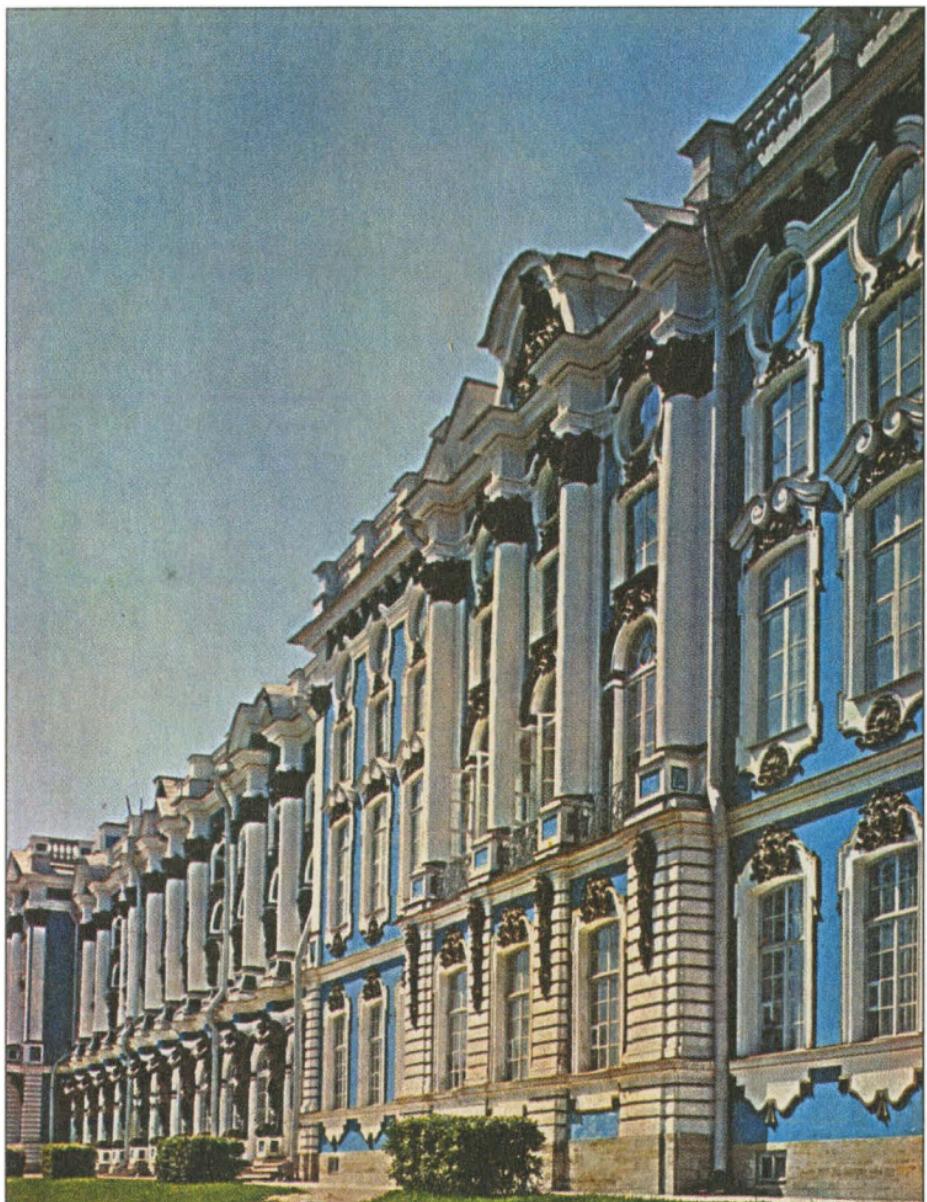
Интерьер Центрального зала Екатеринентальского дворца
в Ревеле (ныне г. Таллин) (современная фотография)

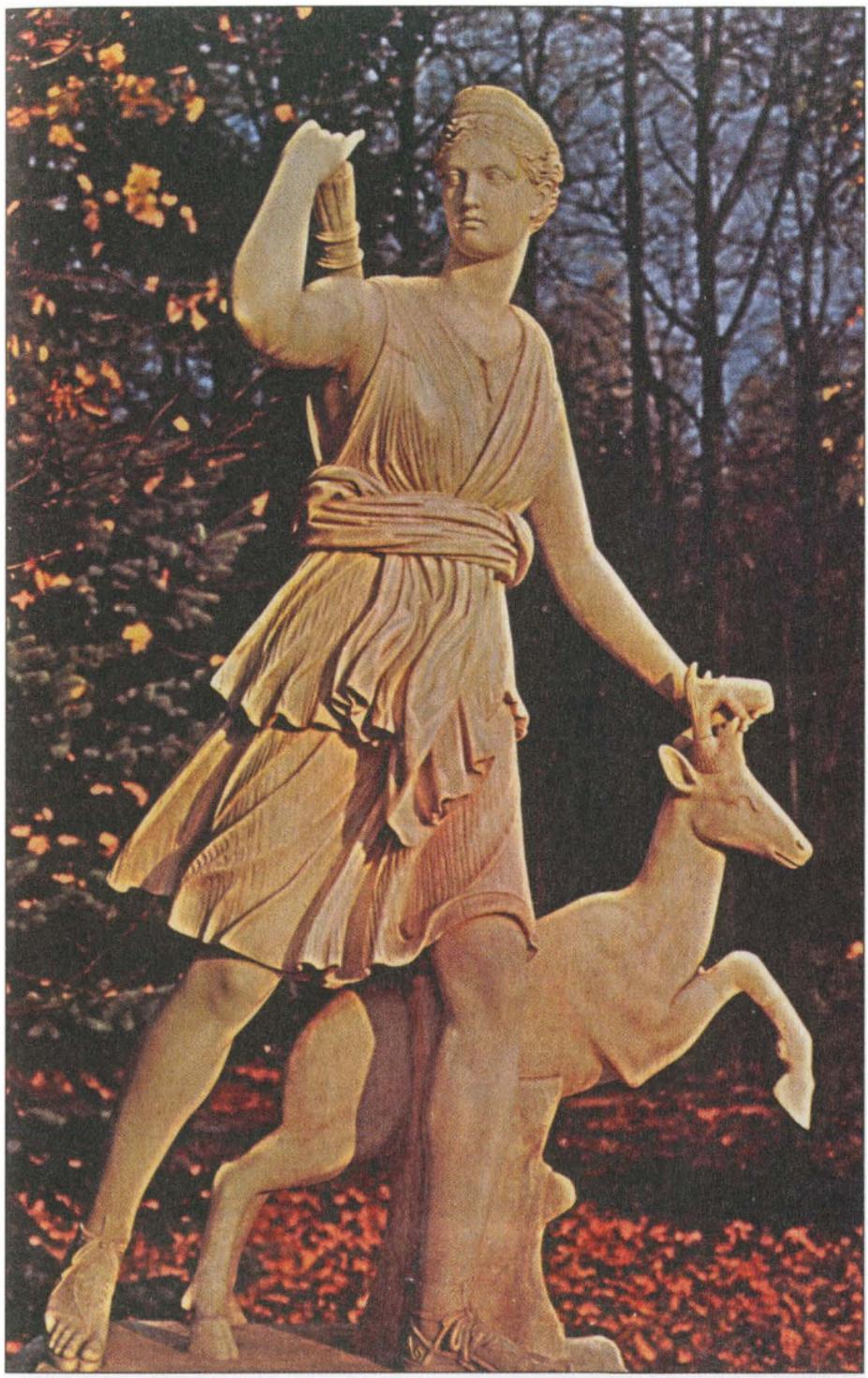
Петропавловский собор (современная фотография)

Центральная часть иконостаса Петропавловского собора
(современная фотография)

Екатерининский дворец в Царском Селе (современная фотография)

Диана и лань (скульптура в дворцово-парковом комплексе
в Царском Селе, современная фотография)

Неизвестный художник. Портрет М.В. Ломоносова

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

Балы, маскарады, царские охоты, напудренные парики, роскошные наряды, изысканные манёры... На этом фоне бурные дворцовые интриги «галантного века» представляются захватывающим спектаклем, хотя в действительности они явились следствием серьезных социально-политических процессов, происходивших в российском обществе конца XVIII века. Какими событиями была наполнена эпоха дворцовых переворотов, наступившая после смерти Петра I и продолжавшаяся до воцарения Екатерины II? Почему бывшие сподвижники Петра превратились в жестоких соперников, рвущихся к власти и готовых любыми путями раздобыть компромат на своего противника? Какой ценой была завоевана победа на «шахматной доске» политических игр? Обо всем этом – в захватывающем томе «Истории России».